

СССР
ОГОНЁК
№ 45 НОЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 45 (1742)

6 НОЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Виктор БОКОВ

Родина

Милая Родина,
Зори закатные,
Мачты высокие,
Голос турбин.
В золото осени
Ярко вплетаются
Флаги пунцовые,
Грозди рябин.

Я узнаю тебя,
Милая Родина,
В свете твоих
Заводских корпусов,
В атомной станции,
В запуске спутников,
В реве пропеллеров,
В шуме лесов.

Ты вдохновенная,
Ты несравненная,
В шаге, в заплыве,
В размахе крыла!
Ты — это самые
Быстрые скорости,
Ты — это самые
Лучшие новости,

В КРЕМЛЕ
Фото А. Новикова

ПОД ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Вл. СОЛОУХИН

Конечно, он и с самого начала являлся крепостью. Он был задуман именно как крепость, за стенами которой можно было бы отсидеться от нахлынувшего неприятеля.

На слиянии Москвы и Неглинки (любили князья рубить города на слиянии рек), посреди дремучих лесов, на высоком холме ставили стеной дубовые бревна, остро заточенные, похожие на нынешние карандаши. Нужны ворота, чтобы въезжать в огороженное пространство или выезжать из него, нужны башни, чтобы подальше видеть во все стороны, нужны хоромы для князя, нужны и церкви, ибо ни шагу не ступали в те времена без свечей, без ладана, без колокольного звона. Надо полагать, далеко разносился по окрестным лесам колокольный звон с московского княжеского холма.

На смену стрелам (пусть и калеными) приходили ружья (пусть и кремневые), а там уже недалеко и до пушек. Крепость должна была приспосабливаться к тому оружию, от которого предстояло обороняться. Стены просто деревянные, стены дубовые, стены белокаменные...

Кремль стоял на месте, а оружие на земле все совершенствовалось и совершенствовалось. Еще поднимать стены? Сделать их еще толще? Пожалуй, все равно не угонишься за нарастанием калибров, за умножением стволов, за растущими, как на дрожжах, горами пороха. Пришла пора засыпать ров вдоль стены (Красную площадь отделял от стены ров, наполненный водой). Пришла пора уж и Неглинку спрятать под землю в трубу, чтобы не путалась под ногами. И вот на месте речки, некогда служившей все же преградой для врага, имевшей, так сказать, оборонное значение, разбивается сад, в котором прогуливаются мирные горожане.

На суровые четырехугольники башен, опаленные огнем, начали ставить забавные стрельчатые надстроечники с ложными декоративными бойницами — все это уж единственно для красоты, а не для оборонного, крепостного дела.

...Шли годы, десятилетия. Перестав быть военной крепостью в прямом смысле слова, Кремль стал тем, чем мы видим его сегодня.

Москва, Кремль... Это сочетание слов знакомо и дорого каждому советскому человеку. Москва, Кремль... Нет человека на земле, который не знал бы этого сочетания слов. Несокрушимая крепость мира, оплот мира на земле — вот что такое древний Московский Кремль теперь, в середине двадцатого столетия.

11 марта 1918 года в Кремль из Петрограда переехало правительство молодой Советской республики во главе с Владимиром Ильичем Лениным. С этого-то дня под красными флагами, как старый, но овеянный славой крейсер, вплывает Кремль в новую для себя и для человечества эру.

Хватало уж ему исторической славы, когда Владимир Ильич Ленин вышел на первый субботник по уборке, по приведению в порядок священного русского места. С ним были тесно связаны последние годы жизни Владимира Ильича. Сюда народ на собственных руках принес его и положил навеки возле стены у кремлевской цитадели.

Если взять архитектурный ансамбль, то внешне не так уж сильно изменился Кремль за последние десятилетия. Дворцы, соборы, здание правительства, Грановитая палата и терема, стены и башни...

Бессмысленно было бы все дальше и дальше совершенствовать Кремль как крепость: не хватило бы для стен никакой толщины и никакой высоты, чтобы защититься от современного оружия. Но кто из нас не может сказать, что в течение 43 лет не становился Кремль все могущественнее, все неприступнее с каждым годом?

Строится Магнитка — величественнее и могущественнее становится Кремль; распахиваются новые земли — величественнее и могущественнее становится Кремль; перегораживают реки — величественнее и могущественнее становится Кремль. Каждая капля труда вливалась в могущество древнего русского, московского красного Кремля, и, наконец, стал он поистине несокрушимой крепостью, поистине оплотом мира, поистине надеждой всех народов и всех племен, населяющих нашу планету. Отсюда призывно звучат слова главы нашего правительства Никиты Сергеевича Хрущева: «Да здравствует братство между всеми народами! Да здравствует мир во всем мире!»

Москва, Кремль... За этими словами слышится воля миллионов.

Не так давно, за последние годы, еще в одном изменился Московский Кремль. Вместо жестковатой и суховатой планировки кремлевских аллей и скверов пришли на древний холм ласкающие взгляд живописные поляны; вместо однообразно подрезанной туи возникли яблони, благодарно цветущие весной, светящиеся аккуратно побеленными стволами, как если бы где-нибудь в обихоженном колхозном саду; молодые березки и рябины то тут, то там образовали трогательные группы, как если бы где-нибудь в укромном уголке Среднерусской возвышенности...

Оживленно, весело в Кремле с утра и до вечера. Гостеприимно распахнуты крепостные ворота, гуляют люди, смеются, разговаривают, и детские голоса создают ощущение мира и праздника.

Москва... Кремль... Сорок третья годовщина Великой Октябрьской революции... Кремль — по-прежнему крепость, но не военная, это крепость мира.

Самые светлые
В мире дела.

Ты — это счастье
Народов безбрежное,
Ты — это самая
Светлая жизнь.
Ты от Памира с Камчаткой
До Мурманска
Вся устремленная,
Буйная, бурная,
Вся, как могучий
Порыв в коммунизм!

Много больших исторических событий видел наш Кремль за годы Советской власти. Мы предлагаем вниманию читателей серию фотографий, воскрешающих в памяти некоторые этапы большого пути.

...Старая пушка стоит во дворе Музея революции в Москве. Из нее был произведен выстрел в памятный день 2 ноября 1917 года, когда революционные войска после упорных, ожесточенных боев, продолжавшихся целую неделю, вышли на Красную площадь.

В ночь на 3 ноября красногвардейские отряды вошли в Кремль и водрузили над ним победоносное знамя социалистической революции.

ПОД ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Год 1918

— Вы интересуетесь историей этой фотографии? — спросила Мария Акимовна Володичева. — С ней связано большое событие: Владимир Ильич, оправившийся после ранения, вновь приступил к работе.

Я тогда была машинисткой Совнаркома. Обычно Владимир Ильич не проходил через нашу комнату. А в тот сентябрьский день восемнадцатого года прежде всего зашел в секретариат. Это было неожиданностью. Все мы быстро встали, приветствуя Ленина.

Не помню, в этот день или в другой, кто-то пришел и сказал, что Владимир Ильич будет фотографироваться с работниками секретариата Совнаркома, и все пошли в зал заседаний. Я стою во втором ряду, за Анной Гляссер, с которой вместе начала работать в Совете Народных Комиссаров. В первом ряду рядом с Лениным сидят секретарь Совнаркома Лидия Александровна Фотиева, помощником которой я стала через некоторое время, и В. Д. Бонч-Бруевич.

* * *

На этой фотографии — бойцы 38-го Рогожско-Симоновского пехотного полка. Перед отправкой на фронт они пришли на Красную площадь. Мы решили разыскать кого-нибудь из бойцов этой части.

Долгие поиски привели нас на Разгуляй, в Доброслободский переулок, к Николаю Ильичу Егорову, который теперь на пенсии. Вот что он нам рассказал:

— Тридцать восьмой Рогожско-Симоновский полк был сформирован из рабочих заводов Михельсона (теперь имени Владимира Ильича), Гужона («Серп и молот»), АМО (ЗИЛ), «Динамо» и многих других предприятий района. Сам я был столяром на большом московском металлическом заводе Гужона. Время тогда было тревожное: собирали силы для защиты нашей страны от врагов.

Мы знали, что на Красной площади будет смотр боевой готовности полка перед отправкой на фронт.

Утром 16 октября на площади состоялся митинг. Потом мы прошли походным маршем по площади. А через несколько дней полк отправили на Царицынский фронт.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕЛИКОЙ ГОДОВЩИНЕ

Андрэ ВЮРМСЕР

В эти дни 43-летия Октября я возвращаюсь мыслями к некоторым переживаниям своего детства.

В ту пору капиталистическая реклама во Франции была не такой изощренной и не такой надоедливой, как в наши дни безудержной «американизации» парижской жизни. Впрочем, и тогда ходили по улицам бедняки с огромными плакатами-рекламами на груди и спине; их звали «сэндвичами», и я отчетливо помню, что мне, ребенку, было очень жаль их. Они же раздавали маленькие рекламные листовки. На одной стороне листовки вам рекомендовалась обувь какого-то парижского магазина, на другой была «загадочная картинка»: охотник, стоящий с ружьем у куста, и надпись: «Ищите кролика». Говорят, я был способным ребенком и поэтому, хоть и не без труда, все-таки однажды отыскал кролика, нарисованного в гуще листвы.

Научившись находить тщательно запрятанного зверька, я испытывал чувство снисходительной жалости к моим сверстникам: мне казалось просто непонятным, почему они вертят рисунок во все стороны и не могут обнаружить то, что само лезет мне в глаза.

Эту маленькую притчу из детских лет я привел вот почему. Я уже был юношей, когда парижские газеты стали писать, что некие «экстремисты» во главе с Лениным захватили власть в Петрограде. Не знаю, был ли я в то время так умен, как в детстве, но мне потребовалось немало времени, чтобы разобраться в этом вопросе; тут есть, правда, смягчающие обстоятельства: парижские буржуазные газеты всячески старались доказать, что события в России — «неестественное, маловажное и временное явление». Они упорно замалчивали декреты и воззвания нового строя, рожденного революцией. К тому же тогда шла война, она жестоко задевала каждого — у меня самого брат погиб на фронте в 1916 году. Мое неведение было ужасающим, особенно по части «политики». Я помню, с каким пренебрежением произносилось это слово в окружающей меня среде.

Но я стал настойчиво и упорно искать «кролика» и кончил тем, что нашел его. И тогда мне, как и в детстве, стало казаться странным: как же это мои сверстники не понимают значения совершившегося в России? Ведь Октябрь, подобно ярчайшему прожектору, осветил для всех людей и причины истребительной мировой войны и всю жестокость капиталистического строя с его нищетой, унижением человека, безрадостной судьбой миллионов и кричащей роскошью немногих!..

С тех пор прошло 43 года, а на Западе все еще подвизаются притворные «слепцы». Они делают вид, что до сих пор не могут расшифровать «загадочную картинку России». Конечно, речь идет не о простых людях мира — те давно поняли сердцем и разумом значение Октябрьской революции и ее влияние на их собственную судьбу. Некоторые из «слепцов» во фраках дипломатов старались делать вид, что «не замечают» Никиту Сергеевича Хрущева, с трибуны ООН указывающего пальцем на «кролика», прячущегося в густой листве лжи и лицемерия: на империализм с его бешеной гонкой вооружений, на ужасы ядерной войны, к которым он толкает мир, на дикую и позорную систему колониализма, сковавшую «цветное» человечество.

Право же, думая об этих «слепцах», я вспоминаю, как мне было стыдно, когда я впервые взял в руки листок с кроликом, а мать, ободряя меня, говорила: «Разве ты не видишь? Да ну же, погляди внимательнее! Вот, среди листвы... Ведь зверька ясно видно!» Мне было стыдно, но «слепцы» во фраках дипломатов не знают стыда!..

Помню, позднее, через несколько лет после Октября, мне пришлось много разъезжать по Франции. Я работал коммивояжером одной фирмы и должен был улыбаться заказчикам; право, это было почти так же унизительно, как печальная работа человека-рекламы на парижских улицах. Иногда на какой-либо станции, где останавливался мой поезд, одновременно делал остановку другой, встречный. Бывало, что они трогались и уходили в одно и то же время — в разных направлениях. И мне, затерявшемуся в сутолоке вокзала, приходилось метаться по перрону, чтобы попасть в свой поезд.

«Все мы путешественники в этой жизни»,— заметил как-то Паскаль. Но в переживаемую нами эпоху одни едут в поезде, который мчится вперед и вперед — об этом говорят великолепные итоги сорока трех послеоктябрьских лет в стране, которая впервые пересела на «поезд» социализма. Другие еще являются пассажирами поезда, который ползет в противоположном направлении в уготованный ему историей «железнодорожный тупик». Разве не свидетельствует об этом растерянность делегаций империалистических государств во время речей Никиты Хрущева в ООН и глубокое, полное признательности и

Год 1920

Два пожелтевших от времени снимка. Оба они сделаны в Кремле и потому дороги каждому советскому человеку. Я же особенно дорожу этими снимками, так как был участником событий, запечатленных фотообъективом.

Мне было тогда 18 лет. Весной 1920 года я, рабочий Трехгорной мануфактуры, стал курсантом кремлевских пулеметных курсов.

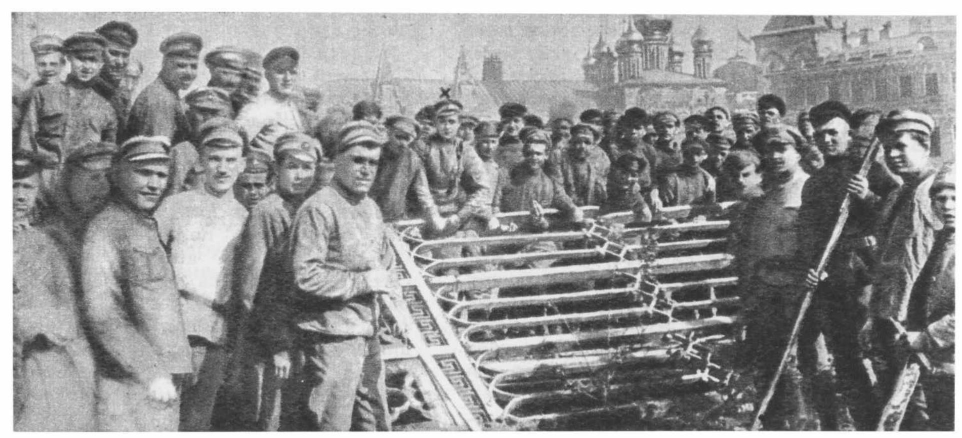
1 мая курсанты участвовали во Всероссийском субботнике, который проводился в тот день. Работали в Кремле, очищали его территорию от всякого хлама, накопившегося там за время гражданской войны. Когда уносили разбитую чугунную решетку, фотограф попросил нас остановиться перед аппаратом[1].

Работали мы с подъемом, потому что вместе с нами трудился Владимир Ильич Ленин. Как рядовой, он занял место в строю курсантов.

А несколько дней спустя Владимир Ильич принимал парад войск, отправляющихся на фронт. Выпускники наших курсов уходили на фронты гражданской войны, Этот парад вы видите на верхнем снимке.

М. ЕРЕМИН,
генерал-майор

[1] На снимке звездочкой отмечен М. Еремин.

надежд внимание, с каким его слушали делегаты «цветного» мира?

С каждым годом все новые народы поворачивают на великий путь свободы, демократии, прогресса, возвещенный и проложенный Октябрем. Какие бы нелепые истолкования этому факту ни давали некоторые наши твердолобые современники из числа притворных «слепцов», они не в силах изменить самого факта. Неопровержимые цифры мировой статистики говорят сами за себя. Социализм — это недостижимые для капитализма темпы индустриального, технического, научного развития, это самый короткий в мире рабочий день, это великие ценности культуры для всех и каждого, это подлинное братство людей всех цветов кожи, это мир как основа жизни на нашей планете. Капитализм — это лихорадка спадов и подъемов производства, это безработица, нищета миллионов и миллионов, это — прозябание на грани вымирания колоний, это атомная смерть и уничтожение.

«Слепцам», которые притворяются, что не видят всего этого, да еще пытаются ослепить миллионы других людей, не остается ничего другого, как благочестиво поднимать глаза к небу. Но и там они видят величественные космические корабли страны Октября.

Я пишу эти строки, и у меня возникает следующая мысль: «Какие идеи развивал бы Ленин, если бы ему случилось выступить с трибуны ООН в 1960 году?» И я говорю себе: «Мне не надо далеко ходить за ответом, достаточно еще раз перечесть выступления Никиты Хрущева на последней сессии ООН. Ибо эти выступления — доподлинный ленинизм в действии!»

Коммунисты — люди, сделанные из прочного и незыблемого исторического материала. Коммунисты живут в настоящем, прочно опираются на живую действительность и в то же время шагают вперед, смотрят в будущее.

Возьмите коммунистов Франции. Они были единственной во Франции политической партией, которая ринулась в бой против предательства Мюнхена, за которым последовала трагедия войны. Они с оружием в руках воевали против оккупантов в самые тяжелые для нашей родины годы. Они боролись и борются против вооружения западногерманских реваншистов атомным оружием. Они первыми разоблачили «грязную» войну во Вьетнаме и продолжают разоблачать бесчестную войну в Алжире.

А к чему зовут советские коммунисты, французские коммунисты, коммунисты всего мира сегодня? К миру. К тому, чтобы предотвратить атомную катастрофу на нашей планете. К тому, чтобы миллионы «цветных» людей могли наконец вдохнуть в легкие свежий воздух свободы и человеческого достоинства. Вот почему такой бесконечно трогательной, такой человечной в лучшем смысле этого слова была встреча Никиты Сергеевича Хрущева в Нью-Йорке с представителями молодых африканских государств.

Ленинская правда, историческая правда Октября мощно звучала с трибуны ООН из уст Никиты Сергеевича Хрущева. Разоружение, мирное сосуществование, изобличение империализма и колониализма, поддержка всех народов, борющихся за независимость,— все это есть генеральный курс внешней политики Советского государства, намеченный Лениным. Ленинизм остается неизменным. Меняется лицо мира, соотношение борющихся сил в мире, меняется сознание миллионов людей — и меняется так, как предсказывал Ленин в пламенные дни Октября и как утверждала и утверждает партия, воспитанная Лениным.

Я выше говорил о воображаемой ситуации — о появлении Ленина на трибуне ООН, если бы последняя существовала в те времена. Но Ленина, пожалуй, просто не пустили бы туда. А сегодня? Кто сегодня, в 1960 году, посмел бы игнорировать великую страну социализма? Жалкая «операция Манхэттен», предпринятая ньюйоркской полицией для ограничения передвижения Хрущева, ничего не смогла изменить в этом решающем факте. Да, во времена Ленина, который говорил, что в России, Китае и Индии живет большинство человечества, Китай и Индия еще оставались порабощенными, Азия «ничего не стоила» в мировой политике, Африка спала мертвым сном. Сам Советский Союз был единственным социалистическим островом, окруженным океаном капитализма. Представьте, что Ленин заговорил бы тогда о полном и всеобщем разоружении. Его встретил бы наглый смех господ во фраках. А если бы Ленин предложил решение о ликвидации колониальной системы на всем земном шаре? Это встретило бы только пренебрежительные пожатия плечами у дрессированных дипломатических агентов колониальных империй. Сегодня, в дни, в которые мы с вами живем, ни один человек в зале заседаний ООН не посмел улыбнуться, слушая слова Н. С. Хрущева о всеобщем разоружении и внесенную им Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Хрущев опирается на историю, творимую народами, на волю этих народов к разоружению и миру, на гигантское освободительное движение в Азии и Африке. Нет, это не те времена, когда Герберт Уэллс произнес свои поспешные слова о «кремлевском мечтателе»! В наши дни миллионы людей уже легко находят «кролика».

Конечно, путь к миру, к разоружению, к свободе колониальных народов не гладкий путь. Гитлеровские генералы в Западной Германии, американские фабриканты водородных ракет, явные и тайные фашисты в странах Европы — все эти затхлые силы старого, гибнущего общества еще отчаянно сопротивляются. Они сопротивляются новому, исторически восходящему, что так ярко, свежо, по-народному заявило о себе в речах Н. С. Хрущева под сводами зала ООН.

Но правда побеждает, она встает над миром, правда Ленина, правда Октября, правда Советского Союза.

Париж.

ОЧЕНЬ ХОРОШО!

В. КАССИС

Ему было на вид лет сорок. Скуластое лицо цвета меди, сильные обнаженные руки, закатанные до колен старые штаны — таким он запомнился мне, лодочник с берегов Янцзы по фамилии Ван.

Это было лет пять назад. По заданию редакции мне нужно было спуститься вниз по реке Янцзы до города Чунцина, откуда начиналось пароходное сообщение. Я должен был собрать материал о речниках народного Китая.

Течение в тех местах сильное, река в быстринах. До Чунцина можно было бы плыть на веслах. Но я торопился к месту назначения и решил нанять парусник. Крестьяне из прибрежной деревушки посоветовали мне зайти в фанзу семьи Ван: «У них есть добрый парусник, да и люди они хорошие».

В деревушке насчитывалось всего несколько десятков легких домишек. Фанза семьи Ван стояла несколько на отшибе, ближе к песчаному откосу. Хозяина я застал за работой. Он сидел на щербатом валуне и чинил старую рыболовную сеть. Широкополая соломенная шляпа закрывала его лицо; тень от нее падала на сильные руки, в которых неуловимо быстро мелькал самодельный челнок.

Заслышав шаги, Ван распрямил спину и растерянно улыбнулся. Потом поспешно отбросил сеть, поднялся и указал на камень:

— Садитесь! Садитесь, пожалуйста!

Мы быстро познакомились и без особых трудностей сошлись в цене. Ван согласился довезти меня до Чунцина всего за несколько юаней.

— В день управимся,— заключил он и поспешил в фанзу собираться в путь.

Небольшой парусник Вана внешне походил на рыбу. Его носовая часть имела форму рыбьей головы с нарисованными белой краской огромными глазами. В хвосте возвышалась надстройка из соломенных матов. Это была своеобразная каюта, в которую я забрался со своими вещами.

Ветер оказался попутным, и наш парусник ходко шел по бурой от ила и, как казалось, очень плотной воде. Песчаные отмели берегов перемежались с фантастическими нагромождениями скал. Золотом нового урожая отливали рисовые поля. Деревушка осталась далеко позади, когда Ван исподволь начал расспрашивать меня о жизни в Советском Союзе, о моих поездках по Китаю.

Ван говорил на чистом северном диалекте — явление далеко не обычное в здешних местах, — и я, в свою очередь, поинтересовался этим обстоятельством. Ван закрепил парус, сдвинул на затылок шляпу и сказал:

— Все мои предки жили под Харбином. И я родился там же. Вместе с Красной Армией дошел до Янцзы. Был ранен. Он закатал повыше штанину, показывая широкий рубец шрама. С тех пор так и остался здесь...

День разгорался, солнце жгло все невыносимее. Ван зачерпнул шляпой воду, ополоснул лицо, и вдруг я услышал русское слово.

— Хорошо! — с небольшим акцентом, по-русски воскликнул лодочник.

Я оторопел. Ослышался? Невозможно!

— Очень хорошо! — повторил Ван и громко рассмеялся.

Но уже через несколько секунд его лицо снова обрело серьезность.

— Дядя научил,— не дожидаясь вопроса пояснил Ван.— Всего два слова: «очень хорошо». Если хотите, я расскажу, как это получилось.

...Глухими партизанскими тропами лесов Приамурья шел 1918 год. Черные, холодные ночи без костров. Осунувшиеся, небритые лица бойцов Красной Армии, и среди них, русских, китайский солдат Ван. Его историю в отряде знал каждый. Голод и помещик выгнали Вана из дому. Брат с отцом перебрались в Харбин, а он, поскитавшись по нищим деревням, отчаявшись, перешел границу.

В те дни, когда весть о победе Великого Октября докатилась до Дальнего Востока, Ван работал учеником в небольшой сапожной мастерской под Владивостоком. А когда во Владивостоке высадились войска японских интервентов, Ван уже носил форму бойца Красной Армии. Во многих схватках с врагами революции участвовал Ван, или Ваня, как его любовно называли товарищи-бойцы. Вану хотелось рассказать об этих бурных днях своей жизни отцу и брату, но он был неграмотным. Как же быть? И Ван решил послать своим родным вырезанный из газеты портрет В. И. Ленина. Он считал, что портрет вождя пролетарской революции лучше всяких слов объяснит отцу, где его сын и чем он занимается. И письмо достигло своей цели.

Мой собеседник прервал рассказ, достал из кармана сшитый из куска клеенки бумажник и извлек из него пожелтевшую, сильно потертую газетную вырезку. На ней можно было различить знакомые черты товарища Ленина и часть лозунга: «Вся власть Советам!».

— Когда я уходил в китайскую Красную армию, отец передал мне эту вырезку с портретом Ленина. Я пронес ее через многие бои. И буду хранить всю жизнь. А потом передам своему старшему сыну, как эстафету. Ведь если бы не было Октябрьской революции в России, мы, китайцы, все так же гнули бы спины на помещиков. Мы приняли вашу революционную эстафету...

Ван бережно сложил газетный листок, спрятал его в бумажник и взглянул на небо.

— Будет ветер. Попутный.— И снова по-русски добавил: — Очень хорошо!

НА С

Богумил НОНЕВ,
болгарский писатель

Я еду в село Душанци. Не раз упоминалось оно в истории нашего партизанского движения в годы войны. А в прошлом году село удостоилось большой чести: оно признано одним из самых передовых по животноводству.

Осень. Теплая болгарская осень. Белые облака касаются среднагорских вершин, зелены сосновые леса, листва буковых и дубовых деревьев стала золотисто-желтой, пастбища окрасились мягкими акварельными тонами. Прелестна осень, пышна, многоцветна и немного грустна: ведь скоро все покроется снегом, и белая скатерть укроет ручьи и колодцы, луга и сады. Но в эту теплую человеческую грусть по солнцу врывается шум новой жизни. Бьется пульс новой Болгарии, в нем слышны голоса, полтора десятилетия назад незнакомые в этих краях. Доносится монотонный рокот дизельной косилки. Неподалеку работает бетономешалка — строятся новые коровники. По шоссе гордо движутся грузовики-пятитонки, а осипший бас их моторов далеко разносится по лесистым ущельям. Уже не по старой проселочной дороге лежит мой путь, а по широкому шоссе. Многое изменилось у Средна-Горы. Как и по всей Болгарии.

Смерть фашизму — свобода народу!

В этом селе, притаившемся на северных склонах Средна-Горы, в 90 километрах от столицы, по сути дела, не имели и представления о том, что такое жизнь большого города. Людям здесь жилось трудно. Земля рожала скупо. Не хватало хлеба, не было денег, не было и будущего.

После первой мировой войны в Душанци вернулись мужчины, изнемогающие от усталости, израненные, голодные, озлобленные. Казалось, не было просвета. Но вот и до Средна-Горы донеслись раскаты Великой Октябрь-

ПОД ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Год 1927

— Есть в жизни даты, которые не забываются,— говорит ветеран труда Московского автозавода имени Лихачева Александр Петрович Салов.— Для меня такой датой было 7 ноября 1927 года, празднование 10-й годовщины Октября.

Каких-нибудь три-четыре года назад наш завод представлял собой небольшие кустарные мастерские. И вот 7 ноября 1927 года по Красной площади мимо Мавзолея В. И. Ленина, в ту пору еще деревянного, проехали десять новеньких полуторатонных грузовиков марки «АМО-Ф-15». Я работал тогда на заводе рессорщиком и участвовал в изготовлении этих первых десяти советских автомашин.

Впереди колонны медленно шли только что выпущенные заводом автомобили. На одном из них был установлен подъемный кран, а к нему привязана старая телега с надписью «Пропадай моя телега, все четыре колеса — даешь автомобиль!».

Наш народ начинал борьбу за превращение Страны Советов в великую индустриальную державу. Маленький завод в Тюфелевой роще должен был стать автомобильным гигантом. И он стал таким. Марка «ЗИЛ» известна ныне всему миру.

←
Китайская Народная Республика. Уборка пшеницы в провинции Шэньси.

ГОСТИ ИЗ КУБЫ В МОСКВЕ. Правительственная экономическая миссия Республики Кубы, возглавляемая видным государственным деятелем Э. Гевара, прибыла в Москву для того, чтобы обсудить ряд вопросов, связанных с развитием торговых отношений между нашими странами и выполнением советско-кубинских соглашений, заключенных в феврале этого года.

— Я очень доволен беседой с нашим старым другом А. И. Микояном,— сказал нашему корреспонденту Э. Гевара.— Наши симпатии к советскому народу и вашей стране безграничны. Пользуясь случаем, прошу передать всем читателям «Огонька» самый горячий, сердечный привет.

На снимке: Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян и Э. Гевара во время встречи в Кремле 31 октября 1960 года.

Фото А. Новикова.

КЛОНАХ СРЕДНА-ГОРЫ

ской революции. Она указала путь. Коммунистическая партия, созданная «Дядото» — Димитром Благоевым, руководимая Георгием Димитровым и Василем Коларовым, крепла и мужала, она была с революцией и боролась революционными средствами.

На выборах в Душанцах победили коммунисты. Они завоевали общину и вывесили красное знамя. И так было до трагических дней 1923 года, когда фашистская контрреволюция потопила в крови Болгарию, подавила народное восстание и укрепила власть жестокой и продажной буржуазии.

Но могло ли это угасить человеческую надежду на другую жизнь, мысли о красном октябрьском знамени, развевающемся над Москвой и Ленинградом! Жители далекого села Душанци ловили каждое слово об успехах Советской страны, радовались им. Коммунистическая партия жила и действовала в подполье. Полиция арестовывала людей, суд отправлял их на виселицу, строились новые тюрьмы и концентрационные лагеря, но те, в чьем сердце было посеяно семя Октября, не знали дороги назад.

Пришли самые тяжелые времена. Гитлеровские орды напали на Советскую страну. Для болгарина советская земля была упованием и надеждой на будущее. И когда фашистские варвары вторглись в великую страну социализма, вскипела душа болгарского народа. В горах, где раньше бродили пастухи, появились люди с винтовками за плечами.

4 ноября 1943 года партизанский отряд имени Бенковского вошел в село Душанци. Но пусть расскажет нам об этом партизан «Максим», ныне генерал болгарской армии Иван Врачев.

— Все село — мужчины, женщины, старики и дети — вышло на улицу. Единственная партизанка в нашем отряде, Светла, едва ли когда-либо удостаивалась такого интереса к себе. Каждый нес ей подарок: чулки, шаль, перчатки. Товарищи смеялись тогда, что Светла за несколько минут собрала себе целое приданое.

Не меньшим почетом были окружены и мы, мужчины. Крестьяне нам приносили патроны. Идешь по улице — и вдруг кто-то тебя окликает и протягивает десяток патронов, которые заботливо хранились, может быть, еще с первой мировой войны. Другой протягивает сверток одежды — рубашку, свитер, носки...

На митинге наши товарищи Ильо и Карата разъясняли политику Отечественного фронта Болгарии, цель нашей партизанской борьбы, клеймили предательство фашистского правительства. Громкое «ура» разнеслось по селу, когда они говорили, что мы за братскую дружбу с великим Советским Союзом и что победа героической Красной Армии будет и нашей победой, нашим освобождением!

Партизаны сожгли полицейский архив, вернули крестьянам отобранное фашистами продовольствие. Они знали теперь, что Душанци будут для них крепостью в трудной и кровавой борьбе. И ушли в горы.

Потом наехали на грузовиках и мотоциклах жандармы с пулеметами. Налетели части так называемых «охотничьих дружин», составленных из предателей и бандитов. Многих душанцев арестовали, пытали. Но не прошло и месяца, как партизанский отряд снова занял село. На место павших становились живые, новая молодежь направлялась в горы.

Еще не наступил день 9 сентября, день свержения фашистской диктатуры в Болгарии, а жители села Душанци и соседних революционных сел и городков — Антона, Пирдопа, Копривштицы, Златицы — уже брали власть в свои руки и провозглашали свободу. Это произошло шестнадцать лет назад. Над Душанцами развевалось знамя, на котором было написано: «Смерть фашизму — свобода народу!».

Так мы живем сейчас

Рабочий день. На сельской площади ни души. Но вот появился какой-то человек в кепке, с дочерна загоревшим лицом. На миг мы остановились, посмотрели друг на друга и засмеялись. В последний раз я был здесь в те сентябрьские дни 1944 года, когда над нашей родиной взошло солнце свободы. Но тогда Стойчо Рибаров был еще мальчиком. Теперь передо мной стоял солидный мужчина, энергичный, нетерпеливый. Стойчо оказался заместителем председателя сельсовета. Едва мы сказали друг другу несколько слов, как подошел высокий человек в военной форме с погонами полковника. Да, и Никола Балов постарел, но глаза его все так же ярко блестели, как шестнадцать лет назад.

Во время войны он приехал в село на день-два как солдат-отпускник. Вскоре мы узнали, что Никола скрылся в горах. Его дом разрушила полиция. Семья была сослана в северную Болгарию.

Мы стали вспоминать старые Душанци. Покосившиеся домики, обмазанные глиной, с земляными полами, узкие дворики, которые сколько ни чистишь, все не можешь вычистить: люди ведь жили вместе со скотом, с курами. А теперь? Душанци — это почти сплошь новые одно- или двухэтажные кирпичные дома, с широкими верандами, большими окнами, крытые черепицей. Зайдите в любой — новая мебель, радиоприемники, портреты Ленина и Димитрова на стенах. Полы устланы яркими домашними коврами. Кажется, будто цветочные покровы лугов и нив вошли в дома крестьян.

Перед одним из домов я увидел бабушку Милку.

Семидесятилетняя женщина, бодрая и прямая, как все среднагорки, приглашает нас в дом. Она ставит на стол, покрытый белой скатертью, графинчик с домашней ракией, салат, сладкую тыкву, солонину.

— Эх,— вздыхает бабушка Милка,— почему мы не родились на тридцать — сорок лет позже! Мы уж и забыли, как пахали сохой и плугом: теперь пашет трактор. Нет уж и женской нашей жатвы под горячим солнцем: теперь все делает комбайн, нет и косы: косит машина. Скоро и коров кооперативных будем доить машиной. А если захочется поехать в Пирдоп или в Софию,— пожалуйста, садись в автобус. Захочешь пойти в кино — каждый вечер приходи в библиотеку-читальню. Задумаешь купить обнову — к твоим услугам магазин. Так живем мы теперь. А раньше? Бывало, встанешь в полночь и замесишь хлеб. Теперь же у нас есть пекарня. Видишь, какой хлеб едим, а раньше сухой каравай по две недели жевали.

Милка Червенкова подливает нам вкусной ракии и подвигает закуску.

— Сейчас все по-другому, все по-другому...

В этот солнечный осенний день мы долго ходили по селу Душанци. Видели новые коровники, чистых и гладких телят, узнали о выведении новых пород скота по опыту советских колхозов.

Мимо бурной Тополницы, через сады, деревья в которых украшены темно-красными крупными яблоками и золотистыми грушами, мы отправились на пасеку. Тут 130 ульев, они дают ежегодно до двух тонн меда.

В полукилометре от пасеки строят новую овчарню.

Один из строителей, Станю Николов, обращается ко мне:

— Помнишь сына моего Колю? Ты его теперь не узнаешь. Он инженер в софийском телевидении. А сын учителя Салчо — тоже инженер, на медеплавильном заводе около Пирдопа. А сын Петко — офицер, работает сейчас в газете «Народна войска», журналист, как и ты. Все выучились!

Наступили сумерки. Фиолетовые тени скользнули по горам. С гор повеяло прохладой. Село озарилось электрическим светом.

Вечером я допоздна просидел в кооперативной канцелярии. Цифры, отчеты, планы — я поглощал все это с жадностью. У кооператива свой парк сельскохозяйственных машин. Большая часть земли орошается искусственно. Электричество и вода почти в каждом доме. В хозяйстве более четырех тысяч овец, более сотни коров. Урожай картофеля — 20, а в некоторых местах и 35 тонн с гектара. Своя сыроварня, сыр идет на экспорт. Все это на первый взгляд выглядит скромно. Ни по земельной площади, ни по плодородию земли Душанци не могут сравниться с Добруджей, Дунайской низменностью или Фракией. Но жизнь в селе с каждым днем становится все лучше. В этом заслуга его людей — бывших партизан, сохранивших боевой накал и в борьбе за лучшую, мирную жизнь.

Ленинград

Всеволод АЗАРОВ

Мой современник видит
ясный свет
Просторных улиц Невского района
И величавый
над Невой проспект
Обуховской
бессмертной обороны.
С тобой в союзе дружном,
Ленинград,
За наш
и за грядущий день
в ответе
Творцы коммунистических бригад,
Потомки Октября,
победы дети;
Желают счастья
людям всей земли,
В работе
не довольствуются малым.
Они шагают,
где отцы прошли
Под опаленным бурей
стягом алым.
Ты, отражая чудеса,
Нева,
Становишься сама
подобна чуду.
Ты
каждое мгновение нова,
Но фронтовой
тебя я не забуду.
Блокадная зима,
свирепый лед
И корпус корабля
в глубоких ранах,
Но все-таки стремящийся вперед,
Мечтающий о далях океана.
Он «Балтикою»
гордо наречен.
И, заслужив народов уваженье,
Посланца мира
нес бесстрашно он
В тот рейс,
что не забудут поколенья.
Мой город
занят новым каждый миг,
Творимое
слагает воедино:
Едва заметный
полупроводник
И мощные
гигантские турбины.
Когда я вижу
спутника полет
В просторах
мирового океана,
Когда я слышу,
как атомоход,
Ломая льды,
проводит караваны,
Я знаю,
это тоже подвиг твой,
Мой город,
что в упорстве неизменен,
Где, прозревая Завтра,
над Невой
Победно
простирает руку
Ленин!

Год назад, как раз в предпраздничные дни, молодежной бригаде Вани Богачева было присвоено звание коммунистической — второй на московском станкозаводе имени Серго Орджоникидзе.

Трудились ребята по-прежнему в полную силу, но стало больше чувства ответственности и возникло беспокойство: как еще можно помочь заводу?

Ответ на этот вопрос нашли члены бригады коммунистического труда соседнего инструментального цеха, руководит которой Юрий Топилин. Это он предложил лучшим своим товарищам возглавить отстающие бригады. Началось новое движение, и у его истоков стали комсомольцы. Примеру топилинцев последовала бригада Богачева. Костя Карпов, Виктор Коротеев стоят теперь во главе новых коллективов. И хоть у Вани Богачева только трое осталось из прежней бригады, звание коммунистической она сохранила.

На снимке: рабочие станкозавода имени Серго Орджоникидзе — участники нового патриотического движения (справа налево): К. Карпов, Е. Соленик, В. Коротеев, И. Богачев, А. Шабанов, Т. Березникова.

Фото И, ТУНКЕЛЯ.

Год 1935

В конце 1934 года меня вдруг вызвали в Москву. Я еще не понимала, почему успехи моего звена получили такую высокую оценку. Позже я узнала, что выращенный нами урожай — 469 центнеров сахарной свеклы с гектара — был выше мирового рекорда того времени. И участники всесоюзного совещания агрономов и директоров МТС проявили большой интерес к делам нашего звена.

А вскоре мне посчастливилось вновь побывать в Москве. На этот раз в качестве делегата II Всесоюзного съезда колхозников-ударников. Съезд состоялся в феврале 1935 года в Большом Кремлевском дворце.

Прошло четверть века, но и сейчас помню, с каким волнением я, простая крестьянская девушка, поднималась на трибуну съезда. «Вот в этом дворце бывшие цари сидели, а теперь мы здесь»,— так начала я свое выступление.

Тогда я дала обязательство вырастить 500 центнеров сахарной свеклы с гектара. Такие же обязательства взяли и другие. Началось движение пятисотниц.

Наши успехи, завоевания колхозного строя были закреплены в принятом на съезде новом колхозном уставе. Снимок, который вы видите, сделан в тот день.

Мария ДЕМЧЕНКО,
научный сотрудник Украинской Академии сельскохозяйственных наук

* * *

Эта фотография запечатлела академика И. П. Павлова выступающим в Большом Кремлевском дворце, где Советское правительство принимало делегатов XV Международного конгресса физиологов.

— Это была волнующая встреча, — вспоминает один из участников ее, профессор Федор Петрович Майоров.— Иван Петрович Павлов произнес тогда яркую речь. Обращаясь к иностранным гостям, он сказал:

«Вы слышали и видели, какое исключительное и благоприятное положение занимает в моем отечестве наука. Сложившиеся у нас отношения между государственной властью и наукой я хочу проиллюстрировать только примером: мы, руководители научных учреждений, находимся прямо в тревоге и беспокойстве по поводу того, будем ли мы в состоянии оправдать все те средства, которые нам предоставляет правительство...»

Эти слова большого ученого, нашего учителя, можно повторить и сегодня. Советская наука за четверть века добилась громадных успехов.

16 ОТВЕТОВ НА 4 ВОПРОСА

Праздничная анкета «Огонька»

Строительные площадки!.. Не они ли кипением своей жизни, стремительно нарастающим ритмом движения вперед лучше всего характеризуют сегодняшний день нашей Родины!

Десятки тысяч строек в нашей стране. И у каждой свой характер, своя судьба, свои трудности и заботы, свои достижения, свои герои.

Но, конечно, у них есть общее. И это общее особенно явственно проявлялось в горячие предпраздничные дни, когда все стройки рапортовали стране о выполнении обязательств, взятых в честь 43-й годовщины Октября.

Редакция «Огонька» связалась по телефону с четырьмя стройками, расположенными на севере, юге, западе и востоке страны.

КТО СТАЛ ЗНАМЕНИТЫМ НА СТРОЙКЕ В ЭТОМ ГОДУ?

КАКОЙ ДЕНЬ ТЕКУЩЕГО ГОДА БЫЛ САМЫМ ТРУДНЫМ?

КТО ВПЕРВЫЕ ВСТРЕЧАЕТ ОКТЯБРЬ НА СТРОЙКЕ?

КАК ВЫ ГОТОВИТЕСЬ ВСТРЕТИТЬ ПРАЗДНИК?

* * *

На строительстве Западно-Сибирского металлургического завода к телефону подошел комсорг стройки Владислав Карижский.

— Самый знаменитый в этом году? Ну, конечно, Николай Курышев. Да, он бригадир бригады коммунистического труда. Есть у нас такой трест — «Сталинскметаллургстрой». Он как раз в этом тресте.

— Чем же он прославился?

— Его бригада первая у нас начала работать на минусовых допусках. Знаете, что это такое? Нет? Это очень интересно и очень важно. Слушайте. В проектах зданий и сооружений дается допустимое отклонение от нормы. Обычно строители придерживаются плюсовых допусков. Дескать, крепче будет. Предположим, нужно в фундамент положить пятьсот кубометров бетона. С «плюсом» получается пятьсот двадцать пять кубов, с «минусом» — четыреста семьдесят пять. Конечно, для работы на «минусе» нужна особенная точность, но зато экономия громадная.

— Значит, главное — экономия на бетоне? Так?

— Не только на бетоне. И на опалубке и еще на многом. Сейчас вслед за бригадой Курышева с «плюса» перешли на «минус» другие бригады. А «минус» потребовал повышения квалификации каждого рабочего бригады. Так что не всегда плюс лучше минуса. Верно?

— Верно. А как у вас погода? Тепло или холодно? Плюс или минус?

— Пока ничего. Но скоро нач-

нутся весьма ощутимые минусы. В начале этого года хлебнули мы с ними горя. Но народ наш все выдержал.

— А что случилось?

— В январе ударили морозы. И тут нависла над стройкой угроза: тысяча автомашин у нас, от них зависит все. А машины остались, по существу, под открытым небом. Завести утром машину было совсем нелегким делом. Мороз лютует, градусов этак тридцать пять, руки примерзают к металлу, а стройка ждет. Что только не придумывали шоферы! Отогревали одну машину. Затем она таскала на буксире другую, пока та не заводилась. Сначала на стоянке гудел один мотор, а затем шум усиливался, как говорится, в геометрической прогрессии. Правда, с опозданием, но машины все же выезжали со своих стоянок. Стройка оживала. «Минусы» терпели поражение.

— Что уготовано «минусам» в этом году?

— Построена первая очередь гаража с мастерсними. Ведется перекрытие на строительстве второй очереди. Открыты бетонированные стоянки.

— Кто встречает Октябрьский праздник на вашей стройке впервые?

— На этот вопрос ответить очень трудно. Новоселов много. Цифру назвать не могу. Кто конкретно? Например, Валентин Иванов. Он работает монтажником. В прошлом году в это время носил еще солдатскую шинель, а теперь строитель.

— Чем комсомольцы думают встретить праздник?

— Мы сами для себя строим праздничный подарок. Клуб у нас был всего на сто девяносто мест. Праздник будем встречать в новом клубе. Его строили по инициативе комсомольцев. Так и назвали — «Комсомолец». Он рассчитан на восемьсот сорок зрителей. Сейчас к нему пристраивают спортивно-танцевальный зал на тысячу пятьсот мест.

— Значит, праздник решено отметить тоже на пять с плюсом?

— Обязательно.

* * *

Следующий телефонный разговор переносит нас на добрый десяток тысяч километров с востока на запад, в поселок Полоцкое, где идет строительство нефтеперерабатывающего завода, который будет одним из мощных в Советском Союзе и Европе. С нами беседует начальник строительства Петр Иванович Котоводов.

— Петр Иванович, назовите, пожалуйста, тех, кто прославился на вашей стройке в нынешнем году.

— Таких немало. Прежде всего назову, пожалуй, бригады Анатолия Гущи и Ивана Бахира. Первая из них сооружает жилые дома в нашем поселке Полоцком, а вторая трудится на строительстве крекинга.

Подлинным героем белорусского нефтестроя стал Василий Купчин. Раньше он работал в Ашхабаде, строил там театр и Дворец пионеров. Но узнал, что в его родной республике началось сооружение большого нефтеграда, и сразу примчался в Полоцк. Здесь мы ему доверили комплексную бригаду и не ошиблись. С его приходом она вошла в число передовых. А когда на стройку начала прибывать молодежь, не имеющая специальности, Василий по примеру Гагановой сдал бригаду своему воспитаннику Александру Литвинову, а сам ушел к новичкам.

— Скажите, бывали на стройке особенно трудные дни?

— Как же, бывали. Наш завод воздвигается там, где еще полтора-два года назад шумел еловый лес и стояли непроходимые болота. Они до сих пор напоминают о себе, особенно в ненастье.

Помнится, в субботу, 30 июля, полил дождь. Он сразу расстроил работу транспорта, затормозил доставку стройматериалов. И вот в этих условиях наши люди трудились без устали и хныканья, пока не закончили все работы, предусмотренные графиком.

— Есть ли на стройке новички?

— Только по комсомольским путевкам на стройку в этом году прибыло несколько сот юношей и девушек из городов и сел Белоруссии. Около шестисот человек пришло к нам после демобилизации из армии и флота. Направляются к нам и бывалые строители. Только недавно мы встретили один из отрядов подводников. Он будет у нас прокладывать по дну Западной Двины подводящий канал к береговой насосной станции.

— Петр Иванович, как у вас будут праздновать Октябрь?

— Праздновать 43-ю годовщину Октябрьской революции наши строители будут, конечно, с хорошим настроением. Ведь дела в нашей стране идут, как сказал Никита Сергеевич, очень хорошо, и у нас, на белорусском нефтестрое, много своих радостей.

С 1 ноября наш коллектив перешел на семичасовой рабочий день. В этот же день прошли первые занятия в нашем техническом училище.

Большой подарок в канун Октября получила детвора. Мы распахнули им двери прекрасного детского сада. Открылся в поселке и большой промтоварный магазин.

* * *

Еще один звонок — и мы слышим голос заполярной тундры, где растет, мужает, набирает сил город Мончегорск, где растут корпуса комбината «Североникель». У телефона управляющий трестом «Кольстрой» Лев Болеславович Стеткевич.

— Понятное дело, комбинат и сейчас — главный в городе; о нем, его людях наши первые заботы. Тех мы и считаем лучшими, передовыми, кто отличился на стройке сооружений комбината, монтаже оборудования. Первым нужно назвать бригадира монтажников Владимира Круткова. Среди строителей домов наиболее приметны бригады Владимира Аникеева и Александра Алешина. Обе они создают на берегу озера Имандра новую улицу — Комсомольскую набережную. Пока ее ориентирами служат остовы первых зданий, подкрановые пути да траншеи коммуникаций. Но начало положено, и, по всем признакам, доброе, хорошее.

— Вы спрашиваете: какой день был самым трудным днем для нашего коллектива в этом году? По совести говоря, выбрать сложно. На Крайнем Севере мало легких дней, погода тут коварная, изменчивая.

Но в этом году лето да и осень на редкость хорошие. Особых трудностей не было.

О молодых строителях, впервые встречающих Октябрьский праздник в Мончегорске, скажу коротко: их много. Как и в другие отдаленные местности страны, приезжают к нам комсомольцы, выпускники средних школ. Тот, кто прижился здесь, как говорится, сдюжил, наверняка будет хорошим работником. А таких большинство.

Теперь о праздновании 43-й годовщины Октября. Что же, отметим ее не хуже других. Утром 7 ноября трудящиеся города выйдут на демонстрацию. Строителям по праву достанется не последнее место в колоннах. Вечером центр праздника переместится в клубы города. На торжественных заседаниях отметим наших передовиков.

* * *

— Фрунзе на проводе. Говорите...

Трубка хрипит, задыхается, и вдруг после минутного молчания до нас доносится чистый и звонкий девичий голос:

— Здравствуйте, это я, Файна Кулова! О чем вы хотели меня спросить?

— Нам нужен кто-либо из строителей высокогорной дороги на Ош.

— Я и есть строитель.

— Нам нужен экскаваторщик, бетонщик...

— Я бригадир бетонщиков из Кизил-Миита. Я уже пять лет работаю на стройке.— В голосе девушки звучат недоумение и легкая тень обиды.

— Так почему же вы сегодня во Фрунзе?

— Я приехала на республиканское совещание бригадиров и ударников коммунистического труда.

— Вашей бригаде уже присвоено это звание?

— Нет, на нашей стройке пока никому такого звания не присвоено. Даже бригаде бульдозеристов Иващенко. А вы знаете, какая это замечательная бригада? Она просто чудеса делает! Впрочем, у нас много замечательных ребят.

У телефона Файна Кулова.

Вы слыхали, как они перебрасывали землеройную технику за перевал Тюя-Ашу? Не слыхали. Никто не верил, что через этот перевал напрямик можно перетащить экскаваторы. Инженеры предлагали демонтировать машины и доставлять их к новому месту работы в разобранном виде по круговой дороге. А дорога эта ни много, ни мало — пятьсот километров. Представляете, сколько бы ушло времени! А мы взяли обязательство: участок за перевалом сделать к празднику. И ребята сказали: перетащим машины через перевал. Пятнадцать часов длился перегон. Карабкались, как альпинисты. И не забывайте, все это на высоте почти четырех тысяч метров! Обязательно запишите имена экскаваторщиков и бульдозеристов, которые это сделали: Иван Колесников, Николай Кириленко, Николай Войченко, Михаил Свечинский, Владимир Саксонов, Анатолий Ануфриенко, Николай Сизанцев, Николай Чернобривцев...

— Хватит, Файна, хватит. Вы так перечислите весь наличный состав строителей дороги...

— А у нас и в самом деле здесь все герои. У каждой бригады на счету есть хотя бы один большой день в году.

— А у вашей бригады был такой день?

— Был. Конечно, мы в этот день не рисковали жизнью, как наши парни, но и от нас потребовалось огромное напряжение.

— Скажите, Файна, какой это был день?

— Ну, какой,— смеется девушка,— жаркий, июньский, субботний, короткий день...

— Не шутите, Файна, нас скоро прервут, разговор кончится.

— Нет, я говорю вполне серьезно. Именно в субботу нашей бригаде надо было открыть дорогу через один из перевалов. Сделать там подпорную стенку. Только после этого можно было открыть на дороге движение.

— И вы сделали?

— А как же! Но разве можно сравнивать это с тем, что сделали наши ребята однажды зимой во время проходки туннеля! Их там захватил буран, и кончилось горючее. Ни одна машина не могла пробраться туда в ту пору. А они нашли выход. Это Александр Водолазов придумал проложить по снегу трубопровод из топливного склада. Не побоялись двенадцатибалльного ветра, мороза... Вот это героизм! А мы что!

— Ну, не скромничайте, Файна, не надо. Не забывайте, что вы девушки и вам труднее, чем парням...

— Я совсем забыла рассказать о наших транспортниках из третьей автоколонны. А это очень интересно. Ведь они брали обязательство к празднику снизить стоимость каждого тонна-километра на две копейки, а уже досрочно снизили эту стоимость на целых семь. Вы думаете, это немного, копейки какие-то, а ведь если сложить их, получатся сотни тысяч рублей! Хороший у нас в этом году праздник будет! Весело будем его справлять!..

— Ну все-таки как?

— Что касается моей бригады, то в нынешнем году у нас праздник особый. В Таш-Кумыре для нашего участка дом построили. Вся моя бригада получает там квартиры. Значит, праздник будет с новосельем. Передайте привет Москве и москвичам. Пусть знают, что трудимся мы успешно. До свидания!

Беседы по телефону брали О. Куприн, М. Борушко, А. Ветров, Е. Микулина.

РИТМ ГОРЯЧЕГО ЦЕХА

Его зовут Николай Сергеевич. Но в цехе Верх-Исетского завода для многих он просто Николай, Коля. Позвонишь в табельную — узнать, работает ли сегодня товарищ Черных, а торопливый девичий голос непременно по-домашнему переспросит: «Вам Николая?..»

А вот уже на конференциях, больших собраниях его величают по имени и отчеству. Здесь привыкли его видеть чуточку торжественным, молчаливым, в отутюженной синей паре со звездочкой Героя на лацкане пиджака.

Он пришел на завод мальчишкой, во время войны. Недавно отмечалось двадцатилетие трудовых резервов; такой же, оказалось, рабочий стаж и у Николая. В сорок первом он поступил в ремесленное училище, а в сорок втором закончил его. Это был первый выпуск трудовых резервов.

Из училища Черных пришел в тот цех, где работает и сейчас,— в листопрокатный. То было очень тяжелое время, и Николаю в шестнадцать мальчишеских лет пришлось делать такое, что не всегда выпадает на долю взрослых. Он до мелочей отчетливо помнит одну смену, когда не выдержал напарник и ему пришлось в течение целого часа работать на двух операциях. Даже теперь, когда труд в цехе намного облегчен, это считается физически невозможным.

Суровую школу прошел Черных...

Посмотрите на него, на его бригаду во время работы! Выхватывается из нагревательной печи раскаленная заготовка — сутунка; в печи эти сутунки, как пироги, насажены... Несколько стремительных — в грохоте и пламени — операций, и тонкий лист стали выходит из-под рабочих рук. Это трансформаторная сталь.

Все меньше в печи стальных пирогов... Быстры и точны движения людей... Ловок в работе бригадир. Николай Сергеевич ростом, пожалуй, повыше других, брезент куртки плотно обтягивает крутые плечи. Он даже по виду старший. По виду, но не по возрасту. Николаю Сергеевичу — тридцать четыре. Иван Дмитриевич Шеломов, винтовщик, постарше бригадира.

В цехе у Николая Сергеевича — двенадцать друзей. Это самые близкие: бригада! Породнила их огненная работа. Двенадцать борются за звание бригады коммунистического труда.

Николай Сергеевич редко сразу после смены уходит домой. Много дел в цеховой комиссии партийного контроля по новой технике. На днях вот избрали председателем заводского комитета новаторов... А кроме того, он член горкома партии. Общественных дел у Черных — уйма. Однако он не жалуется. «Как успеваю? Трудно ответить на такой вопрос. Успеваю... И завод и дом... Впрочем, дома командует Антонина, жена».

С Антониной Николай познакомился лет пятнадцать назад в цехе: девушка работала крановщицей. Теперь она хозяйка большого хлопотливого дома — четверо детей: Светлана, Валерий, Таня, Сергей, тот самый Сережка, сын Героя, что однажды без ножа «зарезал» местную телестудию.

Было так. Телестудия снимала фильм об отце. Несомненно, участие в этом принимал и Сережка. Снимали его таким, какой он есть: курносый, живые глазенки и вихры во все стороны. И вот в последний день съемок исчезли вихры: сбегал Сережка накануне в парикмахерскую. Оператор схватился за голову: полная неувязка получилась в фильме. Пришлось ждать месяц, пока снова не отросли вихры...

Вечерами не скучно в доме Черных. Подготовятся ребята к урокам, и начинается веселая кутерьма. Последнее время, правда, стало потише: отец пишет книгу о своей профессии.

До поздней ночи не гаснет свет в комнате. А завтра с утра снова сверкание и грохот раскаленного металла. Снова до предела насыщенный этим грохотом ритм горячего цеха.

А. ЯКОВЛЕВ

→

Герой Социалистического Труда бригадир вальцовщиков Верх-Исетского металлургического завода Николай Сергеевич Черных.

Фото Дм. Бальтерманца.

«Тринадцать детей схоронила она, эта Магдалена».

О. Кобылянская. «За готар». 1902 год.

Черная Магдалена, о которой писала О. Кобылянская, жила в Дымке...

На улице Дымки нам повстречалась семья Сандуляк.

У матери-героини Елены Васильевны и Федора Пантелеевича родилось десять детей, и всех десятерых вырастили. О них подробно в двух строках не расскажешь, так что обойдемся лишь перечислением их имен и занятий. На этом снимке слева направо: Николай — плановик-экономист колхоза имени Ольги Кобылянской, студент 3-го курса Кишиневского сельскохозяйственного института, секретарь парторганизации 1-й бригады; Илья — ученик 8-го класса Дымковской средней школы; Федор Пантелеевич и Елена Васильевна; Пантелей только что демобилизовался из армии и сразу стал трактористом; Аврора — член огородной бригады; Георгий — ученик 5-го класса; Анна — заведующая животноводством и секретарь парторганизации комплексной бригады, студентка 1-го курса Львовского сельскохозяйственного института; Иван — ученик 3-го класса; Василий — инструктор-преподаватель автошколы в училище механизации; Лукерья в этом году окончила десятилетку, пошла работать телятницей; Домника — приемщица молока на ферме.

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ЗЕМЛИ»

Микола **БУРБАК**

Фото **В. ТАРАСЕВИЧА.**

Кажется, вся красота земная собрана в этом крае.

Бабье лето ткет свои золотые нити. Где-то далеко вверху прощальное журавлиное «курлы-курлы»...

Солнечные блики сварки телевизионной башни Цецино. Высоковольтная линия Верховины. Вертолеты на голубых трассах области. Дымок экспресса Варшава — Черновцы — Бухарест...

Горы. Крутые горные кряжи все выше и выше. Руины турецких крепостей. Могилы фашистских захватчиков. И скалы с гнездами беркутов, и пещеры атамана горских смельчаков Олексы Довбуша, и колхоз имени доверенного гуцулов, борца за правду Лукьяна Кобылицы...

Полонины в переливах светотени. Цветы — всеми красками радуги, сплошные ковры трав. Там чабаны с отарами. Здесь пастухи со стадами, фермы, лаборатории, маслоцехи. Ушли в забвение стенания трембиты, извещавшие о бедах, о горе, будившие тревогу у людей. Яркие огоньки в окнах. И время отсчитывается не по солнцу и зорям — часы на полонинах сверены с курантами Кремля.

Извиваются, бегут ручьи с гор. Разносится по ущельям рокот, глухой шум идет из оврагов. Реки — бурные, вспененные, быстрые. Весело поблескивает поток, отражая нежные краски леса, звучно плещет быстриной река, еще недавно такая ленивая на равнинах. На каскадах малых рек в оврагах — запруды, плотины, гидросооружения. Плоты идут по Пруту. Гидроэлектростанции в Испаси, Милееве, Выжнице засветили огни над Черемошем.

Долинами междуречья — степи, четко разделенные полосами пашен.

Стоит осень, хлеб — в зернохранилищах, на стендах — экспонаты второго года семилетки. Уродило! Зерно такое, что тесно в колосе! Сахарная свекла — размером с ведро. Початки кукурузы — в локоть. Дебелые стебли шуршат твердыми листьями, будто пергамент перебирают. В садах ветки ломятся от груш, яблок, айвы. Янтарные гроздья винограда клонят стебли к земле. В темноте яра нежится плесо. Играет форель в чистых протоках, и карпы звучно всплескивают в артельных прудах...

Испокон веков любили люди эту землю. Недаром же и села называются свежо и сочно: Яблонов, Черешенка, Садгора. В этих названиях и милые сердцу цвета и заманчивое звучание: Зеленый Гай, Белая Криница, Багриновка, Шепот. Имена и фамилии людей тоже несут в себе красу родного края: Явория, Калина... Лановой, Буковый, Заярный...

Поэтичная и трудовая сторона — Буковина.

Земля! Ни конца, ни краю — земля!

Сколько столетий ждали ее... Разграбленную, политую пóтом и кровью, милую и желанную. Чужую, жестокую, лихую мачеху. До отчаяния, до боли родную.

— Земли! — требовал кузнец из Черновцов Иван Король.

— Земли! — молил убогий хозяин-«газда» из Бродка Василь Гнеп.

— Земли! — взывал, чтобы все услышали, Владимир Савчук из Негринца.

Робко, молитвенно склонялись к ней, грудью припадая к полю. Раскаляли в горне лемеха, клепали косы — для нее. Старательно, с душой лелеяли ниву, любовно растили белый хлеб, — а не для себя. Умели выхаживать скотину и птицу, сноровистыми руками при-

«Разве бедная Анна могла прокормить двух детей?»

«Земля».

Это прямые потомки семьи Федорчуков, о которой рассказала писательница, — братья Савва и Михайло Жижияны, колхозники артели имени Ольги Кобылянской. Их родителей не мучали тяжкие раздумья: как прокормить сыновей? Братья выросли при Советской власти, и они прочно стоят на земле.

←

Двадцать свечей горят на праздничном пироге. Столько же лет исполнилось Марии Выгнан — одной из лучших доярок Черновицкой области.

готовляли масло, мясо, брынзу, мед, — а не для своих детей. Их дети хирели, зная квас, горький хлеб да постное хлебово — от самого рождения и до смерти... Добывали камень и рубили лес; разбираясь в тонкостях зодчества, воздвигали дворцы и виллы, — для кого-то. Берегли в лесах и реках зверя, птицу, рыбу и всякую живность, — другие, пришлые, охотились и вылавливали ее... Лелеяли природу, своими руками сотворили и сохранили живописнейшие ее уголки неповторимой красоты, — чтобы другие гуляли здесь... Все, что они готовили, — сладкое, вкусное, самое лучшее, — шло на стол. И когда на стол водружалось все это, то и они здесь были, — около дверей. Украдкой смотрели на сытую, роскошную и разгульную жизнь. Все в тех же грубых, домотканых чачах, в длинной, до колен, полотняной сорочке, с непокрытой головой стоял гуцул, как хозяин, и в то же время — как нищий. Оскорбленный, обиженный, смотрел он, как его труд, добро его проедали, пропивали, проигрывали в карты, сбывали за бесценок. Так было при турках, австрийских, венгерских баронах, ничего не изменилось и при румынских боярах... Сколько черных столетий!

Подобно Ватикану в Риме, резиденцию митрополита величали государством в Черновцах. С амвона «святого дома» была провозглашена отнюдь не проникнутая святостью концепция «крепкой связи с Новым Светом». А в Карпатах, как грибы, росли выселки с адресами компаний, монополий: хутор Америка, хутор Канада, хутор Черчилль... В «Красном зале» принц Густав Адольф шведский поднимал тост в честь митрополита Виссариона и заодно прибирал к рукам буковинские леса для «спичечного короля» Крейгера... Вовсе не для того, чтобы получить «митрополичье» благословение, съезжались сюда министры, депутаты, магнаты всех вер: украинец Василько, румын Нестор, турок Мутяца, немец Флёндар... Отсюда устами его преосвященства давались наказы духовным низам о божьих поборах за землю, за воду, окна, трубы, заборы, души миллионной грешной паствы. Здесь, как на бирже, плелись интриги, за кулисами «святого дома» кроили карту края, покупали министров и прессу, торговали судьбой самого народа. Много тайн, секретов, заговоров и предательств хранил в себе этот величественный памятник архитектуры со строгой красотой своих дворцов.

А рядом с ним, по долам и по горам, — соломенные крыши. Села слепли без окон, хаты чадили без труб. А рядом с ним — печальные, исхудалые, обнищавшие люди. Они, казалось, уже не замечали ни лесного шума, ни цветения садов, ни плеска быстрины. Будто где-то в стороне, не для них струились косые лучи солнца, будто далекой и чужой им была эта хлебная сторона.

Согнанные с земли, изгнанные из жилищ, осиротелые, выходили на дорогу. Семьями, общинами собирались, как журавли, в чужой свет, в далекие края. Молчаливые и опустошенные, обессиленные слезами, с трудом выдирали ноги из болота. Казалось, ноги сами хотят унести с собой куски родной земли, а земля не хочет отпускать своих хозяев. Да, тяжелый и окропленный кровью был этот путь! Тоскливый путь пахарей, гонимых в ночь...

И долго еще села жили вестями из-за океана.

— Мой на Кубе, — скрывая от людских глаз боль разлуки, говорил отец.

— Моя в Канаде, — смахивала мать рукой горючую росинку с глаз.

— А наш уже... Свечку по нем ставлю. Там, в Нью-Йорке...

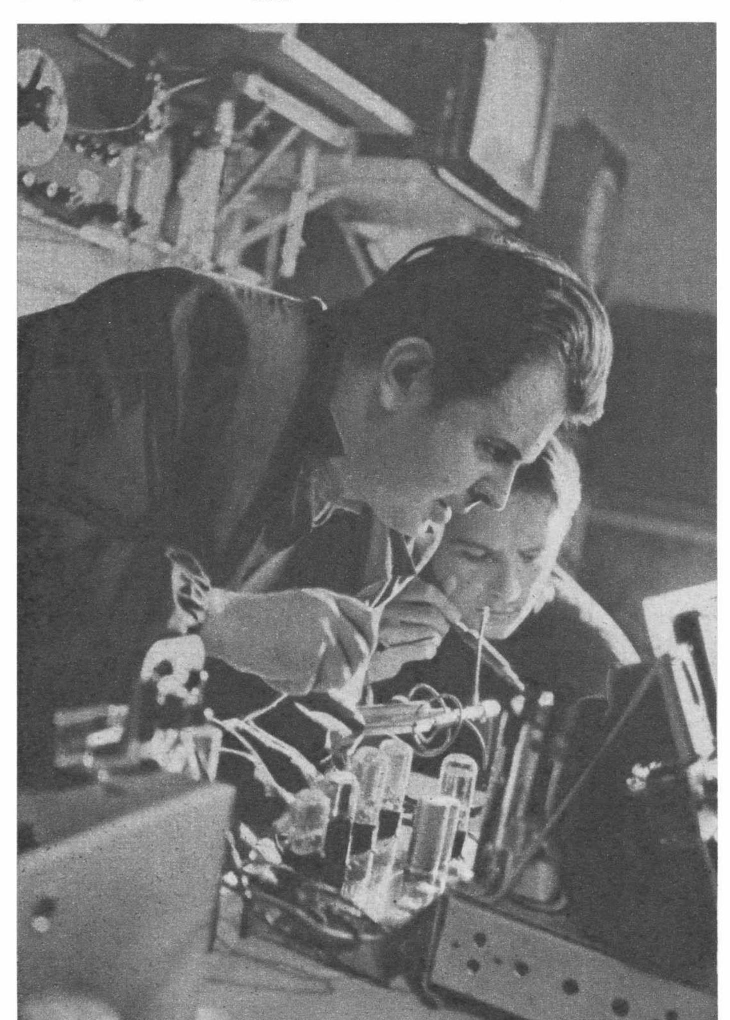
Мирные характером, великодушные, гостеприимные и дружные на редкость, но замороченные нуждой, угнетенные и темные, они черствели. Доведенные до отчаяния, хмельные от обиды, несправедливости, гневные до беспамятства, они искали выход своему протесту и отводили душу на... себе. Селянин из Боривцов Иван Сливка в отчаянии утопил свою маленькую дочь. Кусок земли стал причиной вражды в Романковцах в семье Федора Бурдейного. Де-

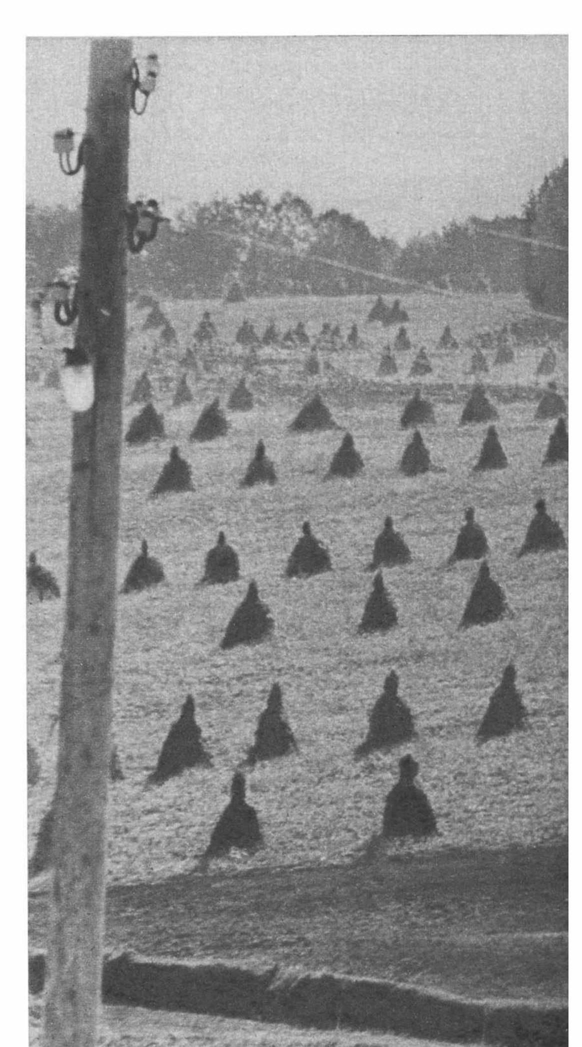

«На панском дворе она научилась многому: лучшим порядкам и способу ведения хозяйства».
«Земля».

Агроном артели «Заря коммунизма», Новоселицкого района, коммунистка Ванда Павловская училась «способу ведения хозяйства» не на панском дворе. В 1956 году она окончила сельскохозяйственный институт.

Уроженец Буковины Корней Денисович Товстюк получил образование в советском вузе, и теперь он, доцент, кандидат физико-математических наук, заведует кафедрой полупроводников Черновицкого государственного университета.
Какие широкие дали распахнула наука перед некогда неграмотными, бесправными трудовыми людьми!

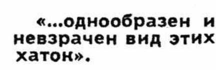

«...в хлевах, расположенных около землянок, содержался откормленный скот».

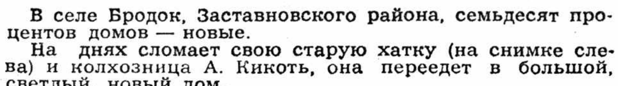
«Земля».

Так выглядят с высоты птичьего полета животноводческие фермы на Буковине.

«...однообразен и невзрачен вид этих хаток».

«Земля».

В селе Бродок, Заставновского района, семьдесят процентов домов — новые.

На днях сломает свою старую хатку (на снимке слева) и колхозница А. Кикоть, она переедет в большой, светлый, новый дом.

сять лет судился с сестрой из-за межи Владимир Рудой в Кельменцах. Стефан Бабьяк из Киселева заколол сына за клочок поля. Федор Семенюк из Ивановцев сгулом убил брата Василя за два метра полосы.

Жили будто за решеткой, мечтали о счастье и искали просвета в жизни. Верили, что найдут свое, боролись. За волю, за счастье стояли насмерть на Днестре хотинские повстанцы. Тымиш Рашковский из Недобоевцев сражался в легендарной бригаде Котовского, Петро Гордиенко-Гордий из Садгоры — в дивизии Чапаева, Герой Советского Союза Иван Козачук славил Родину под Берлином.

Император Франц-Иосиф хотел, чтобы Черновцы стали форпостом Австро-Венгрии против России. Король Румынии Кароль видел в них нечто вроде Малой Антанты. А кузнец из депо Иван Король в мечтах и снах видел его, свой город, в лоне Отчизны, в единой семье с Украиной, Россией, Белоруссией. Кузнец Король, как творец и хозяин, в подполье, в неравной борьбе ковал своему городу светлое социалистическое будущее.

Годы кличек, явок. Сколько названий, адресов, имен, словно насечек, вобрал и сберег его мозг! Забастовки, политические бои, кропотливый подбор партийных кадров, аресты, муки в застенках

«Незачем... с землей связываться, решили они, она порой столько горя приносит!.. Не всем от нее счастье».

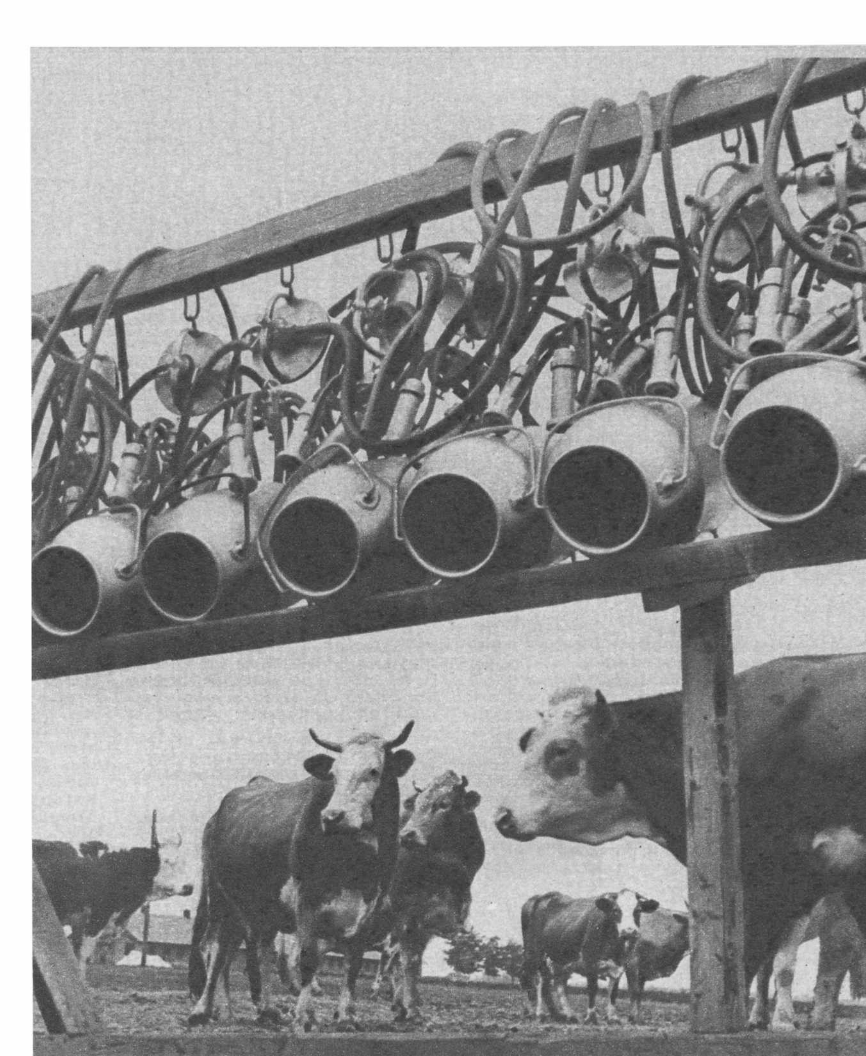
«Земля».

На полях колхоза имени XXI партсъезда, Вашковецкого района, поставлена в суслоны хорошо уродившаяся кукуруза.

Нет, эта земля приносит счастье всем, кто на ней трудится!

Стадо колхоза «30 лет Советской Украины» пришло на дойку.

В бывшей резиденции митрополита, к которой когда-то простолюдина не подпускали на пушечный выстрел, расположен Черновицкий государственный университет.

и пролетарская тризна. Трудная полоса жизни, сложная пора наступления на старый, прогнивший мир...

...И прошли годы. Не та уже сила, что была когда-то у кузнеца депо смолоду, не то зрение, не та поступь. Приглядись — и плечи у Ивана Короля поуже стали, и куда стройность делась? И сердце требует: береги! Но оно, сердце, и зовет дальше...

Вот он в зале заседаний, где собрались делегаты XX съезда Коммунистической партии Украины. Вместе с другими сыновьями партии разрабатывает планы строительства коммунизма. В эти дни забывалось и про сердце, больное и перетруженное...

«Так оно и шло, — думал Иван Король. — Брел я горными тропками, шел по широким долинным дорогам. Тяжело, с муками, с боями, двигался вперед изо дня в день. И дожил до нынешнего времени. Дожил. Вот она наяву, мечта наша...»

Годы прошли... А ну-ка, узнаешь ли ты их, свои Черновцы? Индустрия опрокинула, смяла городскую черту и вышла за ее пределы. Высятся краны в селах, работают экскаваторы в хуторах.

Маяками в море хлебов стоят заводы. И промышленная продукция с маркой «Буковина» известна в Индии, ОАР, Китае, Болгарии, а ковры, ткани, трикотаж — в Марселе и Загребе, в Лейпциге и Рангуне.

Василь Гнеп из Бродка носит на груди золотую звезду Героя за богатые урожаи, за восемьсот центнеров молока и двести мяса на сто гектаров земли. Батрак из Негринца Владимир Савчук возглавил колхоз. И пан, у которого он когда-то служил, теперь склоняется перед ним, дивясь мудрости организатора, мастера и хозяина.

Раскрылись настежь чугунные ворота митрополитской резиденции, проветрены аудитории, залы, кельи. Отсюда, с кафедры богословия, прозвучали когда-то слова митрополита Пугола: «Ворбиц нумай румунешти» — «Говорите только по-румынски». Это означало, что приходит конец украинскому и русскому языкам на Буковине. Отсюда, с кафедр и из келий, когда-то выходили дипломированные клерки капитализма. Помещики по гонору, янычары по духу, ревностные служители фирм и заядлые пан-отцы отданных им паств. И вот их места на кафедрах и за партами заняли дети рабочих и селян. Какие дети! Сами труженики! Прежде чем стать студенткою, Мария Вакалюк прославилась высокими урожаями и пришла в университет со звездой Героя Социалистического Труда. За двадцать советских лет университет выпустил пять тысяч специалистов.

Пятьдесят восемь лет назад гордая горлица Карпат писательница Ольга Кобылянская написала повесть «Земля». Жила она в селе Дымка, знала трагедию Жижиянов: как брат Савва за землю убил брата Михайла. Она изменила лишь фамилию: в повести Жижияны зовутся Федорчуками. После того, как была написана книга, Савва Жижиян сеял пшеницу в Альберте, мостил дороги в Онтарио, там и смерть подстерегла его — на чужбине, в Канаде. С ним делил голод и холод сын Иван — сгубил молодость в Америке. Потом — океаном, и железной дорогой, и пешком — снова в Дымку. Теперь здесь артель имени Ольги Кобылянской. Пасечником в артели — Иван Жижиян, ездовым — его сын Савва, плотником — сын Михайло. Дружной, работящей семьей на вольной земле, в достатке и счастье живет род Жижиянов. И вот эпилог: в Дымке на клубной сцене — постановка «Земля». Теперь внуки играют на сцене своих дедов. Савва — деда Савву, Михайло — деда Михайла. Так история гуцульской семьи повторилась только в именах.

...Озираю мой край, и сердце радуется, и волнения нельзя унять. Каменные кресты, разделявшие крестьянские полоски, уложены в фундаменты клубов. Архитектор украшает хату крестьянки, народной поэтессы, члена Союза писателей СССР Параски Амбросий. «Волги» на дорогах и газ на селе. Праздники, новоселья... Доярка Мария Выгнан с ее десятью тысячами писем и телеграмм после того, как вернулась из поездки в Кремль...

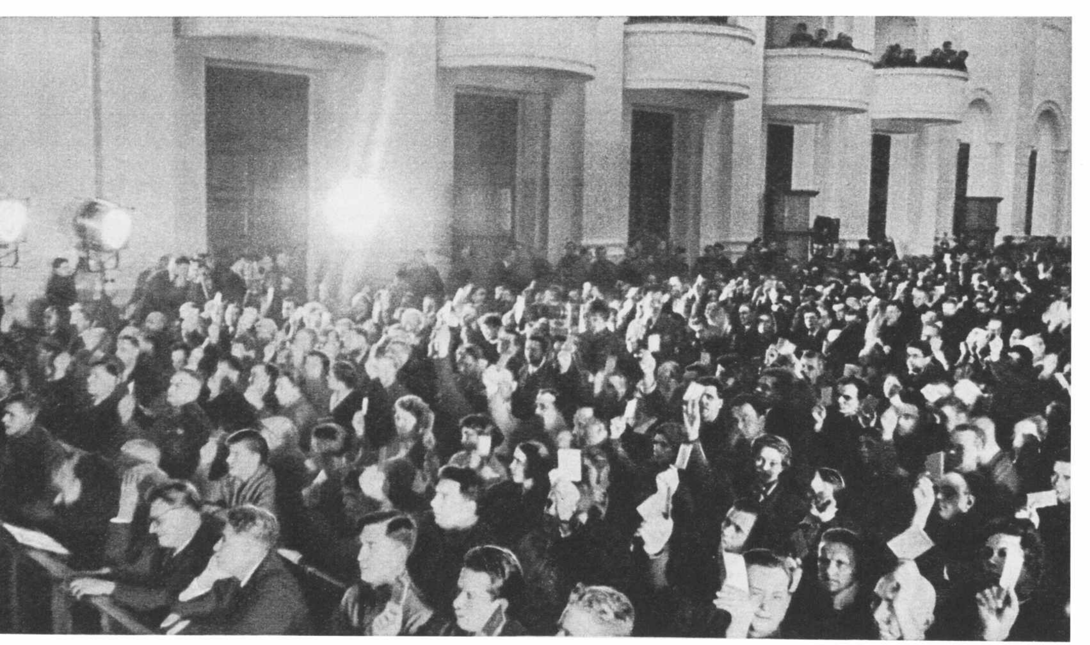
Какую повесть написала бы сейчас Ольга Кобылянская, доживи она до 43-й годовщины Великой Октябрьской революции! Что увидела бы она в нынешнем селе Дымка, в соседних деревнях и селах, где наблюдала ту страшную, беспросветную жизнь народа, которая водила ее гневным пером?

Пройдем же по местам, близким сердцу Ольги Кобылянской. И пусть спутником нашим будет томик ее правдивых творений.

Перевел с украинского К. ПАВЛОВ.

ПОД ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Год 1936

1936 год, снежный декабрь. Древний Кремль принимал посланцев со всех концов великой советской земли. Шли сюда русские, украинцы, белорусы, узбеки, грузины, армяне... Шли рабочие, колхозники, ученые, шли хозяева страны, чтобы принять самую демократическую Конституцию, которая когда-либо существовала в мире.

Пришел в Кремль с билетом делегата Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов и алтайский хлебороб Михаил Ерофеевич Ефремов. В ту пору он бросил клич бороться за стопудовые урожаи на колхозных полях.

Михаил Ерофеевич, ныне Герой Социалистического Труда, колхозный пенсионер, вспоминает:

— Сидел я в Большом Кремлевском дворце, слушал выступающих на съезде и думал о своем селе Метели, о том, какова была наша жизнь в старое, трижды проклятое время и какой стала теперь.

«Да ты ли это,— спрашивал я себя мысленно,— метелевский мужик Ефремов, внук Ерофея Семеновича, сын Ерофея Ерофеевича, потомок извечных бедняков, которых подгоняла хворостиной нужда, ты ли сидишь здесь в зале, участвуешь в решении государственных дел?..»

Год 1939

На снимке — комбайнер К. А. Борин и трактористка П. И. Ковардак, народные делегаты, во время заседания третьей сессии Верховного Совета СССР 28 мая 1939 года.

Преподаватель Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, кандидат сельскохозяйственных наук, Герой Социалистического Труда Константин Александрович Борин рассказал:

— В 1933 году приехал я из Горького на Кубань организовывать колхоз. Косо смотрели на нашего брата, рабочего, казаки. Посмеивались, что не сильны мы в верховой езде. Начали постигать мы эту хитрую науку. А тут перевели меня из бригадиров в комбайнеры, поскольку до колхоза пять лет проработал я слесарем. Пересел, как говорится, на другого коня. На этом коне и обскакал я всех в нашем колхозе. А потом дал самую высокую выработку. Вот тогда-то попал я впервые в Кремль. М. И. Калинин вручил мне орден Ленина.

В тот год, когда был сделан этот снимок, я заканчивал среднее образование и готовился поступить в вуз.

— А где сейчас Ковардак?

— Она работает агрономом в подмосковном совхозе имени Ленина.

Там, где лежат лук и стрелы

Михаил КОРШУНОВ

Маленькие рассказы

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Я жил в доме паромщика. Паром давно не работал, и дом пустовал, был ветхим, черным от старости.

Я жил один на чердаке, спал на сене. Мне нравилось жить одному у самого озера.

Вставал рано и поднимался на гору, где от войны остался круглый дот. В доте сражались наши бойцы, сдерживали фашистов, которые наступали на озеро.

Я влезал на крышу дота, поросшую высокими цветами, и смотрел на озеро, как начинался над ним день.

Тысячи лет назад ледники, отходя на юг, нагромоздили холмы Валдайской возвышенности, растопили свои синие кристаллы и заполнили водой впадины. Так появилось озеро Селигер с плесами и протоками, островами и полуостровами — Хачин, Городомля, Кличень, Скребель, Осташковский плес, Кравотынский, Селижаровский.

Осенью на озере бывают штормы, а летом вода тихая, и в ней отражаются леса.

Солнце не уходит от озера, оно живет над ним, поднимается из воды и опускается в воду.

Я встречал солнце и провожал.

Утром светло-желтое, оно ложится на провода электропередач, на маленький паровоз, который везет рабочих на завод в город Осташков. Паровоз идет рядом с озером и везет на себе солнце.

Везут его и грузовые машины на мокрых от росы капотах и пароходы. Пароходы обходят деревни, тоже собирают народ на работу в Осташков.

В колхозе, где я живу, первыми встают косари, надевают поясок с точилом и, перекинув через плечо косу, идут на луга.

Вслед за косарями выходят пастухи, выгоняют стада. Появляются тяжелые комбайны, они убирают рожь и пшеницу.

Вскоре приходят мои друзья-ребята и взбираются ко мне на дот. От ребят я узнал много интересного об их жизни на озере.

Днем я уезжал в Осташков, где были разные служебные дела, а вечером возвращался в деревню, в старый дом паромщика.

Возвращалось в озеро и солнце, оно было красным.

Хозяйки шли с ведрами за водой: пора ставить самовары. Хозяйки черпали из озера красную воду заката и несли по тропинкам в дома.

Мы с ребятами тоже наполняем котелок красной, закатной водой и подвешиваем над костром, кипятим чай.

Тихо шелестит у берега осока. Притонули кувшинки, и ночная тень застилает землю, плотнее сжимается вокруг костра.

Прутиками мы поправляем угли под котелком и слушаем, как гудит, закипает вода.

В деревне зажигаются огни, хлопают двери сараев и коровников. Скрипят калитки, постукивают топоры.

Мы с ребятами пьем чай.

Шлепают по воде весла. На корме лодки горят керосиновые лампы. Их будут развешивать на деревянные щиты, которые показывают пароходам отмели и ворота в протоки.

В лодке бакенщик Селиверст с дочкой Васенкой.

Где-то всхрапывают лошади — их гонят в ночное.

Громко заиграла радиола. Это вернулся домой Гриша: он сам веселый и любит веселые пластинки.

Кто такой Гриша, я расскажу. И про Васенку расскажу, и про Спирьку и бабушку Алевтину, и про шофера Запашного и его бензовоз, и про многое другое, что я видел на озере и о чем узнал от ребят, когда по вечерам мы пили чай из котелка.

Утренние цветы

Васенка шестом толкала комягу — лодку из двух бревен. Лодка напоминала поплавки гидросамолета.

Васенка стояла босая, в коротком платье и в белом платке. Платок торчал на голове острым уголком, ветер шевелил его и отгибал, будто маленький парус.

Лодка из бревен шла легко: она была специально приспособлена для плавания по заросшим протокам и обмелевшим от водорослей плесам.

Когда Васенка вытаскивала из воды шест, на нем оставалось зеленое кольцо: к шесту прилипали частицы водокраса. Такое же кольцо было вокруг лодки.

Васенка собирала лилии. Она знала, где они растут, и каждое утро ездила за ними.

Старые люди рассказывали предание о водяных лилиях, об озере Селигер, где лежат лук и стрелы.

Жил на Селигере охотник Родослав, который стрелял из лука диких уток. Его стрела случайно попала в белого лебедя. Лебедь долго бился, пока не утонул. Из крыльев выпали перья и остались на воде.

Родослав огорчился, лук и стрелы забросил в озеро.

Утром на том месте, где погиб лебедь, он увидел легкие, как перья, белые цветы. Это были водяные лилии.

С тех пор цветы всплывают утром, а к вечеру скрываются под водой.

Лук и стрелы Родослава до сих пор лежат в озере, и когда поднимается волна, можно услышать, как тихо вздрагивает тетива и звякают железные наконечники стрел.

Васенка срывает лилии с длинных стеблей, складывает в лодку. Колечки водокраса появляются на ее руках.

Васенка кладет шест и достает весла. Она гребет к бакенам, которые стоят у входа в Осташковский плес.

Каждому бакену Васенка привязывает к верхушке цветы, и на скучных деревянных поплавках распускаются свежие лилии.

Мимо бакенов проплывут пароходы, капитаны скажут:

— Васенка кланяется. Опять дорогу цветами убрала.

Вожак и его дружина

Гриша засвистел: созывал бычков. Он стоял на берегу озера в рубашке и в трусах. Бычки, словно мальчишки, сбегались со всех концов деревни.

Они обступили его, тянули прохладные носы, трогали языками руки, мычали, толкались.

Он разговаривал с ними, ласково дергал за уши, теребил за холку. Особенно ему нравился бычок Сорога, смирный и понятливый, который всюду шел первым. У Сороги на шее висел гремок-бубенец.

Гриша снял рубашку, обвязал вокруг головы и вошел в озеро. За ним потянулся Сорога, потом остальные бычки.

Гремок на шее у Сороги погрузился в воду и замолк.

На мелких островах озера, зеленчаках, были луга-травники, свежие и мягкие. Жили там красноклювые кулики, серые утки, цвел иван-чай.

Гриша плавал с бычками с острова на остров, кормил их лучшей травой — пусть растут здоровыми и сильными.

Гриша и бычки плывут к острову Полонец, выходят на песчаный берег.

На шее у Сороги пробуждается гремок. Бычки размахивают хвостами, отфыркиваются, отряхиваются.

Гриша раскручивает с головы рубаху и надевает.

— А ну, дружина! Побежали!

И дружина бежит за ним туда, где за кустами виден луг-травник.

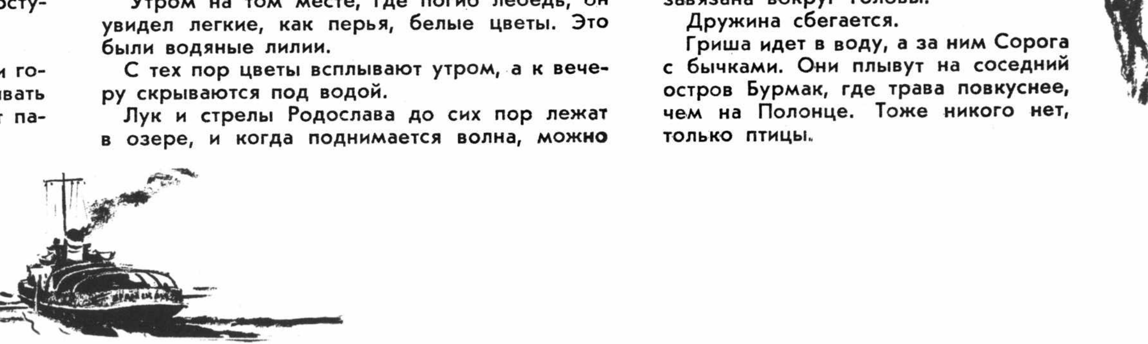
Гриша устраивается в тени под деревом, слушает, как поют красноклювые кулики, возятся, подлетывают утки, звенит гремок Сороги, накатываются на песок, шелестят волны.

Бычки разбегаются по острову, едят свежую траву, балуются, толкают друг друга лбами. На острове никого нет, только птицы.

Гриша опять свистит. Рубашка уже завязана вокруг головы.

Дружина сбегается.

Гриша идет в воду, а за ним Сорога с бычками. Они плывут на соседний остров Бурмак, где трава повкуснее, чем на Полонце. Тоже никого нет, только птицы.

Гриша-вожак и его дружина долго еще плавают с острова на остров.

Гремок Сороги то звенит над озером, то умолкает.

Свежий янтарь

В озеро впадает речка Крутуша. Весной ее засыпают цветами черемуха и шиповник, а осенью сбрасывают в нее листья липы и клены.

В том месте, где Крутуша впадает в озеро, стоит маленькая бревенчатая плотина. Весной плотина пахнет черемухой, а осенью — желтым с горчинкой листом.

Возле плотины стоит дом с навесом. Под навесом — строгальный верстак, забрызганный смолой. В щели набились опилки, кусочки слюдянистой сосновой коры.

Водяной поток с шумом падает на гребное колесо, оно тоже весной пахнет черемухой, а осенью — желтым листом.

От колеса устроен привод к верстаку. На верстаке в подвижной раме укреплен нож. Поднеси к ножу чурбачок, и нож настрогает тонкие продолговатые пластинки — дранку для крыши.

На верстаке работает Тихон Васильевич Батурин, наcтругивает дранку для всех желающих в округе. Кто заказывает, присылает к Тихону Васильевичу помощников: подавать чурбачки и убирать продукцию.

С утра и до вечера стучит над озером верстак Тихона Васильевича, шумит вода в плотине, скрипят ремнями приводы.

Когда наступает темнота, Тихон Васильевич выключает верстак и идет в дом отдыхать. Он привык жить один в лесу, сам топит печь, готовит еду, моет посуду.

С гордостью глядят на избы в деревнях, крытые новенькой дранкой.

— Моими руками добытая,— говорит он.

Однажды к Тихону Васильевичу приехала телега с чурбачками, а на телеге ребята.

— Заказчики прибыли! — улыбнулся Тихон Васильевич.

— Прибыли,— сказали ребята.

— На что дранка? Где крышу будете крыть?

— На школе.

— Сами, что ли?

— Ясное дело, сами.

— Тихон Васильевич, дозвольте и дранку самим настрогать.

— А управитесь?

— Управимся.

— Чтоб руки не посшибали.

— Не посшибаем!

— Ладно уж, глядите сюда. Вот рычаг. Толкнул его — пустил станок. Потянул на себя — остановил.

— Угу!

— Нож снимать надо и точить.

— Как у рубанка?

— Верно. Как у рубанка.

Ребята сгрузили чурбачки, выпрягли и отогнали кормиться лошадь.

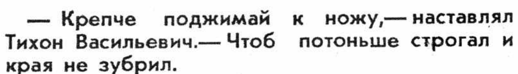

— Ну, заступай, кто первый! — сказал Тихон Васильевич. — Я погляжу.

Первый заступил.

Взял чурбачок, приладился, толкнул рычаг—пустил станок.

«Чирк, чирк», — застрогал нож, посыпались на землю деревянные пластинки.

— Крепче поджимай к ножу,— наставлял Тихон Васильевич.— Чтоб потоньше строгал и края не зубрил.

«Чирк, чирк»,— работает нож, шумит в колесе вода, скрипят приводные ремни. Брызгает под ножом смола и застывает на верстаке свежим янтарем.

На столбах плотины сидят чайки, высматривают в Крутуше мелкую рыбу. Они привыкли к Тихону Васильевичу и к его верстаку.

Ребята сменяют друг друга. Сыплются на землю деревянные пластинки, текут горячие струйки опилок, летит и летит из-под ножа свежий янтарь.

Бабушка Алевтина

Кто из ребят не знает бабушку Алевтину! Тоник, Гриша, Васенка, Настя, Спирька — все бывают у нее.

В избе у бабушки чисто и уютно. По углам развешаны травы для запаха, лавки выскоблены стеклышком, постланы соломенные половички и коврики из лоскутов.

На полках возле печки стоят глиняные опарницы, накрытые домотканой пестрядью, кувшины-горланы, сковородки. Разложены воронки из корневищ для кваса, кастрюли с обмотанными берестой ручками, чтобы не обжигали пальцы, корыта для рубки капусты.

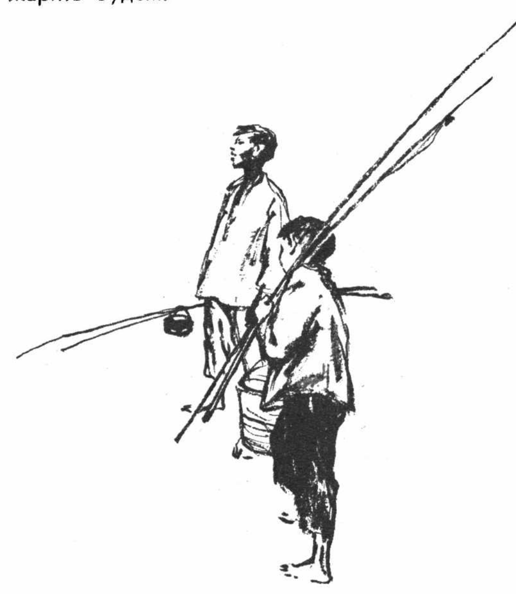
Бабушка Алевтина — искусница варить и жарить.

Уж ежели бабушка угощает творожниками, снетками или картошкой, сваренной «в хрящик» и залитой грибным бульоном,— так ешь и оторваться не в силах. А то еще сварит брюкву или репу, заправит сметаной и сверху положит сладкие белые гренки.

Но лучше всего бабушка готовит ржаные пироги с рыбой!

Наловит кто из ребят лещей или маленьких щук и зовет остальных:

— Пошли к бабушке Алевтине, пироги жарить будем!

И идут, а бабушка рада: скучно одной в избе жить, никого близких не осталось.

Тоник, Гриша и Спирька притаскивают из колодца воду, потрошат, моют рыбу, чистят железной теркой.

Васенка и Настя помогают бабушке просеять муку и замесить тесто.

А печка уже истоплена, духовка накалена, и пахнет горячим железом.

Бабушка круглой палкой раскатывает из теста лепешку, кладет в каждую лещонка или щучку, посыпает солью, укропом, репчатым луком, добавляет по горошине перца и сгибает лепешки, заклеивает широким рубцом.

Ребята достают с полки самую большую сковородку. Бабушка смазывает ее маслом и укладывает на сковородку запечатанную в тесто рыбу, ставит в духовку.

Ребята усаживаются на лавку и ждут, когда испекутся пироги.

Затевают разговор о рыбалке, кто в каких местах горазд ловить: кто в чистине озера, где глубина скроет и перекроет, кто в задках, в зарослях, где разом дно достанешь, если лодка перекувырнется.

У кого на крючок в наживку идет червь, у кого муха, кузнечик или хлебный шарик.

Но вот пироги на столе: сколько ребят, столько и пирогов.

Каждый берет свой, обламывает край — широкий рубец — и раскрывает. Внутри, как в книжке между обложками, лежит поджаристая рыба. Она пахнет луком, укропом, перцем.

Духовка и вся изба тоже пахнут луком, укропом и перцем.

Еще в древности пекли на Селигере такие пироги. Пекут их и сейчас.

Лучше всех это делает бабушка Алевтина!

Самая маленькая Волга

Я давно собирался поглядеть на родник, из которого начинается Волга, услышать звон первой волны.

Надо было проплыть по Селигеру до деревни Свапуща, а оттуда километров двадцать пять добираться до местечка Волгино Верховье, где и бьет родник.

Я условился с лодочником Ефимом Кузьмичом, который работал перевозчиком в Осташкове, что он довезет меня на своей моторной лодке до Свапущи.

Лодка Ефима Кузьмича была очень старая. Он сам в молодости выдолбил ее из огромной осины и насадил борта. Шпангоуты выгнул из крепких корней. Такая лодка-однодеревка была устойчивой в любое волнение.

Мотор для лодки Ефиму Кузьмичу подарил русский солдат-пехотинец. Мотор был немецкий, трофейный, фирмы Бош.

В свободный от работы день Ефим Кузьмич надел парадную шляпу из мягкого соломенного припаса и объявил, что к походу готов.

Я надел кепку и тоже сказал, что к походу готов.

Мы пришли на пристань, отомкнули замок на лодке. Ефим Кузьмич присел возле мотора, открыл краник подачи и качнул рукоятку, запустил мотор. Я багром оттолкнулся от пристани, заставленной другими лодками.

Мы выбрались на чистую воду. Бош выхлопывал дымок.

Я устроился на корме рядом с Ефимом Кузьмичом, чтобы нос лодки был пустым, легким и вышел из воды. На руль Ефим Кузьмич накинул длинную палку с кожаной петлей — так удобнее было управлять,— и мы отправились по озеру к деревне Свапуща.

Когда проплывали мимо бакенов, которые стоят перед входом в Осташковский плес, на их верхушках уже были свежие лилии.

Я попросил Ефима Кузьмича подрулить к одному из бакенов. Ефим Кузьмич подрулил. Я снял с бакена цветок и взял с собой.

По озеру шла встречная волна, мелкая, но сильная. Ветер срывал брызги и зашвыривал в лодку. Противоположный берег едва виднелся в тумане. Туман уже оторвался от воды и уходил вверх, желтея и растворяясь на солнце.

Начали наплывать острова, то справа, то слева. Маленькие, заросшие высоким лесом, они возвышались, будто зеленые башни.

Я удивился: сколько их!

— Сто шестьдесят по всему озеру,— сказал Ефим Кузьмич.— А вон впереди Хачин, самый большой.

О Хачине я уже слышал, но не видел его. При подходе к Хачину из воды торчали колья; они обозначали фарватер. На деревянных щитках — пароходных знаках — висели фонари.

Вдоль Хачина тянулись пески. В них завязли камни, подгнившие пни, вырванные с корнем кусты.

Ветер опал, и в лодку перестали лететь брызги. Я зачерпнул кепкой воды и отпил.

Мы вошли в узкую протоку. Ефим Кузьмич сбавил обороты мотора. Бош застучал глуше. Опрокинулись в озеро тени деревьев, где-то встряхивался гремок: паслось стадо. На поляне я увидел лиловые пятна цветения.

— Что это?

— Тимьян или вереск, а подальше купена.

В заливе, закрытом высокими обрывистыми берегами, стояли яхты, длинные и яркие, будто цветные карандаши.

— Турбаза,— сказал Ефим Кузьмич.— Молодежь отдыхает. Студенты.

Из кармана он достал часы, открыл крышку — Ефим Кузьмич гордился соблюдением графика: до Свапущи назначил три часа.

Показал мне спуск, волок, где когда-то волокли торговые суда. Проходил здесь путь с Волги на озеро Ильмень, к Новгороду.

Показал мыс Бык и мыс Телку, холм, на котором стояла древняя новгородская крепость Городище с посадом. Крепость охраняла торговый путь.

Мы шли Березовским плесом. В конце его была деревня Свапуща. Ефим Кузьмич опять достал часы, отвернул побольше краник подачи. Навстречу попался катер и слегка гуднул. Ефим Кузьмич в ответ солидно приподнял шляпу.

— Племянник Гордейка. На катере служит.

В Свапуще пришвартовались к пристани, возле которой стояли баржи с лесом.

Я незаметно глянул на свои часы: график Ефим Кузьмич выдержал с точностью. Я думал, старик тоже достанет часы, чтобы проверить время, но он не достал, очевидно, из гордости.

Я прошел в деревню искать попутную машину в Волгино Верховье, а Ефим Кузьмич остался в лодке.

Деревня расположилась на косогоре среди яблоневых садов.

На дороге повстречалась женщина с лукошком малины. Я спросил у женщины, как часто ходят здесь машины.

— Редко ходят, а на что вам?

Я сказал, на что.

— Один грузовик работает, байдак на пристань возит.

— Байдак?

— Тес, по-нашему. Вернется к обеду.

— Долго его ждать, значит.

— Долго. Люба! — вдруг позвала женщина девочку, которая гнала прутиком гусей к озеру.— Павел уехал?

— Нет, не уехал. В гараже он, тетя Марта.

— Идите в гараж РТС,— сказала женщина.— Спросите шофера Запашного, может, он вас и выручит. РТС за скотными сараями, увидите кирпичные ворота.

Я заспешил к сараям, отыскал кирпичные ворота.

Человек в спецовке стоял возле бензовоза с большим шприцем, готовился шприцевать, смазывать машину.

— Здравствуйте,— сказал я.

— Здравствуйте, — ответил человек.

И не успел я ничего другого сказать, как он юркнул под машину.

— Вам кого? — спросил он уже из-под машины.

— Наверное, вас. Вы Павел Запашной?

— Точно, я Павел Запашной.

— Довезите до верховья Волги.

— Я в колхоз «Светлый» еду, бензин доставить требуется.

— Жаль. Ну, извините.

Я собрался было уходить, как Павел окликнул меня:

— А на что вам в Волгино Верховье?

— На родник поглядеть хотел, откуда Волга начинается. Из Москвы для этого приехал.

— Неблизкий путь.

— Да уж, неблизкий.

Павел выбрался из-под задних колес.

— Ладно, в Волгином Верховье тоже бензин нужен. Поехали.

— Спасибо.

— Ждите у пристани — залью бензин и поедем.

Я вернулся к Ефиму Кузьмичу. Он дремал в холодке у забора.

— Ну, нашел транспорт?

— Нашел бензовоз.

Вскоре подъехал Павел. В кабине сидели две девушки. Они виновато улыбнулись мне и кивнули. Я кивнул в ответ.

— Вот, понимаешь,— сказал Павел,— поймали на дороге, тоже в Волгино Верховье просятся. Студентки, туристы из Риги, возьмем или как?

Девушки опять улыбнулись: они понимали, что заняли в кабине мое место.

— Возьмем,— сказал я.— Путь из Риги тоже неблизкий.

— Тогда придется тебе на подножке ехать.

— Я лучше наверху, на цистерне.

— Ну, валяй, лезь наверх.

Я сбегал, взял из лодки лилию и осторожно положил в нагрудный карман рубашки.

Павел достал из кабины ватник, протянул мне.

— Для мягкости,— сказал он.

По железным ступенькам я влез наверх, подстелил ватник для мягкости.

— Устроился?

— Устроился!

Павел включил мотор, и машина тронулась. Ефим Кузьмич махнул на прощание шляпой.

Ездил я на всяких машинах, но впервые ехал на бензовозе, да еще наверху.

Дорога сразу вошла в лес. Чащи, буреломы, овраги. Опушки, где колышутся спелые прибои трав, заросли малины, высокие почерневшие от дождей муравейники, навалы сухих, растопорщенных шишек.

Машину швыряло на ухабах, но я крепко держался за поручни. В цистерне громко плескался бензин, ветви деревьев иногда доставали до меня, и я ложился, чтобы не оцарапало. Часто под колесами бензовоза похрустывал валежник: мы проезжали через гати.

Неожиданно из-за поворота открылось озеро. Павел высунулся из кабины, крикнул мне:

— Гитара!

— Что?

— Озеро Гитара.

Проехали еще километров пять. В лесу синим лучом между рыжими соснами сверкнула вода.

Павел круто повернул с дороги на просеку к этой воде. Машина едва продиралась сквозь густые кусты.

Когда подъехали к песчаному берегу, Павел остановился, открыл дверцу и выпрыгнул на песок. За ним выпрыгнули девушки.

— Стерж,— сказал Павел.— В этом месте видна Волга.

Ни я, ни девушки ничего не поняли.

— Специально завернул показать,— продолжал Павел, наслаждаясь нашим недоумением.

Волны шевелили стебли водорослей и блестящие, точно клеенчатые, листья кубышек. Из песка торчали створки раковин, облитые фиолетовым перламутром. Совсем близко у воды стояли вороны. Берег был покрыт следами их лап.

— Гляньте на середину озера, — сказал Павел.

Мы глянули.

— Видите быстрину, вроде дорожка бежит?

— Да, да,— ответили девушки.— Видим.

— Вода Волги красноватая. Сюда она попадает из озера Большого Верхита.

Я тоже смотрел на красноватую быстрину.

Кругом был лесной покой. Дымчатые плотные ельники. Серебряный отсвет березовой коры с черными, будто проталины в снегу, пятнами. Отяжелевшие от времени дубы, зазелененные мхами. Фиолетовые раковины, следы вороньих лап на кременистом зерне песка, белые корабли облаков.

— В том месте, где Волга впадает в Стерж, люди говорят, крест стоял. В давние времена, конечно. Курган остался, видите?

Мы поглядели на курган, где в озеро впадала Волга.

Про крест я прежде читал в сборнике старинных земельных документов Государства Российского. Поставил крест новгородский посадник Иванко Павлович: хотел углубить маленькую Волгу и дать ей новый путь. Начало работы Иванко Павлович отметил крестом из красного песчаника. Но вскоре новгородский посадник погиб в войне, и работа осталась незавершенной.

Павел Запашной с трудом развернул бензовоз, и мы вновь выбрались на дорогу.

По-прежнему нас окружала тишина, гудел только мотор бензовоза. На дороге попадались валуны, огромные лысые камни с пятнами ржавчины. Многие из валунов были вровень с бензовозом, а некоторые и гораздо выше. Попался дом лесника. Крыша и стены покрыты смолянистой щепой. Дом блестел, словно в рыбьей чешуе.

Бензовоз сбавил обороты и пошел в натяжку: крутая гора. И опять валуны, а на их верхушках стоят вороны, как на берегу Стержа, смотрят вдаль, неподвижные и молчаливые.

Гора кончилась. Павел крикнул:

— Волгино Верховье!

С горы я увидел деревню, бревенчатый мост. Рядом с мостом — терем на сваях.

Вокруг терема стояли фонари, а над фонарями высилась арка на витых столбах с тонкой резьбой.

Павел остановил машину, и я разглядел на арке герб Советского Союза, надпись: «Исток Великой русской реки Волги».

Павел сказал, что на складе колхоза сольет бензин и тогда вернется за нами.

Я поблагодарил Павла за внимание, девушки тоже. И мы с ними пошли к истоку Волги, спрятанному в тереме.

К терему вел дощатый настил. Вдоль настила бежал ручей — это и была самая маленькая Волга, а над ней первый мост в тридцать бревен. По нему только что проехал Павел на бензовозе.

В тереме было прохладно, на выступах сидели голуби. Пахло сосной и свежей пшеницей, насыпанной в кормушки для голубей.

В полу было прорублено отверстие. В нем, как в колодце, стояла родниковая вода, из-

ПОД ЗВЕЗДАМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Год 1941

Этот снимок мы попросили прокомментировать заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Сталинской премии, кинорежиссера Л. В. Варламова.

— Октябрьский парад на Красной площади в 1941 году мне довелось снимать. Это были суровые дни. Гитлер собирался в тот день устроить свой парад на Красной площади.

Парад Красной Армии был клятвой верности и готовности нашего народа отстоять завоевания социализма. Эту клятву перед Кремлем произносили не только те, кто был в тот исторический день на площади, но и вся страна, все советские люди.

Мимо Мавзолея четким маршем шли солдаты. С Красной площади они отправились на фронт. А кадры, снятые нами в тот день, заняли почетное место в фильме «Разгром немецких войск под Москвой».

Год 1945

Парад Победы.

Двести фашистских знамен, как символ разгромленного фашизма, были повержены к подножию Мавзолея. Советский народ и его Вооруженные Силы праздновали победоносное окончание Великой Отечественной войны.

Архивные документы помогли нам разыскать одного из участников парада. В сводном полку 2-го Украинского фронта шагал подполковник Ф. В. Акулишнин.

Батальон капитана Ф. В. Акулишнина первым переправился через Днепр в районе Бородаевских хуторов и несколько дней отбивал атаки вдесятеро превосходящих сил противника. За этот подвиг Федору Васильевичу Акулишнину было присвоено звание Героя Советского Союза.

— Подготовку к параду Победы мы начали еще в Братиславе,— рассказывает преподаватель военной академии полковник Акулишнин.— Всем, конечно, хотелось быстрее увидеть столицу. Погода в день парада была пасмурная, а настроение у всех радостное. Москва ликовала.

24 июня сводный полк нашего фронта под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского, держа безукоризненное равнение на Мавзолей, прошел по Красной площади. Вместе с нами шли полки других фронтов.

Недавно я ездил на празднование пятнадцатой годовщины освобождения Словакии — наша часть тоже воевала в этих краях. Очень радостным было известие об избрании меня почетным гражданином Братиславы.

редка вздрагивала: это рождалась первая волна, звон которой слушал каждый, кто сюда приходил.

Я достал из кармана лилию, расправил ее и опустил в родник. Селигер прислал Волге белое перо лебединой сказки.

Зимний рисунок

С вечера Спирька наточил коньки. И не он один, а во всей деревне ребята наточили коньки.

Недавно по озеру ходил мелкий лед шорош, обозначал глубокую осень — предзимье. Его тонкое стекло волны отламывали от берега и уносили в быструю воду.

Но вот приблизился основной кряж зимы—декабрь месяц. Шорош превратился в устой, в первый, чистый, устойчивый лед, без бугров и снега.

Ребята всегда ждали устоя. Тогда можно надевать коньки и прямиком по озеру добираться в школу — быстро и весело.

В устой вмерзли бутоны кувшинок, листья рогоза и хвоща, коричневые хлопья ила, пузырьки воздуха. Зимний рисунок озера, который будет виден во льду до снегопада.

Если по устою пустить камень, он укатится далеко, а лед зазвенит морозным звоном. Зазвенят и бутоны кувшинок, и листья рогоза и хвоща, и пузырьки воздуха.

Спирька заворачивает книжки и тетради в клеенку и подсовывает под ремень коротенькой ватной стеганки. Через плечо перекидывает связанные крепким канатиком коньки и выходит из дому.

Еще темно. Деревенская улица пахнет печным дымом. Побледнели к рассвету звезды, синими крупинками вспыхивает на земле иней.

Спирька шагает к дому, где живет Тоник. На деревьях тоже вспыхивают синие крупинки. Ночь за околицей лежит особенно густая и темная: в лесу светает поздно, а над озером, в вышине, уже белеет утро.

Тоник ждет Спирьку на крыльце. Он тоже с клеенчатым свертком и коньками через плечо.

Тоник и Спирька идут вниз по улице к озеру. По пути заходят за Гришей, за Настей, Борисом, Аксютой. Девочки отдают книжки и тетради мальчикам, и они прячут их вместе со своими за пояса. В руках у девочек тоже коньки.

Ребята спускаются к озеру, садятся на причальные столбики, которые торчат из-подо льда, как табуретки, и прикручивают к валенкам коньки.

Спирька торопит.

— Ну, вы! — кричит на девочек. — Поспешайте!

И девочки поспешают: крутят палочками веревочные петли, укрепляют коньки. Рядом на льду лежат меховые рукавички.

— Попрыгайте, а то свихнутся.

Девочки прыгают, пробуют коньки: крепко ли? Не свихнутся с валенок? Тогда обязательно упадешь. Подносят ко рту рукавички, согревают их дыханием и надевают.

А утро над озером белеет, набирается света. Только в лесах по-прежнему чернота и ночь. К озеру бегут еще ребята, кричат:

— Обождите нас!

Их ждут. Они прикручивают коньки, прыгают, пробуют, чтобы не свихнулись, греют рукавички.

Наконец все готовы. Первым отправляется Спирька, за ним — цепочкой остальные. Встречный ветер горячит лицо, поскрипывает под коньками лед, отлетает мелкими брызгами. Коньки чертят на устое свой рисунок.

Дальше и дальше выкатываются ребята на Селигер. Из соседней деревни отчалила вторая цепочка: тоже бегут на коньках в школу.

Где-то вдалеке, сквозь сумрак утра, виднеются еще ребячьи цепочки, будто журавли в небе. Держат путь на противоположный берег, где на крутом откосе стоит школа и в ее окнах горят огни.

Снежная дорога

Надувы снега покрыли устой — скрылся ледяной рисунок, нет больше озера. Сухопутный ветер метет поземку, звери отпечатали свои следы. Земля и озеро стали едины.

В Свапуще в РТС Павел Запашной получил приказ: проложить по озеру колею, навести дорогу.

Павел на бензовозе съехал на озеро. Промялись под машиной надувы снега, вдавились в снег рубцы колес. Темными пятнами растеклись капли горячей смазки, из глушителя начадил бензин.

Павел медленно продвигается вперед. Гудит на малых оборотах мотор, высоким гребнем отваливается от буфера снег и растекается по краям будущей дороги.

Павел едет по замерзшим протокам и заливам, огибает острова. На островах живут теперь лисицы и зайцы.

Кое-где Павел трамбует, накатывает бензовозом небольшие поляны. Это чтобы можно было разъехаться со встречной машиной или ремонтироваться в пути и не закрывать дорогу.

В деревнях люди наблюдают за Павлом, машут руками. Павел в ответ сигналит, высовывается из кабины и тоже машет рукой — здоровается.

На лыжах бегут наперерез ребята. Они хотят привязать к бензовозу веревку, ухватиться за нее и катить вместе с Павлом по новой снежной дороге.

И чем больше деревень проедет Павел, тем больше ребят будет катиться сзади на веревке.

Революция

Михаил ЛЬВОВ

Революции были
Не однажды в веках,
Бастионы Бастилий
Сокрушавшие в прах.

Революции гибли
Не однажды потом —
В императорском гимне,
Под солдатским штыком.

Вновь за правду бороться
Выходил человек.

Наш Октябрь,
словно солнце,
Не померкнет вовек!

Революцию нашу
Осенил ленинизм,
Дал ей верную стражу,
Дал ей вечную жизнь!

На Отчизны цветенье,
На людей
оглянись:
Продолжается Ленин!
Победил ленинизм!

От столиц
до селений
Изумительна жизнь!
Продолжается Ленин.
Победил ленинизм.

Сколько дел и волнений!
Только знай не ленись.
Продолжается Ленин.
Победил ленинизм.

Красный мрамор ступеней.
Помолчи. Поклонись.
Продолжается Ленин.
Победил ленинизм.

От лица поколенья
Жить, как он, поклянись.

Продолжается Ленин!
Победил ленинизм!

Любомир ДМИТЕРКО

Дождь и цветенье, гром
и град —
Я жадным сердцем все
приемлю,
Но сберегу от града сад
И защищу от молний землю.

Я — человек, по мне они,
Властительные силы эти.
Не мы ли солнечные дни
Установили на планете?!

На диво миру мы везде
Творим чудесное открыто:
В боях добытое, в труде,
Выводим счастье на орбиту.

Перевел с украинского
Марк ШЕХТЕР.

МИР, ЗАНОВО РОЖДЕННЫЙ

Михаил ГУС

И вот снова мы встретились с Петей Бачеем, Гавриком Черноиваненко, его племянницей Мотей. Теперь они уже не маленькие дети, как в романе «Белеет парус одинокий», и не подростки, как в «Хуторке в степи». Но они еще и не умудренные жизненным опытом, сложившиеся люди, как в заключительном романе «За власть Советов».

Катаевская эпопея начинается в 1905, завершается в 1944 году. «Зимний ветер» занимает в ней третье, предпоследнее место. Действие романа происходит в конце 1917 — начале 1918 года, сперва на фронте в Карпатах, затем в Яссах и, наконец, в Одессе, в городе, который, в сущности, является таким же героем Катаева, как Петя, Гаврик, Мотя...

Они теперь на двенадцать лет старше, чем при первом нашем знакомстве. Петя — прапорщик-артиллерист, завоевавший солдатского «георгия», получивший первую офицерскую звездочку после двух лет фронтовой службы. Гаврик — солдат, большевик; Мотя — «нянечка» в офицерском госпитале, уже замужем...

Гаврик, сознательно служивший революции еще в 1905 году, теперь, в 1917 году, перешел, так сказать, в высший класс революционеров: он участвовал в штурме Зимнего и возвращается в Одессу, чтобы и там бороться за победу Советской власти.

Петя, двенадцать лет назад вовлеченный Гавриком в революционную работу, превращается теперь в сознательного солдата революции. История этого превращения составляет содержание «Зимнего ветра».

В романе «Белеет парус одинокий» светлый мир детства любимых героев соприкоснулся со светлым миром начавшейся революции. Отсюда и родилось высокое поэтическое одухотворение романа.

Мир молодости Пети, Гаврика, Моти, Марины в «Зимнем ветре» неотделим от яркого мира побеждающей революции. Потому и «Зимний ветер» — книга воистину поэтичная.

В начале осени 1917 года в Карпатах Петя ранен осколком немецкого снаряда в бедро. С этого начинается «Зимний ветер». Когда прапорщик Бачей лежал в госпитале на Маразлиевской, он видел вокруг себя «совершенно новый мир, где его окружили хорошо ему знакомые и все же до неузнаваемости изменившиеся люди». Он увидел, что «распались старые связи», те, в которых он вырос... Позади был мир воспоминаний: «хуторок в степи, темные черешневые аллеи, костер, голубой луч маяка, упиравшегося в звездное небо... Море, степь, звезды, юность, любовь!.. Неужели все это когда-то было? Боже мой, как зеркально блестели тогда дочерна-красные, крупные, спелые ягоды черешни, отражая весь этот степной мир полыни и белого пыльного солнца!» (Сразу же отметим катаевскую живопись словом: перед нами зримо возникает пейзаж.)

Все это в прошлом. А теперь? «Что его ожидает? Как он будет жить дальше?» Когда Петя решил эти вопросы, совершилось второе его рождение. Но пока что, говорит Катаев, в голове у Пети сумбур.

Когда-то, в давние дни детства, на берегу моря Петя сидел на дереве, чтобы оттуда сигнализировать Гаврику появление бежавшего из тюрьмы Жукова. И вдруг под деревом он увидел художника, писавшего пейзаж. Мальчика заворожила не картина на холсте, а палитра, на которой «в безумном, но волшебном беспорядке смешаны все краски, все оттенки моря, неба, глины, сирени, травы, облаков, шаланды...»

В «безумном, но волшебном беспорядке» воспринималась Петей и картина революционной действительности, «мир, потрясенный войной и революцией, расшатанный, но все еще не рухнувший... скорее призрачный, чем реальный...» Катаев наглядно показал «сумбур» в Петиной голове. Генеральше Заря-Заряницкой он чуть было не сказал, что большевики молодцы, но Гаврику успел ляпнуть слова генеральши, что засевшие в Румчероде соглашатели — умные люди и искренние патриоты; юный Бачей был поражен словами отца, что Ленин выше Петра, и повторил их своей невесте, дочке генерала, когда та звала его бежать с нею к Каледину...

Тут-то она и выстрелила в Петю, пробив ему, по счастью, только фуражку, и выстрел окончательно рассеял туман в голове этого командира бронепоезда «Ленин». Здесь закончилась какая-то очень большая, значительная, неповторимая часть жизни Пети. Начиналась новая жизнь. Молодой Бачей, из прапорщика царской армии ставший командиром Красной гвардии, встречал новую жизнь, уверенный в своей правоте...

И если в финале «Паруса» в безбрежный океан революции в шаланде отплывал один Жуков, а Петя с Гавриком провожали его на берегу, то теперь в шаланду с Жуковым сели и Гаврик с Петей. Из временно захваченной немцами и беляками Одессы они уходили, чтобы продолжать борьбу за Октябрь.

Так Петя с честью вышел из трудного искуса.

Но, признаемся, нам не совсем понятно отношение Ирины к Пете, сыну незадачливого учителя, нищему, плебею. Петя влюбился в Ирину с первого взгляда; юношу ослепила не только красота семнадцатилетней девушки, но стиль «роковой женщины», столь модный накануне революции. Ирина изображает из себя Шарлотту Корде, и это как-то не вяжется с ее признаниями в безумной любви к Пете. Здесь, кажется нам, слабое место романа, и, быть может, при издании «Зимнего ветра» в составе всей эпопеи Катаев уточнит облик Ирины...

Гаврик, «человек прямой, ясной мысли и такого же прямого действия», большевик с юных лет, может быть назван поэтом революции. Не потому, что Гаврик пишет о ней, а потому, что он делает революцию поэтически.

Гаврик захватил штаб контрреволюционных войск Центральной Рады без единого выстрела, с подлинным артистизмом революционного деяния. Вот как об этом говорит Катаев:

«Душа его горела. В эту минуту, казалось, для него нет на свете ничего невозможного. Он чувствовал себя как бы хозяином не только этой Пироговской улицы вместе со штабом и часовыми у входа, но также и всей этой сказочной лунной ночи над Куликовым полем, угольно-черной, лилейно-белой, этого морозно-перламутрового небосвода, движущегося над головой, наконец, всего мира, который как бы заново рождался на его глазах».

Ясен и прозрачен этот роман о возмужании Пети Бачея, о зрелости его друга Гаврика.

История свершилась по своим неотвратимым законам.

На палубе «Синопа», куда Жуков прибыл с военно-революционным комитетом, чтобы руководить боевыми действиями кораблей против контрреволюционных мятежников, Жуков вспоминает июньские дни 1905 года, когда его башенное орудие дало по Одессе два пристрелочных выстрела, а затем кто-то скомандовал «отбой», и восстание захлебнулось. «Надо было бить по городу, гвоздить, не останавливаясь, высаживать десант, — говорит Жуков... — Ну да теперь, я думаю, не ошибемся». И он отдает приказ открыть огонь. Снаряды, не выпущенные двенадцать лет назад, в январскую ночь понеслись над Одессой, поражая врагов революции. Катаев передал драматизм этой переклички орудийных выстрелов двух революций.

Катаев, как мы уже отмечали, мастерски владеет искусством словесной живописи. Детали большой, целостной картины описываются точно, выпукло. Стоячая лампа-торшер похожа на жирафа в зеленой шляпке; облетевшие деревья стоят, как железные, и висящие на них стручки тоже кажутся железными. Детали не даны ради них самих, а несут смысловую нагрузку. Пораженная наповал Марина упала вниз головой и покатилась по обледенелым ступеням погреба. Из упавшего на нее сверху хлама торчали ее ноги в высоких ботинках. «В каблуки этих ботинок с новыми набойками были врезаны и привинчены маленькие, стершиеся стальные ромбики — пластинки для коньков. В их отверстия, похожие на замочные скважины, набились пыль и сухой, мелкий снежок». Эти прозаические подробности подчеркивают трагизм события...

Валентин Катаев, поэт детства Пети и Гаврика в предыдущих частях своей эпопеи, в «Зимнем ветре» — поэт молодости, поэт молодости самой Революции. Поэт, достигший зрелости своего таланта, зрелости мировоззрения.

Валентин Катаев. Зимний ветер. Роман. Журнал «Юность», 1960, №№ 7 и 8.

Гимн мачете[1]

Кэйа ЭПЕЛЛЕ

(Нигерия)

Привет вам, просторы Африки — с юга на север, с востока на запад!
Привет вам, зéмли пальм и батата, риса и кофе,
Привет вам, зéмли алмазов!
Привет вам, пустыни Сахара и Калахари,
Привет вам, мятежные воды Нила, Замбези и Конго!
Привет вам, болота, золотые пески и дремучие чащи,
Хижины в джунглях, города и селенья!
Привет вам, слоны, леопарды и страусы,
Сердечный привет вам всем, звери и птицы,
Плоды и цветы африканской земли,
Землú отважных мужчин с непокорной душою,
Землú горделивых и нежных, пленительных женщин,
Прекрасной, богатой земли — владений мачете!

Вот она, наша великая Африка, Африка дерзких мачете!
Фермы в лесах, расчищенных и покоренных мачете,
В амбарах горы батата готовы к продаже.
Стрелы маиса тянутся к солнцу, чтобы созреть и погибнуть,
Ухают совы, щебечут овсянки, ястреб терзает добычу.
Вдруг под ногами хрустнула ветка... Кто это?
Друг или враг?
Нет, все спокойно, тревога напрасна, можно дальше идти,—
Всюду рука человека укротила свирепые джунгли;
Плантации каучука тянутся вдаль, уходя в бесконечность...

Вот она, Африка: надрезы на стройных стволах,
Сбор нагретых на солнце, душистых гроздьев бананов,
Борьба за свободу и счастье, против столетий рабства,
Тяжкие мысли о прошлом, которое не вернется,
Радость надежды на завтра, радость собственной силы:
Мой дом теперь мой навеки, и я в нем хозяин!

О мачете, руби!
Пред тобой отступают бескрайние древние джунгли.
Словно огонь, ты хватаешь и валишь навзничь стволы.

О мачете, руби!
Деревья упали, земля ожидает посева,
Стены домов вырастают, выстраиваясь под крыши,
И почвы, с трудом отвоеванные у джунглей,
Готовы выращивать ямс, маниоку и тыквы...

Так день изо дня, взлетая, режет и рубит мачете
И пролетает время над африканской землей.

Перевела с английского Н. Воронель.

[1] Мачете — широкий нож.

Человек с Кубы

Сергей ОРЛОВ

Не скрываю, что очень
понравился мне
Незнакомый, заморский один
человек.
Он в солдатской рубахе, с кобурой
на ремне
И в пудовых ботинках, пошитых
навек.

С ним бы хлеб разломил,
Стопку óтдал свою:
Человек этот был,
Всем известно, в бою.

Знает мир, а не зал,
Как с открытым лицом
Фидель Кастро стоял
Под огнем и свинцом.

Он идет по проспекту, высок,
бородат,
Отдыхает ладонь на широком
ремне.
Революции Кубы трибун и солдат,
Как он нравится мне!

В сорок третьем метельном
военном году,
В тридцать третьем отдельном
гвардейском полку,
На дыбы поднимая КВ на ходу,
Мы свое повидали на нашем веку.

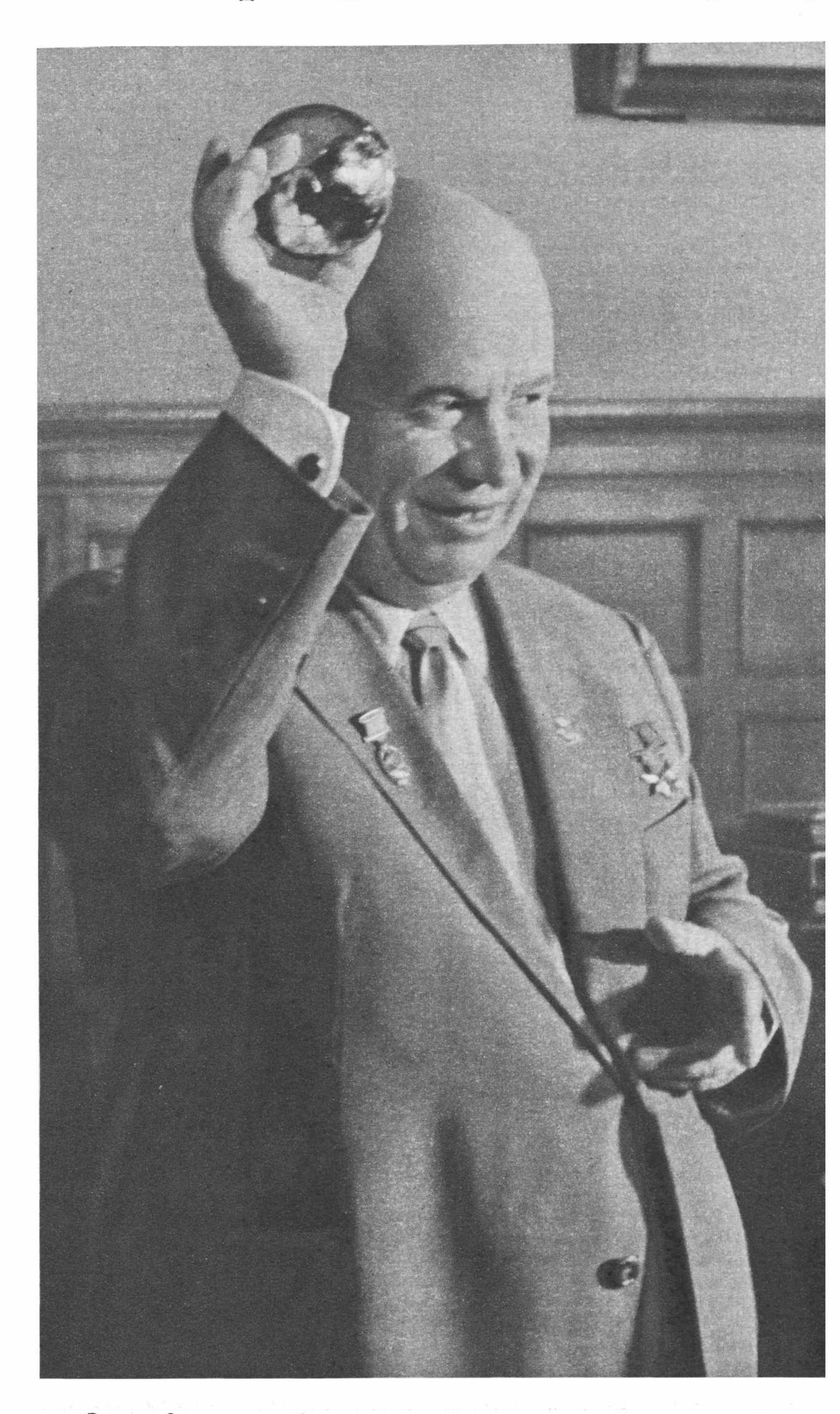
Средь кипящего зарева стали и
льда
Верный берег полка плыл за нами,
упрям,—
Тыл полка. Ну, какой это тыл!
Но когда
Мы из боя к своим возвращались
друзьям,

Нам постель уступали они у костра,
Отдавали пайковую водку свою
И дежурили рядом в снегу до
утра,
Потому что мы только что были в
бою.

Знаю я, что такое солдатский
ночлег
И сто грамм, что без слова друзья
отдают...
Как мне нравится этот чужой
человек,
В незнакомом, заморском,
далеком краю,
Побеждавший в бою!

ПОД ЗВЕЗД

...Решен дерзновенный замысел — советская ракета прилунилась! И в кабинете Председателя Совета Министров СССР Никиты Сергеевича Хрущева на его столе засверкал блестящий шарик — макет вымпела, доставленного на Луну.

Есть еще одна победа! Много их, славных побед, одержанных строителями коммунистического общества. Дела у нас идут хорошо! И в каком бы отдаленном уголке ни произошло радостное событие, оно моментально находит отклик здесь, в сердце страны.

...Под звездами кремлевскими! Кажется, что красные звезды кремлевских башен вбирают в себя свет каждой звездочки, загорающейся на копрах новых шахт, на воздвигнутых досрочно новых домнах, на гигантских кранах, вздыбленных над стройками новых гидроэлектростанций. Как в сказочном кристалле, видны здесь вся страна, труд, свершения и мечты советского народа.

На сорок третьем нашем перевале, на пороге третьего года семилетки, все помыслы народа устремлены в прекрасное будущее.

Могучим эхом новых мирных свершений откликнулась Страна Советов на слова Никиты Сергеевича Хрущева, обращенные ко всему человечеству: «Давайте же оставим нашим наследникам, нашим сыновьям, внукам и правнукам, давайте оставим им хорошую память о нашем времени».

Этот снимок сделан фотокорреспондентом «Известий» Н. Петровым в Кремле, в кабинете главы советского правительства. Никита Сергеевич Хрущев демонстрирует иностранным и советским журналистам вымпел СССР, доставленный на Луну.

АМИ КРЕМЛЕВСКИМИ

Год 1954

День 1 января 1954 года был большим праздником для сотен маленьких граждан Москвы. Именно в тот день они пришли на первую елку в Кремль. Большинство участников этого праздника уже стали взрослыми, но впечатления о «главной елке» страны живы в их памяти.

Вот что рассказал нам студент-дипломник Московского геологоразведочного института Евгений Дарагач, когда мы показали ему эту фотографию:

— Да, да. Был я в Кремле вот на этой самой первой елке. Тогда учился еще в 8-м классе. Конечно, это был незабываемый день. Мы ходили по знаменитым кремлевским залам. Были в Оружейной палате. Часто ли я вспоминаю об этом дне? Часто. Жизнь геолога, как известно, проходит в путешествиях. За время практики довелось побывать уже во многих местах. Была масса интересных встреч. Почти все наши новые знакомые начинали с вопросов о Москве и о Кремле. И всегда я испытывал особое удовлетворение, когда мог подробно ответить на все эти вопросы.

Пожалуй, геологи лучше других знают, как много значат для каждого советского человека, в каком бы уголке нашей страны он ни жил, два слова: «Москва, Кремль».

Год 1956

Этот снимок сделан в Большом Кремлевском дворце в перерыве между заседаниями XX съезда КПСС. Никита Сергеевич Хрущев беседует с делегатом съезда, бригадиром овощеводов Ксенией Семеновной Бородиной...

Наш корреспондент связался по телефону с далеким Сахалином, с совхозом «Красный Тым», где работает К. С. Бородина.

— Февральские дни 1956 года навсегда останутся в моей памяти,— сказала Ксения Семеновна.— Тогда я впервые приехала в столицу.

Я счастлива, что мне была оказана высокая честь быть делегатом исторического XX съезда нашей партии. С тех пор прошло почти пять лет. Заметно изменился за это время наш совхоз «Красный Тым». Построено много новых жилых домов. Наши животноводы потрудились очень хорошо. Мяса и молока у нас производится теперь почти в полтора раза больше!..

Год 1960

Кремль...

Здесь руководители партии и правительства советуются со строителями и художниками, колхозниками и учителями, писателями и учеными.

В мае в Большом Кремлевском дворце собрались передовики соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда.

— Тогда я был первый раз в Кремлевском дворце,— вспоминает участник этого совещания Анатолий Поздняков, старший мастер механосборочного цеха Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича.— Это были незабываемые дни. Память на всю жизнь.

С тех пор прошло не так уж много времени, но то, о чем шла речь в Кремле, уже стало нашими делами. В цехе еще шире развернулась борьба за внедрение новой техники. Больше появилось пневматических инструментов. Пущены два конвейера на аппаратном участке. Поход за знаниями становится массовым. На моем участке — а весь участок борется за звание коллектива коммунистического труда — учится свыше 50 человек. Сам я начинаю готовиться к защите диплома в заочном энергетическом институте.

Когда мы шли на совещание в Кремль, то, конечно, знали, что движение бригад коммунистического труда охватило всю страну. В Кремле каждый из нас особенно ярко не только понял, но и ощутил это. Наш лозунг «Один за всех, все за одного» приобрел новое значение. «Все» — это не только твои товарищи по бригаде или заводу, это целая страна, сотни и тысячи предприятий, которые прислали своих представителей в Кремль.

Со многими, с кем я встретился во время совещания, теперь меня связывает крепкая дружба. Например, Николай Минаев. Он работает на заводе «Красный пролетарий». О многом мы с ним говорили и теперь связи не теряем.

Да и вообще в зале сидели друзья. Не беда, что многие не были знакомы друг с другом. Зато интересы и стремления у всех были одни.

Когда выступал Никита Сергеевич Хрущев, все с одинаковым вниманием ловили каждое его слово. И, видимо, каждый, как и я, уходил с этого совещания в приподнятом настроении, взволнованный, — с желанием работать еще лучше.

...На снимке, который сделан в Кремле в дни работы совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда, вы видите правофланговых этого замечательного движения современности — ткачиху Валентину Гаганову и шахтера Николая Мамая среди друзей, среди таких же, как они, разведчиков будущего.

В ТАКИЕ МИНУТЫ, КАК ЭТА[1]...

Фрэнк ХАРДИ

Рассказ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

— Итак, решено. В Мельбурн поедут Дарки и Эрни. Они отправятся завтра ночью, чтобы в четверг принять участие в демонстрации, — сказал Том Роджерс, взглянув на свои часы-луковицу и пряча записную книжку. — Объявляю собрание закрытым.

Том был высокий широкоплечий мужчина с совершенно седыми волосами и черными бровями. На нем был поношенный, но опрятный костюм, целлулоидный воротничок и черный галстук.

Все пятеро поднялись и расставили по местам стулья в задней комнате Дома механика, где происходило собрание. Потом вышли в прохладную весеннюю ночь и не спеша зашагали по темному переулку вдоль серого каменного здания.

— Желаю удачи, — сказал Том Роджерс, пожимая руки по очереди Эрни Лайлу и Дарки.— Ждем вашего отчета на следующем собрании. — Он сунул Дарки два шиллинга. — Это все, что я могу дать.— Сошел с тротуара и растворился в темноте ночи.

Под фонарем у центрального входа они остановились.

— Я вижу, Тай все еще трудится, — проговорил «Полковник», Мак Дугал, заметив свет в конторе управления Бенсонс Вэлли.

— Ага, со своей секретаршей, с Барбарой,— многозначительно подхватил Дарки.

От дальнейшего расследования действительных и воображаемых грехов инженера Тая, секретаря городского управления, Дарки отвлекло появление Сопливого — Коннорса, который вынырнул из бильярдной напротив, перешел через дорогу и остановился в свете фонаря.

— Ну как, решили послать делегатов на демонстрацию? — осведомился Сопливый.

— Да, нас с Дарки, — ответил Эрни Лайл.

— Зайцами будете добираться, на товарном? — спросил Сопливый, вытирая нос рукой.

— Нет, мы едем экспрессом, в первом классе, — серьезно ответил Дарки.

— А ведь новый начальник станции говорит, что никому не удастся проскочить зайцем на поезд в Бенсонс Вэлли, — настаивал Сопливый.

— Мало что он говорит, — возразил Дарки.

— Что, революцию замышляете? — раздался оживленно-насмешливый голос Тая, появившегося на улице вместе со своей секретаршей.

— Кое-кого я уже занес в черный список, не забуду, когда день придет, — с подкупающей откровенностью сказал Дарки.

— Спокойной ночи, мистер Тай! — вмешался Мэтчиз Андерсон, неизменно вежливый даже с врагами.

Тай уселся со своей дамой в машину, а Сопливый быстро исчез.

— Нам пора по домам, Эрни, — заметил Дарки. — Завтра ночью, может, и соснуть не придется.

— Дарки слишком горяч, вот в чем беда,— сказал Мэтчиз Андерсон Мак Дугалу, когда Дарки с Эрни ушли.

Мэтчиз не был в восторге от идеи послать делегатов союза безработных Бенсонс Вэлли на демонстрацию.

— Ничего, такие, как Дарки, там пригодятся,— ответил Полковник. Это он выдвинул предложение послать делегатов.— Увидимся за картами в воскресенье вечером,— добавил он и направился к боковой двери «Королевской пивной» в надежде, что хозяин еще не ушел и что он добродушно настроен.

Безработным Бенсонс Вэлли следовало бы поискать более подходящих делегатов, да только выбирать особенно было не из кого. Послать Тома Роджерса они не могли: Том больше не был безработным, он снова получил место мойщика бидонов на молочном заводе. Но по просьбе безработных он остался председателем их союза: он всегда возглавлял все местные организации рабочих и безработных. Мэтчиз Андерсон вполне годился в роли казначея, организатора лотерей, концертов, карточных турниров для сбора средств, но он не одобрял массовых выступлений. Полковник Мак Дугал, секретарь, лет десять назад был бы достойным делегатом от любого рабочего собрания. Он состоял членом организации Индустриальных рабочих мира в годы расцвета этого союза, но после того, как его жена умерла, попал в тюрьму за политическое выступление, а потом пристрастился к бутылке. Приехав в Бенсонс Вэлли, Полковник вначале работал в пивной «Гранд-отель», но спиртное довело его до пособия по безработице. Трезвым его теперь видели редко, да и вообще Мак Дугал был уже не тот.

На очередном собрании его предложение направить делегацию в Мельбурн не вызвало особого энтузиазма и было принято лишь после того, как Спарко Спаркс заявил, что Дарки — единственный в этом городе — тут следовало ругательство, — кто может добраться до Мельбурна и назад бесплатно; а уж куда Дарки — туда, ясное дело, и Эрни Лайл, мрачно добавил Спарко.

И вот в среду, глубокой ночью (шла весна 1931 года), Эрни Лайл, проклиная луну, плелся на окраину города, где он уговорился встретиться с Дарки. На нем было старое пальто, за плечами болтался рюкзак.

Послышались шаги. Эрни торопливо пересек дорогу и, опасливо оглядевшись по сторонам, свернул в переулок.

«Ну чего ради именно я должен, как дурень, таскаться везде с Дарки? — спрашивал он себя. — Жена права: скорее всего нас сразу и сцапают, когда мы будем садиться в товарный. А в Мельбурне полиция все равно разгонит демонстрацию».

Наконец Эрни добрался до окаймленной вязами дороги, ведущей от города к реке. Луна подмигивала сквозь ветви деревьев, словно потешаясь над его опасениями. И он вспомнил, с каким страхом шел однажды морозной зимней ночью на встречу с Дарки. Тогда они отправлялись воровать дрова. Но почему сейчас ему так страшно? Ведь он ничего не собирает-

---

[1] «В такие минуты, как эта, нужна мятная конфета» — рекламное объявление фирмы, изготовляющей мятные леденцы.

ся красть, только хочет попасть в Мельбурн на демонстрацию. Может, он боится ареста за проезд зайцем в товарном поезде? Или беспокоится о том, что подумают и скажут люди?

Дойдя до моста Дилингли, он оглянулся и посмотрел на город, который теснился в противоположном конце долины, угрюмый, словно негодуя на беды, которые принес его обитателям кризис.

Или ему страшно потому, что городская беднота Бенсонс Вэлли так забита и запугана, так привыкла молча переносить лишения, что относится подозрительно даже к тем, кто борется за ее права? Эрни знал: всем наплевать, никому нет дела до демонстрации, кроме Полковника, Мак Дугала, который, в сущности, чужой в городе, да Тома Роджерса. А Том — тот возомнил о себе, будто он выше всякой критики, будто ему не страшно недовольство горожан, готовых ополчиться на каждого, кто поступает не так, как заведено. Полковник и Том да еще, пожалуй, Спарко Спаркс — вот и вся их компания. Но Спарко ни к чему не относится всерьез. Только эти трое, если не считать Дарки, — а никто не знает, что думает Дарки, даже он, Эрни Лайл, его закадычный друг.

Эрни Лайл впервые глубоко задумался обо всем этом. Почему он так трусит и чего именно опасается? Он пожал плечами, зашагал быстрее и вскоре свернул к кладбищу.

«Что бы там ни было, а здесь и через сто лет все останется по-прежнему, — философски утешал себя Эрни. — Все в землю ляжем под белые плиты, и только сосны будут нас оплакивать».

— Угу-у! — заорал кто-то из-за дерева.

Эрни так и подскочил, а сердце у него чуть не выпрыгнуло из груди. Это оказался Дарки. Он был без шляпы, в пальто, со скаткой через плечо.

— Здорово я тебя напугал, а? — спросил он, хрипло смеясь.

— Да нет, не очень, — еле-еле выговорил Эрни. — Что это у тебя? — указал он на бидон из-под керосина, который нес Дарки. Из бидона торчала проволока и две палки.

— Сало. Я стянул его на дворе у мясника Вайнера.

— Зачем оно тебе понадобилось?

— Потом узнаешь.

— Где будем садиться на поезд? Новый начальник станции отправляет его сначала назад, за выемку на холме, а потом прогоняет через станцию со скоростью шестьдесят миль в час.

— Мы перехватим поезд на выемке.

— Да ведь там мы попадем прямо в лапы дорожных легавых. Они осматривают поезд, а потом — фьюйть, только его и видели...

— Ладно, присмотри за бидоном, — прервал Дарки. — Я пойду на разведку. Луна, как на зло, рассветилась тут. — Он поставил бидон на землю, положил скатку и исчез за кустами.

Эрни сел, прислонившись к стволу дерева. Откуда-то донесся крик совы. Потом со стороны города послышался свисток и пыхтение паровоза. Это задним ходом приближался товарный. Что там еще задумал Дарки?

Вдруг Эрни до смерти захотелось бросить все это, бежать домой в теплую постель к жене. Но мысль о жене и несбывшихся надеждах, о завтраке из одного поджаренного хлеба, голых стенах дома, больном сынишке, о презрении, с которым «уважаемые» граждане относились к безработным, — все это вызвало в нем возмущение. Тут меньше чем в пятидесяти ярдах от него загрохотал поезд, появившийся из выемки. Первым шел вагон с охраной. Эрни это заметил, и его снова одолел страх. Весь состав с пыхтящим паровозом быстро миновал Эрни и скрылся за поворотом. Слышно было, как он замедлил ход и остановился. Эрни сидел и ждал, вцепившись в лямки рюкзака, пока треск сучьев не возвестил о торопливом возвращении Дарки.

— Там наверху двое легавых, — заговорил Дарки, едва отдышавшись. — Они пошли по составу вылавливать зайцев. — Он поднял скатку и бидон с салом. — Давай поторапливайся.

— Г-где же мы будем прыгать, Дарки? — заикаясь от страха, спросил Эрни.

— Да на холме, перед выемкой.

— Но ведь он к тому времени скорость наберет!

— Скорость? — переспросил Дарки. — Эти черти легавые рады бы помочь нам резиновыми дубинками по спине. Тут-то и пригодится сало Боба Вайнера. Возьмем каждый по палке и размажем жир по рельсам на подъеме, как раз на середине.

— Сдается мне, лучше бы нам убраться отсюда... — заныл Эрни. — Сцапают нас — и поделом...

— Вставай, вставай, ты, чертов нюня! — огрызнулся Дарки. — Мы ведь с тобой делегаты, а не кто-нибудь! — И он побежал к железнодорожному полотну.

Эрни в отчаянии вскочил и бросился догонять Дарки, силуэт которого смутно маячил в лунном свете.

Дарки пролез через колючую проволоку, протянутую вдоль путей; Эрни прополз за ним следом. За поворотом раздался гудок паровоза и зловеще прокатился по низине.

Дарки заторопился.

— Ну, теперь пошевеливайся! — сказал он, швыряя скатку на землю. Он насадил кусок сала на одну из палок и протянул ее Эрни: — Вот тебе, обрабатывай эту сторону!

Сам Дарки перескочил через полотно и стал размазывать жир по второму рельсу. Эрни последовал его примеру, но руки у него так дрожали, что он все время попадал мимо рельса. Когда Дарки уже смазал несколько ярдов, послышался шум поезда, медленно приближавшегося из-за поворота. Дарки перешагнул через полотно и, торопясь, докончил работу Эрни.

— В первый раз старый коротышка Вайнер сослужил службу рабочему классу, — сострил Дарки. Он швырнул бидон с палками в темноту и подобрал свою скатку. — Пошли, Эрни, подождем за кустами, пока поезд остановится.

Эрни лежал рядом с Дарки на влажной, росистой траве, слыша бешеный стук собственного сердца, напряженно следя за тем, как паровоз — огнедышащее чудовище — с трудом набирает скорость на подъеме. Большие громыхающие колеса, казалось, повторяли нараспев: «Мы ся-дем в тюрь-му, мы ся-дем в тюрь-му».

Когда паровоз, изрыгая пар откуда-то из брюха, поравнялся с ними, Дарки поднес ко рту сложенные рупором руки и заорал: «Тут тебе придется попотеть, чертов сын!». Голос его потонул в шуме и лязге буферов. Колеса, скользя на покрытых жиром рельсах, забуксовали, и паровоз попятился назад, как испугавшийся чего-то огромный конь.

Состав замедлил ход, потом совсем остановился. Дарки поднялся с земли и взглянул на ближайшие вагоны — это были открытые платформы.

— Живей, Эрни!

Дарки забросил свою скатку на платформу и ловко, как большая обезьяна, вскарабкался туда же. Эрни попытался сделать то же, но сил у него было меньше, и он повис в воздухе, вцепившись руками в край платформы, судорожно царапая ногами ее стенку. Поезд дернулся и пошел вперед. У Эрни закружилась голова, ноги его скользили по насыпи. Дарки схватил его за пояс брюк и втащил на платформу.

Поезд продолжал двигаться рывками, как автомобиль, у которого бензин на исходе. Но вот кончился отрезок рельсов, смазанный жиром, и состав устремился вперед. Вскоре он миновал выемку и пошел по направлению к Бенсонс Вэлли, ускоряя ход с каждым ярдом.

Дарки и Эрни лежали на брезенте, под ним чувствовалось что-то твердое и неровное. Поезд с ревом промчался мимо станции Бенсонс Вэлли вверх по Антони Хилл, обогнул Локоть Дьявола и вышел на ровное плато. Здесь поезд двигался уже не с таким шумом, только колеса позвякивали: «Дидлей-дер, дидлей-дер», — да ветер свистел в ушах; луна то показывалась, то скрывалась за дымом паровоза.

— Черт его знает, на чем это мы лежим, — произнес Дарки, осторожно приподнимаясь и потирая зад.

Он пополз в угол платформы, мотаясь из стороны в сторону в такт ходу поезда, отогнул брезент и подлез под него. Эрни услышал, как он чиркнул спичкой.

Через некоторое время вынырнула голова Дарки.

— Да тут полно мятных! — закричал он Эрни, но ветер унес его слова в ночь.

— Чего? — откликнулся Эрни.

— Мятные леденцы! — заорал Дарки. — Мы на платформе с грузом мятных леденцов. — Он поднял большую круглую жестяную банку с зеленой этикеткой: «Вкусней, чем эти, нет на свете». — Иди сюда, Эрни. Мы передвинем банки и уложим брезент на пол вместо матраца.

Когда работа была закончена, Дарки развернул свою скатку. Эрни снял рюкзак и улегся, подложив его под голову. От нервного напряжения и холодного ветра Эрни била дрожь.

— Так я и знал, что ты не захватишь одеяла, — сказал Дарки, вынимая из скатки два одеяла и бросая одно из них Эрни.

Эрни завернулся в старое одеяло, Дарки сделал то же самое, подложив под голову мешок. Потом он достал из кармана нож и снял с банки круглую крышку.

— Съешь мятную, — сказал он, протягивая Эрни банку.

Эрни неохотно взял конфету. Дарки тоже выбрал одну, с притворной изысканностью развернул бумажку, бросил ее в пространство и принялся жевать, аппетитно причмокивая.

— Знаешь, — задумчиво произнес он, — последний раз я ел мятные еще до женитьбы. Когда я вернулся с войны, я встретил Уинни и ходил с ней по пятницам вечером в Дом механика слушать музыку, и я покупал ей мятные. Всем своим подружкам до нее я тоже покупал мятные. Я всегда был галантным кавалером!

Дарки, как обычно, расхохотался над собственной шуткой, но Эрни даже не улыбнулся. Он растянулся поудобнее на брезенте, но никак не мог успокоиться и все прислушивался к шуму ветра и ритмичному стуку колес. Весь настороже, полный опасений, он ждал, что вот-вот из ночной тьмы на платформу вынырнут двое здоровенных железнодорожных легавых, изобьют их резиновыми дубинками и вышвырнут на ходу на неминуемую смерть. Он слыхал, что такие случаи бывали.

— А что, если они опять затеют осмотр поезда? — спросил он.

— Пока поезд идет, можно не беспокоиться, — ответил Дарки, беря новую конфету. — Но как только он начнет замедлять ход перед остановкой, немедленно прыгай.

Они замолчали и предприняли новую атаку на банку с мятными. Ровное покачивание поезда успокаивало, и скоро Эрни впал в задумчивость. Как странно: ни с того ни с сего ты в товарном поезде едешь в Мельбурн на демонстрацию, о которой ничего не знаешь. Прислушиваешься к стуку колес, смотришь на луну, потом забываешь о колесах, о луне и начинаешь замечать небо, весь мир кругом. Эрни только два раза был в Мельбурне — на футболе; всю жизнь он провел в Бенсонс Вэлли, никогда даже не ночевал в другом месте; и все его мысли всегда были связаны с Бенсонс Вэлли... Так вот и живешь, не думая о Мельбурне или Сиднее, а уж о Лондоне, Париже или Москве и подавно. Не думаешь о том, что в мире живут люди с разным цветом кожи, говорящие на разных языках; что где-то сейчас ночь, где-то в эту минуту идет снег, а ты никогда и не видел, как падает снег. Не думаешь о том, что по всему штату Виктория разбросаны такие же люди, как ты сам, и тысячи их завтра пойдут на демонстрацию. Может, некоторые вот так же едут зайцами в товарном поезде; люди, которых ты никогда не видел, делают то же, что и ты, и ради той же цели...

Послышался резкий свисток. Поезд начал сбавлять скорость. Эрни приподнялся, подпёрев голову рукой.

— Он сейчас остановится, Дарки!

— Успокойся, — произнес Дарки. — Он просто замедляет ход перед мостом Малдон Уэйр. Опасаются, как бы мост не обрушился.

Эрни искоса посмотрел на Дарки, который лежал будто у себя дома в кровати, неторопливо пожевывая мятный леденец и глядя на луну. Эрни внимательно, как бы изучая, рассматривал очертания массивной фигуры

Дарки, вырисовывающейся под серым одеялом, его короткую шею, обмотанную старым красным шарфом, толстые, чувственные губы, лоб, черные вьющиеся волосы, обветренную, огрубевшую кожу на лице, торчащие из-под одеяла скрещенные ноги в огромных ботинках, подбитых резиной от старой автомобильной покрышки.

«Зачем Дарки едет? — спрашивал себя Эрни. — Верит ли он в демонстрацию, понимает, в чем там дело? Он редко говорит о политике, разве что когда выпьет, да и то толкует только о человеческой дружбе или ругает заклятых врагов, вроде Тая и скуоттера[1] Флеминга, националистов и нового полицейского сержанта. Неужто он и вправду такой сильный и не знает страха или только притворяется?»

— Дарки!

— Да?

— О чем ты думаешь?

— Чтоб думать, мозги надо иметь.

— Нет, правда, о чем ты думаешь вот сейчас?

— Ты будешь смеяться, если я скажу.

— Нет, не буду.

Дарки сел.

— Знаешь, о чем я думаю?

— Ну, о чем?

— Я думаю, что тебе пора съесть еще одну чертову мятную.— Дарки протянул банку Эрни.

— Возьми и ты, — сказал Эрни и как будто повеселел.

— И не глядел бы больше на них, — ответил Дарки.— Смешно: сколько уже месяцев хожу голодный, не помню, когда сладкое ел, а вот сейчас кругом конфеты, а меня даже силой не заставишь проглотить еще одну. Так бывает с богачами, вроде Тая и скуоттера Флеминга. Не могут же они есть десять раз в день или спать сразу в двух кроватях. Вот и не знают, куда деньги девать. Бедняги!

Эрни пожал плечами и ничего не сказал. Дарки явно не шел на откровенный разговор.

Дарки привстал на колени и выглянул из-за борта платформы.

— Пора собираться. Поезд остановится в Футскрей.

Они уложили свои пожитки и, согнувшись, прячась от сильного ветра, накрыли банки с леденцами брезентом. Дарки поднял ту банку, которую они откупорили.

— Ишь ты, очистили почти половину. А почему бы и нет? Мы ведь в некотором роде общественные деятели. И если б все шло по справедливости, мы ехали бы в первом классе экспрессом. Но в первом классе мятных даром не дают. — Он достал горсть леденцов из банки. — Слушай, Эрни, зачем добру пропадать зря? Набери в карманы.

Оба набили мятными леденцами карманы пальто. Когда банка была опустошена, Дарки пошарил под брезентом, достал другую и откупорил ее. Они наполнили конфетами карманы брюк и пиджаков. Потом Дарки начал запихивать их пригоршнями за пазуху.

— Бери, сколько сможешь унести, друг, — посоветовал Дарки. — Ребятишки подумают, что пришло рождество!

Эрни не отставал от Дарки. И когда они очистили вторую банку, их одежда оттопыривалась во все стороны. Дарки выбросил пустые банки и посмотрел вперед.

— Подъезжаем к Солнечным воротам, — произнес он. — Будь наготове; нам придется живо смотаться. Опусти голову.

Дарки аккуратно свернул скатку. Оба застегнули пальто на все пуговицы. Эрни надел рюкзак. Поезд с оглушительным шумом несся мимо полустанков и станций, пролетал под мостами, через тоннели. Сидя в напряженных позах, Дарки и Эрни почувствовали, как заскрежетали тормоза.

— Футскрей! — крикнул Дарки. — Когда поезд остановится, прыгай на эту сторону, а потом перебеги по путям на другую.

Состав с лязгом остановился. Эрни услышал голоса на станции. Дарки выбросил скатку из вагона и с удивительным проворством соскочил вслед за ней. Эрни хотел сделать то же самое, но рюкзак мешал ему. Дарки встал на ноги и поднял скатку. Эрни спрыгнул с платформы и угодил прямо на плечи Дарки. Дарки, чертыхаясь, упал на землю, увлекая за собой Эрни. Потом оба встали, пересекли пути и вскарабкались на перрон. Кругом было темно, входные ворота оказались на запоре.

— Эй, вы куда? — раздался грозный окрик.

Дарки перебросил скатку через забор, забрался на него и помог перелезть растерявшемуся от страха Эрни. Оказавшись на другой стороне, они бросились бежать так быстро, как только можно было в темноте и в незнакомом месте. Через некоторое время они очутились на улице с трамвайными путями и продолжали бежать еще сто ярдов. Потом Дарки оглянулся.

— Путь свободен! — сказал он. — Перекур, друг! До Мельбурна идти далеко!

Когда они вышли на Дайнонское шоссе, уже брезжило утро, а когда добрались до Северного Мельбурна, взошло солнце и осветило кучи мусора справа от дороги. Там и сям среди мусора ютились лачуги безработных из ржавого железа, мешков, коры, брезента; были и лачуги побольше, из старых бревен или досок.

Из одной хижины, кашляя и протирая глаза, вышел человек с дымящейся трубкой во рту. Он был в черных брюках и в старой фланелевой рубашке.

— Это дадлейские трущобы. Не хотел бы я здесь поселиться! — произнес Дарки вполголоса и обратился к незнакомцу: — Как дела, приятель?

— Неплохо.

— Пойдешь на демонстрацию сегодня? — спросил Дарки.

— Еще бы, черт возьми! — ответил тот. — А вы?

— Мы делегаты из Бенсонс Вэлли, только что приехали поездом, — ответил Дарки.

Эрни заметил, что Дарки даже как-то приосанился и голос его зазвучал гордо.

— Завтракали? — спросил незнакомец. — Могу предложить вам только чашку чаю.

— Нет, спасибо, — нерешительно сказал Эрни, — у меня есть бутерброды.

— Чашка чаю — это как раз то, что нужно,— произнес Дарки, перепрыгивая через проволочный забор.

— Чайник на огне, — сказал незнакомец и направился в хижину.

Пролезая сквозь ограду, Эрни услышал заглушенные взволнованные голоса в хижине.

— У нас одна комната, — смущенно объяснил незнакомец, появляясь в дверях, — жена одевается.

Босоногий мальчонка подбежал к отцу и уцепился за его штанину.

— Как тебя зовут? — спросил Дарки мальчика.

— Пэдди Куин.

— Хорошее имя. Иди-ка сюда, на тебе конфетку, — сказал Дарки и насыпал в руки удивленному мальчику две пригоршни мятных леденцов.

Пэдди Куин побежал будить товарищей, чтобы рассказать, какое чудо с ним приключилось.

Вскоре из лачуги вышла женщина и смущенно пригласила их войти. Все назвали себя, и мужчины уселись за старый стол, пока женщина заваривала чай в чайнике с выщербленным носиком.

Эрни Лайл развернул большой сверток, достал бутерброды с холодной бараниной и положил по два около каждой чашки. Куин и его жена сначала для вида отказались, но потом с жадностью принялись за еду. Женщина отложила один бутерброд в сторону, муж последовал ее примеру. Дарки украдкой посмотрел на Эрни, как бы говоря: «Малец слишком наелся леденцов и на бутерброды, наверно, и не взглянет...»

Куин завел разговор о демонстрации, на него, как видно, большое впечатление произвело то, что Дарки и Эрни прибыли издалека, чтобы принять в ней участие.

— Наверное, отсюда все и пойдут? — сказал Дарки, запивая чаем последние крошки.

— Кто пойдет, а кто и нет, — устало произнес Куин. — Я секретарь отделения безработных этого района; некоторым уже надоело бороться.

Неловкое молчание воцарилось в лачуге. Эрни Лайл почувствовал, что Куин и особенно его жена стыдятся своей убогой обстановки, им горько, что нечем угостить приезжих.

Дарки и Эрни стали прощаться. Куин сказал, что надеется увидеться с ними на демонстрации.

Выйдя на дорогу, два товарища пошли бодрее. Они свернули под железнодорожный мост, прошли мимо старого стадиона; афиша гласила: «В субботу вечером Кэррол против Ред Мэхони».

— Я, когда был мальчишкой, мечтал стать боксером и выступать на этом стадионе, — произнес Дарки.— Хотя это — паршивое занятие...

Вскоре они вышли на Спенсер-стрит. Город начал оживать. Со звоном пронеслись первые трамваи. По улице, мощенной булыжником, загрохотали грузовики, тележки. Счастливчики, имеющие работу, шагали торопливо, боясь опоздать. На углу в мусорном ящике рылись какие-то люди в лохмотьях.

— Отведай-ка мятную, — сказал Дарки и сунул горсть конфет одному из них в карман.

— Вот так штука! С чего бы это? — пробормотал пораженный бродяга, протягивая мятную своему соседу...

— Я здорово устал, — пожаловался Эрни.— А ведь демонстрация еще и не начиналась.

— Это тебе наказание за восемь фунтов мятных, что ты стащил, — засмеялся Дарки.

— У меня чистая рубашка в рюкзаке, я забыл ее надеть...

— Лучше прибереги ее для игры в карты в воскресенье, — посоветовал Дарки. — Сегодня ее никто не заметит.

Они повернули на Летроб-стрит и прошли по ней до Рассел-стрит; между городской тюрьмой и полицейским управлением свернули к Дому союзов. Эрни чувствовал себя каким-то покинутым, посторонним: город, казалось, был совершенно безразличен к нему, к Дарки и к их планам.

— А мы первые! — воскликнул Дарки, присаживаясь на корточки на лужайке перед монументом в честь восьмичасового рабочего дня — гранитной колонной, увенчанной медным шаром с цифрой «восемь», рельефно выделяющейся на нем.

— «Восемь часов работы, восемь часов сна, восемь часов отдыха», — прочел Дарки вслух лозунг, начертанный на основании монумента. — Беда только в том, что трудно найти эти восемь часов работы.

Он растянулся на траве, ерзая, чтобы не придавить конфеты.

Страшная усталость охватила Эрни, он прилег рядом с Дарки, и вскоре оба уснули, как дети, утомленные играми.

Солнце поднялось уже высоко, когда Эрни открыл глаза и сел; как будто еще во сне он увидел толпу плохо одетых людей — их было человек двести, они тихо и как-то уныло переговаривались. Эрни был весь мокрый от пота. Он толкнул Дарки, тот сейчас же проснулся и вскочил, как солдат на фронте.

Небольшие группы полицейских в мундирах стояли на всех четырех углах площади. Хорошо одетые люди, очевидно, шпики в штатском, зловеще шныряли в толпе, стараясь не упустить ничего. Вначале полицейских было почти столько же, сколько демонстрантов; но люди все подходили, группами и поодиночке, толпа выросла до тысячи, а к началу демонстрации она уже насчитывала более двух тысяч. Одни принесли с собой свернутые знамена, другие — лозунги, написанные на картонах, прибитом к шестам. На площади царило почти полное молчание, неестественное при таком стечении народа.

Эрни Лайл прочел два лозунга: «Требуем работы, а не благотворительности», «Долой систему пособий продовольствием!». Эти слова нашли отклик в сердце Эрни. Он вспомнил пособие — съестное из бакалейной лавки Андерса: маргарин, прессованный чай, самые дешевые, подпорченные продукты, которые грубо суют тебе в руки, и ты не имеешь права ничего выбрать сам; вспомнил чувство унижения, которое испытывал, слоняясь по улицам, лишенный права на полезный труд.

Вскоре из Дома союзов вышел человек в черном костюме и шляпе и пересек площадь по диагонали. Он двигался сквозь толпу в сопровождении низенького человека в очках с толстыми стеклами, решительно встал на ступеньку монумента и обратился к собравшимся.

[1] Скуоттеры — крупные фермеры в Австралии.

— Товарищи, — начал он громким голосом, — я из Центрального комитета безработных, официального профсоюзного органа. Демонстрацию, в которой вы собираетесь принять участие, организует Движение безработных, находящееся под коммунистическим влиянием. Я ценю ваш боевой дух, но вы должны научиться применять правильную тактику и не позволять, чтобы вас толкали на такие действия, которые ничего, кроме несчастий, вам не принесут.

Эрни заметил, что толпа раскололась. Одни, видимо, заколебались под влиянием слов оратора, другие растерялись; те, кто готов был возразить ему, не могли подобрать слов. Смятение и безразличие воцарились на площади: люди, долго живущие впроголодь, соображают медленно.

— Я и мои коллеги работаем день и ночь в ваших интересах, — продолжал оратор. — Мы делаем все от нас зависящее, чтобы добиться как можно большей помощи безработным, и сегодня, в час дня, у нас назначена встреча с министром социального обеспечения для обсуждения ваших жалоб... — Тут человек в очках потянул его за рукав, и оратор, наклонившись, прошептал ему что-то. — Мой коллега напомнил мне о предупреждении министра: демонстрация не разрешена. Она не нужна и не будет принята во внимание. Министр — член лейбористского правительства, которому вы сами помогли прийти к власти. Мы поговорим с министром и доложим вам о результатах здесь в два часа дня. — Полагая, что он убедил слушателей, оратор решил закончить митинг. — Сейчас я предлагаю вам разойтись позавтракать, а к двум часам снова собраться сюда послушать наше сообщение.

Неуместность этого совета вначале не дошла до безработных. Некоторые стали расходиться, как бы говоря: «Что же, правильно, позавтракаем и обдумаем все это». Потом, как смена кадра в фильме, вдруг наступила реакция.

— А где же нам дадут позавтракать, скажи, мерзавец? — обрел голос здоровенный детина, стоявший сзади Эрни.

Поднялся невообразимый шум.

Худой, высокий человек со свернутым флагом прошел мимо Эрни, пробивая себе дорогу к монументу; прислонив флаг к памятнику, он встал рядом с человеком в шляпе.

— Товарищи! — обратился он к толпе. — Не слушайте Бокера Ренни. Он представитель реформистских профсоюзов и работает рука об руку с правительством. Они хотят заставить нас молчать. Он говорит, что они оказывают помощь. Мы тоже помогаем — суп, одежда, одеяла. Но мы делаем больше. Мы боремся! Не даем выселять людей из домов, требуем лучших условий.

Слова и тон говорившего звучали убедительно. Его потертая одежда и худоба свидетельствовали, что он такой же, как и его слушатели, и это располагало их к нему.

— Пока правительство и его подпевалы уговаривают, дают обещания, которые никогда не выполняют, советуют нам позавтракать, когда у нас и копейки нет за душой, — наши жены и дети голодают, наши семьи выселяют из дому. Нас оскорбляют. А за что? За то, что мы требуем самого необходимого — права работать. Мы получим только то, за что будем бороться! Мы требуем покончить с системой пособий продовольствием! Мы требуем работы, а не благотворительности, и мы готовы бороться за наши требования!

Эрни и Дарки зааплодировали вместе с остальными. Бокер Ренни и его спутник ретировались, провожаемые возгласами неодобрения и хмурыми взглядами.

Воспользовавшись своей победой, оратор закончил практическим предложением:

— Те, кто хочет принять участие в демонстрации, пусть встанут по четыре в ряд, и мы все пойдем к зданию парламента.

Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

Окончание следует.

За океаном

Пимен ПАНЧЕНКО

* * *

Тяжелый якорь спит на дне Гудзона,
Чернеет маслянистая вода...
Еще я к коронованным персонам
Не обращался с просьбой никогда.

Но, утомлен Америкой без меры,
Прошу, со всех срываясь якорей:
— О «Куин Мэри», королева Мэри,
Ты отвези домой меня скорей.

Своей Отчизны представитель скромный,
Я послан был на форум за кордон...
Скалою льда прозрачной и огромной
Уперся в тучи небоскреб ООН.

Америка! Мне по душе, признаться,
Громада эта в стали и стекле.
Но зданию Объединенных Наций
В Москве, наверно, было бы теплей.

Америка! Не затаил я злости,
Мне нужен только мир и дружный труд.
И если с миром ты придешь к нам в гости,
Тебя встречать мы выйдем, как сестру.

Я в твой народ, в большое сердце верю.
Но здесь бушует ветер ледяной.
Вот и прошу я королеву Мэри,
Чтоб отвезла скорей меня домой.

* * *

Вознесши факел, статуя Свободы
Следит, как отплывают пароходы.
Ей мнится: все дороги озарит
Ее огонь. Но факел не горит...

Доходит из Нью-Йорка гул недобрый,
Гудит гигантский город в час ночной.
И, словно полисмены, небоскребы
Застыли у Свободы за спиной.

И старыми печальными глазами
Глядит она в просторы синих вод.
И хочется ей вслед за кораблями
Уйти по океану на восход.

Авторизованный перевод с белорусского
Н. КИСЛИКА.

Памятник

Володимир СОСЮРА

В постóлах кожаных, в затянутой овчине,
Спокойно, как орел, смотрел с утеса он
На свой любимый край.
И взор был синий-синий...
Его приветствовал ручьев бегущий звон,
И щебет певчих птиц, и лета ароматы,
Гор верховинских высь, и туч далеких дым,
Ему шептал о счастье лист крылатый,
О счастье вольным быть и вечно молодым;
О том, что всё его: и пастбища, и горы,
И города вокруг,— хозяин он всему,
Как весь его народ, навек прогнавший тьму,
Как тот орел, что рвет крылом тугим
просторы.
Вершина гордых гор, как золотой осколок,
Что алый сноп лучей в седую высь взметнул!
И кажется: Кремля сияет звездный полог,
Где высится теперь в краю орлов гуцул.

Авторизованный перевод с украинского
Марка ШЕХТЕРА.

В ГОСТЯХ У КОМИССАРА КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

К главному механику Центральных производственных и ремонтных предприятий Ленэнерго Александру Викторовичу Белышеву я пришел воскресным утром. Александр Викторович — человек необычайной, исторической судьбы. До революции машиносборочный подмастерье, он в 1917 году был первым комиссаром крейсера «Аврора». Это по его команде орудие крейсера произвело холостой выстрел, возвестивший рождение новой эры.

— С «Авророй» я и сейчас крепко связан,— говорит Белышев,— приятно там встречаться с молодежью, разговаривать с ней. Вот и сегодня просили прийти. Может быть, пойдем вместе? На корабле и потолкуем...

Мы идем вдоль набережной Невы к месту навечной стоянки легендарного корабля. Александр Викторович, невысокий, худощавый, шагает легко, чуть вразвалку, клонясь вперед, навстречу дующему с Ладоги ветру.

— Революционное настроение на «Авроре»? — повторяет Белышев мой вопрос.— Было, конечно, много недовольных войной и царизмом. Особенно среди машинной команды, которая состояла из бывших рабочих и мастеровых. Но революционная работа на крейсере началась, только когда «Аврора» встала на капитальный ремонт у стенки Франко-Русского завода в Петрограде. Рабочих рук не хватало, и матросы в цехах помогали ремонтировать машины и механизмы корабля.

На Франко-Русском заводе революционеры установили связь с авроровцами. Помню, ко мне в цехе подошел токарь Воронин. «Пойдем, матрос, покурим!» — предложил он. Но направился не в «курилку». Посередине цеха стоял снятый с крейсера статор разобранной турбины. Через отверстие для вала Воронин залез в статор и поманил меня.

— Давай, матрос, сюда. Тут без помехи и потолкуем.

А скоро в статоре турбины стали встречаться наши матросы с другими заводскими большевиками: Георгием Ефимовичем Ляховым, Павлом Леонтьевичем Пахомовым, Иваном Яковлевичем Крутовым...

За разговором мы незаметно подошли к крейсеру, который серой громадой поднимается над набережной. Мимо вахтенного матроса по наклонному трапу поднялись на корабль.

— Если разрешите, мы с товарищем сначала по кораблю погуляем, а потом я к вам зайду,— здороваясь с командиром крейсера, предложил Белышев.

Через кормовой тамбур Белышев ведет меня внутрь корабля.

— Это раньше была церковная палуба,— говорит он.— Здесь, по нашему замыслу, должно было начаться восстание. К нам на корабль привели троих арестованных рабочих и посадили в карцер. Тут все и закипело.

«Аврора» не тюрьма, а матросы не тюремщики. Освободить арестованных!» — доносилось из всех кубриков.

Мы решили захватить крейсер. На бронеплощадке собрались Петр Курков, Николай Лукичев, Сергей Бабин, Тимофей Липатов и другие наши машинисты. План был простой. Когда весь экипаж вместе с командиром и офицерами соберется на вечернюю молитву, электрик Алеша Иванов перережет провода церковной палубы. В темноте мы обезоружим офицеров. Действовать надлежало, как сейчас помню, после слов священника, читающего молитву: «... и благослови достояние твое».

Но среди нас оказался предатель. До вечера арестованных увели. И тут стихийно, без всякого плана началось восстание. Матросы, безоружные, с криком «ура!» бросились на ют, где стояли командир крейсера, офицеры. Они встретили нас пистолетными выстрелами, убили матроса Осипенко. Машинист Фокин, спасаясь от смерти, выбросился за борт, на лед. Я укрылся вот за этим орудием, а затем, пригибаясь от пуль, перебежал к трапу и прыгнул вниз.

На ночь матросы были накрепко заперты в жилых помещениях. За бунт на корабле в военное время нашего брата накрывали брезентом и расстреливали. Но дело обернулось иначе. Утром солдаты Кексгольмского полка и рабочие пришли на подмогу. И кто-то из матросов, кажется, машинист Тимофей Липатов, поднял на «Авроре» красный флаг. Это было 26 февраля 1917 года. С той поры наш крейсер верно служил народному делу.

Когда 3 апреля 1917 года в Петроград приехал Владимир Ильич Ленин, отряд матросов с «Авроры» охранял перрон и вокзал. Я видел, как Владимир Ильич вышел из вагона, как на вокзальной площади его приветствовали тысячи людей. Слышал речь, которую Ленин произносил, стоя на броневике.

А 23 октября вместе с Николаем Лукичевым, членом нашего судового комитета, мы пришли в Смольный. Нас принял Свердлов.

Он расспросил, как дела на корабле, как настроение. Потом рассказал о предстоящем вооруженном восстании. Руководить на каждом отдельном участке восстания будет комиссар.

Свердлов достал из ящика бланк со штампом, заполнил его, подписал и вручил мне.

«Мандат. Дан военному моряку товарищу Белышеву Александру Викторовичу, комиссару Военно-революционного комитета на крейсере «Аврора». Комиссар уполномочен распоряжаться крейсером и действует только по указанию Военно-революционного комитета».

На другой день я получил первое предписание от Военно-революционного комитета: восстановить движение на Николаевском мосту. Мосты через Неву были разведены юнкерами, чтобы отрезать рабочие районы города от Зимнего.

Посоветовавшись с судовым комитетом, принимаю решение поднять крейсер вверх по Неве и встать около Николаевского моста. Но тут возникло затруднение. Командир крейсера Эриксон отказался вести корабль.

— Фарватер,— говорит,— давно не чистили, крейсер сядет на мель.

Выручил старшина рулевых и сигнальщиков Сергей Захаров. С двумя гребцами на шлюпке он промерил ручным лотом фарватер. Глубина оказалась достаточной. Но командир и офицеры все равно отказались выполнить мое приказание.

— Арестовать их! — скомандовал я и пошел на мостик. Решил вести крейсер сам, с Лукичевым и Захаровым. Это, конечно, было рискованно.

Но Эриксон все-таки повел корабль: побоялся, что мы посадим его на мель.

Перед рассветом «Аврора» уже стояла на якоре возле Николаевского моста. Увидев крейсер, юнкера убежали. Наши матросы восстановили движение не только по Николаевскому мосту, но и по другим мостам через Неву.

25 октября в 13 часов 30 минут наш старший радиотелеграфист Федор Алонцев передал воззвание к гражданам России от Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Федор страшно волновался, сообщая миру о том, что Временное правительство России низложено, власть перешла в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После заключительных слов: «Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!» — мы на радостях крепко обнялись.

Погода в Петрограде стояла хмурая. Моросил дождь, с залива дул сырой, пронизывающий до костей ветер. Но настроение у наших матросов было праздничное. Все ждали вооруженного восстания.

Вечером, когда притихший город окутался сумерками, на «Аврору» приехал член Военно-революционного комитета В. А. Антонов-Овсеенко.

— Ну, комиссар,— сказал он,— сегодня в девять часов вечера Временному правительству будет предъявлен ультиматум: передать власть большевикам. Если Керенский не согласится, «Аврора» стреляет по Зимнему. По вашему выстрелу начнется общий штурм дворца. Сигнал для открытия огня крейсером — красный фонарь, поднятый на верке — мачте Петропавловской крепости.

Когда В. А. Антонов-Овсеенко, простившись с матросами, спустился в шлюпку, я посмотрел на часы: без двадцати минут девять. Спешу на бак. Здесь возле орудия стоят наготове вахтенные комендоры.

— Зарядить холостыми для предупредительного выстрела!

До сигнала остается несколько минут. На крейсере все застыли в напряженном ожидании. Наконец часовая стрелка показывает назначенное время, но сигнала нет. Проходит пять минут, десять... До боли в глазах всматриваюсь в осеннюю тьму, туда, где угадываются очертания Петропавловской крепости.

Нервы напряглись до предела. Ведь нашего выстрела ждут солдаты, матросы, красногвардейцы, окружившие Зимний. Там же и отряд авроровцев под командованием матроса Сергея Бабина.

И вот наконец с опозданием на сорок пять минут в темноте загорается сигнальный фонарь.

— Баковое орудие,— командую я,— по Зимнему огонь!

Комендор Евдоким Огнев дергает шнур, и грохот шестидюймового морского орудия прокатывается над Невой. Вслед за ним вспыхивает винтовочная и пулеметная стрельба на Дворцовой площади. Штурм Зимнего начался!..

А. ГОЛИКОВ

ЭХО «АВРОРЫ»

Для народов всего мира крейсер «Аврора» — это близкий сердцу, вечно живой участник Великой Октябрьской социалистической революции. На страницах толстых книг посетители легендарного корабля оставили сотни тысяч взволнованных записей.

«Исторический выстрел «Авроры», пламень, который она вдохнула в Великую Октябрьскую социалистическую революцию, является маяком для трудящихся всего мира на их пути к социализму. Слава матросам «Авроры»! Густа Фучикова».

«Пусть вечно живет слава о крейсере «Аврора» и храбрости матросов, которые произвели выстрел, прозвучавший прелюдией Октябрьской революции... Эта история навсегда останется в памяти трудящихся всего мира, как самая яркая страница в борьбе за справедливость. Галлахер, президент Коммунистической партии Великобритании».

«С трепетом сердца мы побывали на крейсере. Счастливы, что нам удалось осмотреть легендарный корабль. Выстрел «Авроры», как сказал Мао Цзэ-дун, принес в Китай марксизм-ленинизм. Да здравствует прочная, нерушимая дружба между китайским и советским народом!»

Записи делегаций Ганы и Гвинеи, Ирака и Парагвая, Пакистана и Цейлона, ФРГ и Эфиопии, Ливана и Колумбии, Иордании, Исландии и Камбоджи, Люксембурга и Канады, Аргентины и Болгарии, Перу, Румынии и Франции, США и Судана, Сан-Марино и Нигерии, Туниса и Греции, Индонезии и Польши...

А на нижней палубе в носовой части выставлены бесценные подарки, присланные на «Аврору» почти из всех стран мира.

Передавая медаль, выбитую в честь форсирования реки Янцзы, воины Народно-освободительной армии Китая сказали: «Когда мы освобождали свои земли от врага, мы следовали примеру авроровцев».

...Серебряная медаль, отчеканенная в день 15-летия Войска Польского, скрепившего дружбу с Советской Армией в дни сражений с фашистами; шахтерская лампочка и каска чешских горняков Яхимовского рудника; кубок, подаренный коммунистами с острова Кипр; барельеф с изображением Эрнста Тельмана, под которым воспроизведены его пламенные слова: «Наш боевой клич, наш боевой сигнал, наш боевой лозунг, наше дело должны называться «Аврора»!»

В дни 43-й годовщины Октября посетители крейсера впервые увидят новые подарки: Национальный флаг Кубы и флаг Движения 26 июля.

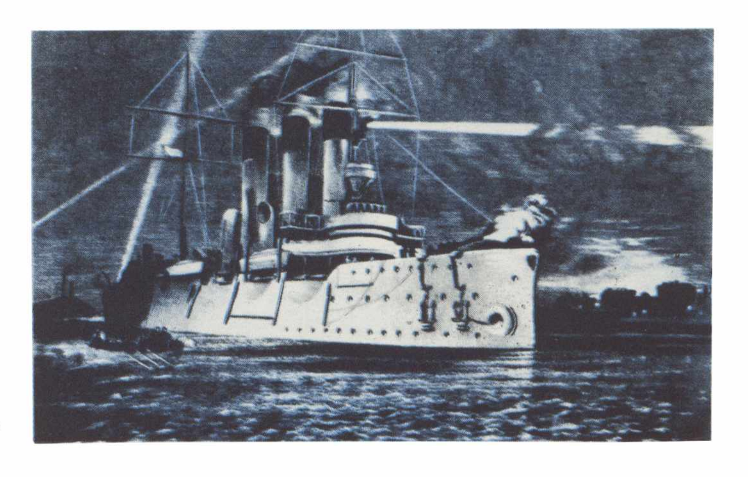
— Пусть эти знамена,— сказал Херардо Фигерес,— свидетельствуют, что эхо «Авроры», прозвучавшее сорок три года назад на берегах Невы, победоносно докатилось и до революционной Кубы.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: делегация Кубы вручает авроровцам государственный флаг и флаг Движения 26 июля.

Фото В. Маркелова.

Александр Викторович Белышев с внучкой Олей. Фото Риммы Лихач.

В. Бибиков. ВЫСТРЕЛ «АВРОРЫ».

←

Патер Готфре из Нигерии и Фотье Койта из Республики Мали — студенты Университета дружбы народов. В Москве их интересует все. Побывали они и на ВДНХ...

Наука дружбы

Знакомство состоялось. 17 ноября откроется университет. Начнется страдная студенческая пора.

Галина **ШЕРГОВА**

Фото А. **УЗЛЯНА.**

В пасмурный день листья, как обрезки латуни, грудятся у бетонной стены университета. Но когда солнце протискивается сквозь тучи, листья обретают пестроту, и кажется, что какая-то диковинная птица швыряет здесь свое щедрое оперение.

Впрочем, Жозе и сейчас не до красот и сравнений, потому что в Москве дел по горло. Однако новизна всегда настраивает немного мечтательно.

Дома не было листопадов. Хотя он семь лет подряд встречал осень под открытым бразильским небом, над головой всегда было зелено. Но никому из его приятелей, строящих дороги, не приходило в голову любоваться едва заметными сменами в природе. Осень знаменовала приход дождей,— значит, на трассе становилось еще труднее. Особенно им, чернорабочим.

Сейчас Жозе Лопес де Арруда Камара улыбнулся: все-таки удивительно притягательной силой наделено это слово — «дома»! Каждая мелочь возвращает тебя к нему. А ведь подумать только, целый ворох событий обрушился на него в последние месяцы, с того дня, когда в Рио-де-Жанейро он прочел в газете, что в Москве открывается Университет дружбы народов, и послал заявление!

Уже здесь, в Советском Союзе, Жозе узнал, что таких заявлений были тысячи. К экзаменам было допущено несколько сот человек. И его приняли. Это чего-нибудь да стоит!

Тогда в буржуазных газетах было много шума относительно университета: «Политический трюк Москвы! Будут готовить коммунистических агентов! Прием только для красных!» Господи! Посмотрели бы они здесь этих «агентов»! Обыкновенные ребята — о политике-то половина слыхом не слыхала. И принимали тех, кто просто-напросто способнее. И, разумеется, тех, у кого нет денег, чтобы учиться на родине.

А вообще (Жозе покосился на окно, за которым шумели студенты) все они — парнишки и девчонки, люди без биографий. Им еще нечего рассказать о себе. Поэтому они говорят о своих странах. Так, будто это их биография.

Студенты-ганаянцы торжественно заявляют: «Страна должна строить свою экономику. Сейчас будем возводить электростанцию на реке Вольта». Говорят так, будто это их личная задача.

Девушка из Нигерии Нонси Джонсон, страстно жестикулируя, внушает кому-то: «Ни одного врача не было в деревне, даже белого, не то что африканца... И государства не было... А сейчас есть государство. И будет врач — я...»

...Индианка Анасуйя Гурбаш Сингх закрывает глаза — точно свет отвлекает ее — и повторяет неподатливые русские ударения. При этом у нее такое выражение лица, будто ей поручено получить высшее образование за всех женщин Индии. Ее подруга, узбечка Майя Нарзулаева, сосредоточенно смотрит на губы Анасуйи и поправляет: «Не «о», а «е»...» Да, у советских ребят в университете двойная нагрузка: нужно еще помогать друзьям выучить русский язык за один год... Ведь только тогда начнутся занятия на избранных каждым факультетах.

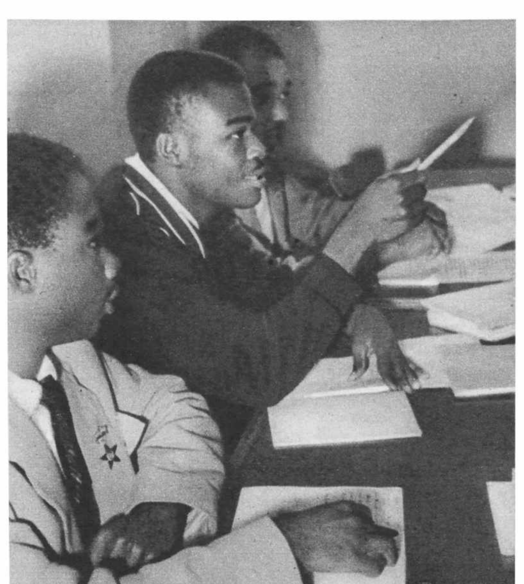
...Дни, обрывки дней, кусочки разноязыких фраз, мечущихся по университетским коридорам, кружатся в голове Жозе Камары. То взметнутся перед глазами павильоны Выставки достижений народного хозяйства СССР, где даже он, Жозе, приверженец автодорожной техники, не мог прильнуть к своим обожаемым транспортерам и бульдозерам — такое разнообразие обступило его... А то вдруг начинают стучать в висках ритмы кубинской песни — это на днях всем университетом отмечали праздник свободной Кубы. И Жозе уже слышится задорный голос Хозе Делаверра Фернандеса: «Ребята! Это великолепно: наш университет — в здании бывшей военной школы! Вот оно, разоружение! Точно так, как на Кубе: бывшие казармы — под институты! Как у нас дома!»

И снова настойчиво возвращается к Жозе это слово — «дома» и приводит за собой маленькую

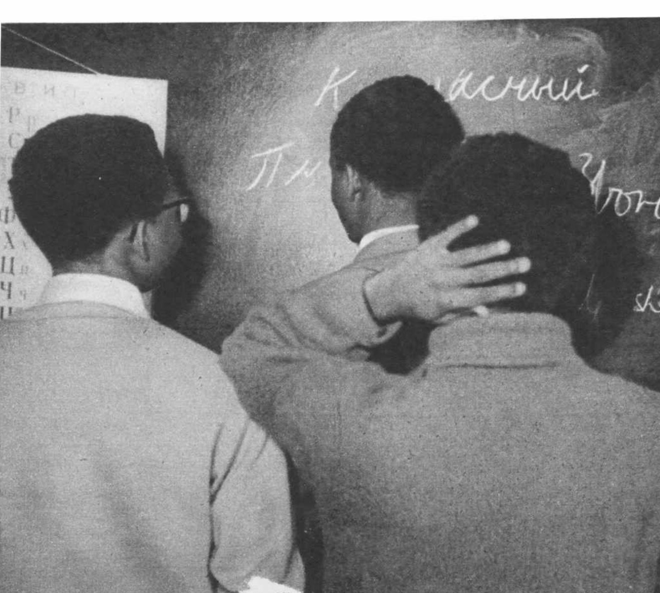
Пока еще говорят руки.

— Повторите, пожалуйста.

— А когда я смогу так?

— У моей Ганы много дел впереди...

ферму на севере Бразилии. Там в осенние вечера они — восемь сыновей и дочерей старого Камары — садились за стол, и тяжелые от работы руки перебирали фасоль. Потом рук над столом становилось с каждой осенью все меньше: старшие уходили в город на заработки. Отец говорил соседям: «Подработают и смогут учиться».

Отец не знал, что значит учиться, после того как целый день ты ворочаешь щебенку. Знал Жозе. Но и это было счастьем: вытянуться ночью на койке строительного барака и взять книжку. Свой немудрящий скарб, связку книг, Жозе таскал за собой по всем дорогам Бразилии. У книг был только один порок: они продавались за деньги. Собственно, поэтому и пришлось бросить учебу. Хотя все вокруг говорили: «Ты толковый парень, смотри, тебя инженер берет в помощники».

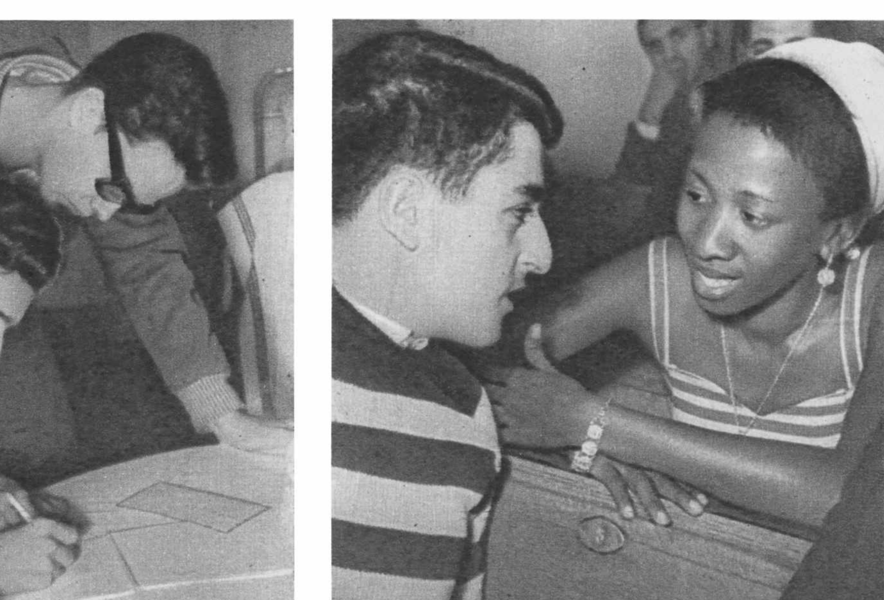
Нет, это просто невероятно, что здесь, в Москве, можно учиться, да тебе еще дают стипендию!.. Интересно, какие лица будут у тех, что твердили перед его отъездом: «Зря едешь — отрываться от дома, от работы... Приедешь, еще работу не найдешь!» Найдет! Он найдет! Он и сейчас уже видит, чему можно здесь научиться, — такие знания не пропадут. Он уже придумал...

...Я слушаю Жозе и думаю, что надо бы написать о том, какое огромное значение будет иметь

— Поздравляем, Нигерия! Сегодня праздник твоей независимости!

Письмо домой — в Гавану.

И-мя? Как вас зо-вут?

— Дружить!

Университет дружбы народов, скольким молодым государствам Азии, Африки и Латинской Америки поможет он стать на путь независимого созидания! Да, безусловно, это тема для серьезной статьи. Но потом я смотрю на лицо Жозе и забываю о серьезной статье, потому что меня охватывает острая и хорошая зависть — зависть перед юностью, приподнимающей полог завтрашнего дня. И мне уже хочется просто передать состояние Жозе и всех таких же или почти таких же, как он, шумящих в коридоре за дверью.

Я слежу за взглядом Жозе и вижу пеструю бурю листопада, льнущую к окнам. Теперь вслед за Жозе я думаю об этих листьях, и они рождают новые ассоциации. Вот так же летят в эти дни во все концы земли письма с обратным адресом: «Москва, Университет дружбы». И в каждом непременная строка: «Вы не представляете, как сердечно встретили нас здесь. Первую науку мы уже постигли — науку дружбы». И они правы: в Москве этот учебный «курс» совпал с курсом, взятым нашим государством...

И еще мне кажется, что это не осенние листья кружат за окном, а слетевшие с дверей комнат общежития пестрые флаги. Они доверчиво трогают друг друга и несутся дальше, дальше, вместе, подхваченные тем же ветром — ветром дружбы.

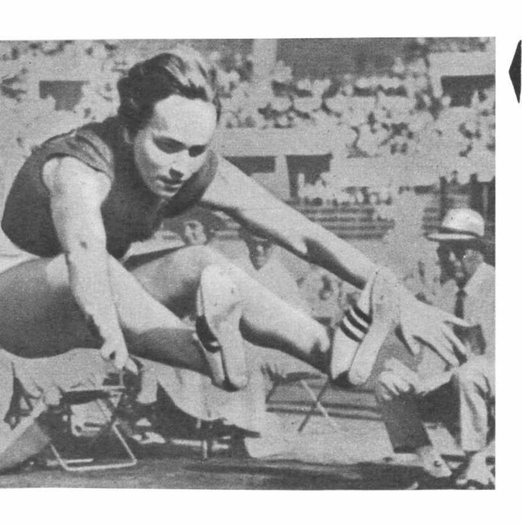
Если гостья из трамвайного депо может быть артисткой, почему и мне не рискнуть сплясать?

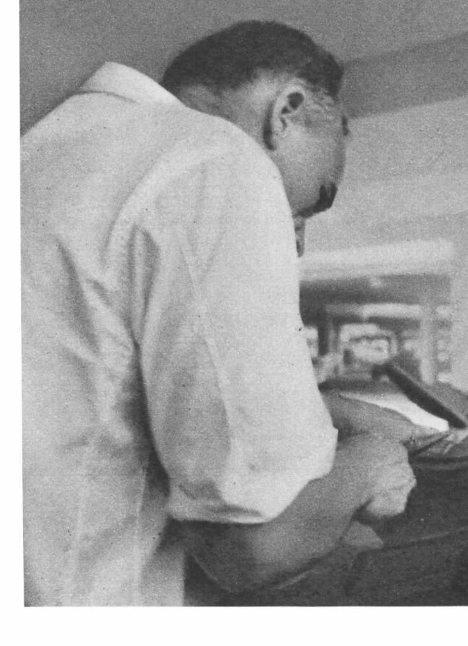
Так пляшут сегодня в Мексике.

Ему понравился русский завтрак.

Вера Крепкина — чемпионка XVII Олимпийских игр.

ГЛАВ

СЮР

Г. КОРОБКОВ,
заслуженный тренер СССР

1

Душным римским вечером 4 сентября, в тот час, когда вместе с другими обитателями олимпийской деревни я наслаждался отдыхом и прохладным ветерком, над моим ухом раздалось «Хэлло, Гэйб!». Меня, как оказалось, приветствовал Ларри Снайдер, главный тренер легкоатлетов США.

Я всегда поражался, как быстро американцы укорачивают все известные имена, вне зависимости от того, кто их носит. Николай у них сразу становится Ником, Михаил — Майком и даже сам президент — Айком. «Ты можешь не сопротивляться: все равно я должен привезти тебя в «Ажип». Берт сказал, чтобы я привез тебя с собою, даже если для этого придется прибегнуть к насилию,— говорил Снайдер.— Эти ребята хотят знать, что произошло и почему, черт побери, им приходится так часто слушать Гимн Советского Союза. Семь раз за четыре дня, не много ли? А впереди ведь еще четыре дня соревнований!».

Ларри, как всегда, шутил, но на этот раз в его голосе я услышал какие-то тревожные нотки.

«Этими ребятами» он называл несколько тысяч американских туристов — любителей легкой атлетики, съехавшихся в Рим и расположившихся в отеле «Ажип» и в окрестных кэмпингах. И вот мы сидим в машине, которая медленно движется в потоке крохотных «фиатов» по виа Фламинио.

Рядом со мной — седая голова Ларри Снайдера, этого легендарного коуча, учеником которого был сам Джесси Оуэнс. Во времена молодости Ларри «сказочные мальчики» — легкоатлеты США и их тренеры — коучи были для всех нас недосягаемыми атлетами, равных которым не было и не могло быть нигде на земле. И вот судьба свела нас с этими людьми. Ведь еще сегодня утром я беседовал с корреспондентом чикагского радио мистером Джеймсом Кливлендом («Джесси») Оуэнсом, который просил рассказать американским любителям спорта о причинах поражения американцев в прыжках в высоту.

Романтическая завеса спала с легкой атлетики США и ее представителей. Мы видим и ощущаем их во плоти, становимся с ними рядом на старт, слышим их дыхание, видим их лица. Вот уже девятый год идет наше соревнование. И сегодня мы соревнуемся с ними, как равные с равными. Вот этапы этого спора: 1952 год — неудача наших легкоатлетов на XV Олимпийских играх в Хельсинки, 1956 год — снова легкоатлетическая команда США впереди на XVI Олимпийских играх в Мельбурне, 1960 год — внушительная победа наших спортсменов на XVII играх в Риме.

Эту победу предсказал главный тренер Мичиганского университета Дон Кэннам. В октябрьском номере американского журнала «Спортс Иллюстрэйтед» за 1954 год, рассказывая о первенстве Европы в Берне, он писал: «Если все пойдет в соответствии с русским планом, то легкоатлеты США не позже чем в 1960 году потерпят поражение».

2

Круто развернувшись, наш автомобиль останавливается у залитого огнями здания. Вверху на фоне быстро темнеющего неба ярко горят неоновые буквы «Ажип». Иду вслед за Снайдером и сразу оказываюсь в толпе. Чья-то рука незаметно прикалывает к лацкану моего пиджака прозрачный прямоугольник из пластмассы—в нем бумажка, на которой написано мое имя, кто я такой и откуда. Смотрю вокруг — у каждого из нескольких тысяч на груди такая же визитная карточка. Очень удобно: не надо представляться, подошел, прочел — и знаешь, кто перед тобой стоит. Десятки рук протягиваются для рукопожатия. Каждому интересно увидеть живого советского коуча.

Подходят старые друзья по встречам в Мельбурне, Москве, Филадельфии — тренеры крупнейших университетов и колледжей США, на которых вот уже более полувека покоится слава американской легкой атлетики.

Около трехсот колледжей и университетов США имеют фактически профессиональные команды легкоатлетов, которые находятся в течение пяти—семи лет учебы под непрерывным контролем этих людей; 50—100 спортсменов, из которых состоит команда колледжа, отобраны в школах, где школьный коуч имеет «на прицеле» способного юношу и поставляет его в «свой» университет, получая за это солидную денежную премию.

Хорошая команда университета — это большой бизнес. Вот почему идет непрерывный поиск талантов, вот почему быть талантливым легкоатлетом — значит получить возможность учиться в колледже, что доступно лишь богатым, вот почему негр стремится уже в школе быть первым на финише. Это ведь для него единственный шанс «выйти в люди», стать студентом высшего учебного заведения.

Вся легкая атлетика США имеет этот привкус профессионализма. Достижения атлетов США — это не естественный результат здоровья народа, массовости спорта, нет, это продукт профессионализации, которая все больше и больше охватывает американскую легкую атлетику, все больше и больше сужает ее рамки. И в этом причина того, что она начинает терпеть поражения.

Так возник один из удивительных контрастов американского образа жизни: мировые рекорды атлетов и непрерывно ухудшающаяся физическая подготовка подрастающего поколения Америки. И это не досужие вымыслы, а материалы исследования, доложенные президенту. Так называемый «доклад Келли» потряс президента, ибо из него явствовало, что 40 процентов призывников в США оказываются абсолютно непригодными к несению военной службы по состоянию здоровья и уровню физической подготовки, а американские дети, согласно проведенным массовым испытаниям, на 49,2 процента слабее по физической подготовке своих европейских сверстников.

3

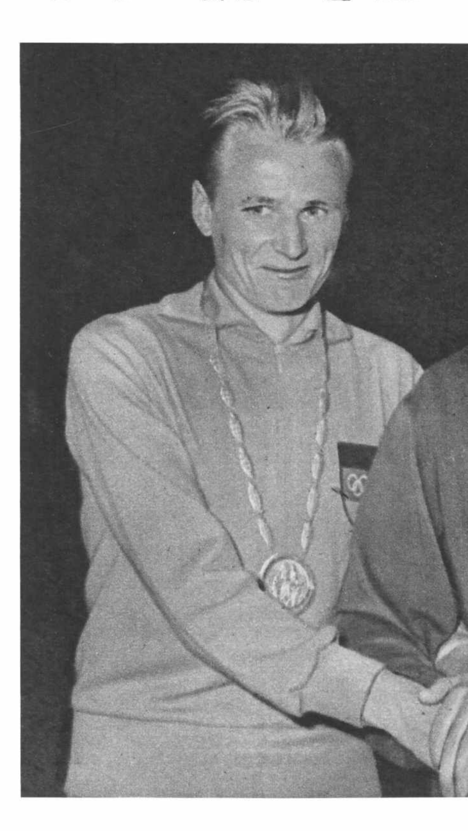
Такие мысли приходят в голову, пока я беседую с университетскими коучами.

Потом нас приглашают в зал. К микрофону подходит один из редакторов американского легкоатлетического журнала, Берт Нельсон. Он говорит о том, что американцам надо расстаться с иллюзиями о непобедимости своей команды. «Слишком долго мы считали, что для того, чтобы побеждать в Олимпийских играх, достаточно быть американцем, достаточно быть высоким, здоровым парнем с длинными ногами. Русские доказали нам, что это не так».

Выступает журналист Дональд Поттс: «В Мельбурне в команде Советского Союза было лишь два бойца — это Куц и Кашкаров. В Рим они привезли команду бойцов. Что будет в Токио?»

Слово предоставляется Ларри Снайдеру. Воцаряется полная тишина. Ларри подходит к микрофону и начинает говорить. Сначала тихо, словно сам с собой, задавая вопросы и сам отвечая на них. Затем его голос становится более твердым. Он старается убедить в своей правоте не только аудиторию, но и самого себя. Я понимаю его. Как ему объяснить всем им, свидетелям поражений Нортона, Томаса, Коннолли и других американских «суператлетов», почему все идет не так, как это предсказано им самим, Ларри Снайдером?

Как объяснить им, что сам он оказался жертвой того предолимпийского психологического наступления, которое развернули американские руководители спорта, и уверовал в непобедимость атлетов США? Как объяснить, что мировые рекорды, установленные атлетами США накануне Рима, еще не означали побед в Риме, а, наоборот, затруднили эти победы и что он не смог трезво оценить соотношение сил в мировой легкой атлетике?..

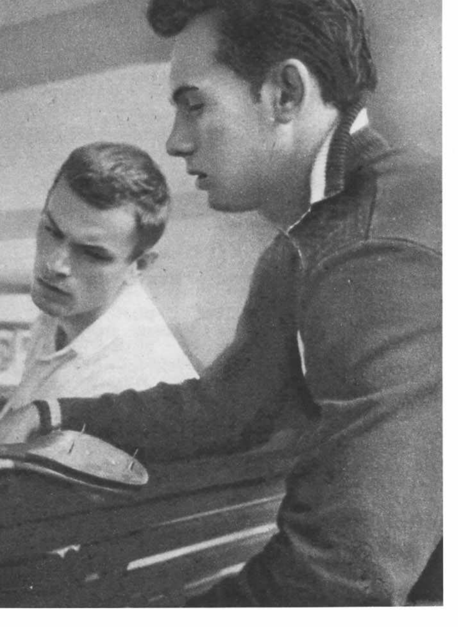

Финальный забег на 200 метров в Риме закончился поражением американских спринтеров. Об этом говорит фотофиниш — снимок, сделанный с помощью специальной установки. Вот что показал беспристрастный глаз фотообъектива.

Первым пересекает финишную черту замечательный итальянский бегун Либио Беррути. На целый метр отстал от него Л. Карней (США), еще больше проиграли два других американских спортсмена — С. Джонсон и знаменитый Р. Нортон. Они заняли всего лишь пятое и шестое места.

Третье место завоевал спортсмен французской команды сенегалец А. Сей, а четвертым был польский бегун М. Фойк.

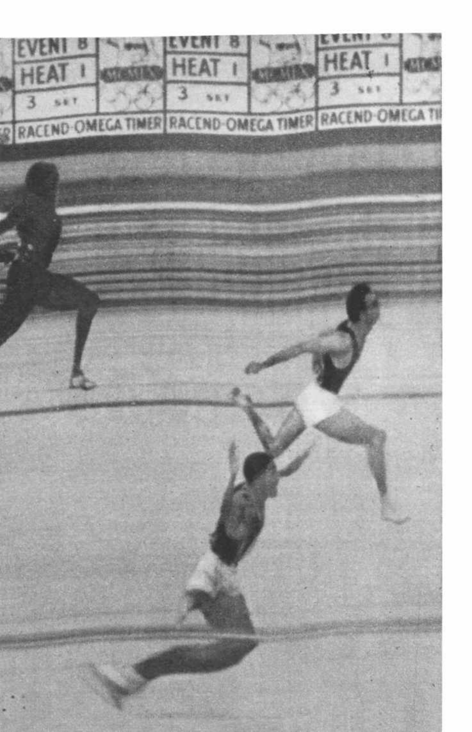
Валерий Брумель готовится к борьбе в Риме. Перед стартом надо наточить шипы спортивных туфель.

НЫЙ

Перед нами три призера в беге на 10 тысяч метров. В центре — олимпийский чемпион Петр Болотников, слева от него — бегун Объединенной немецкой команды Ханс Гродотцки, занявший второе место, справа — австралиец Дейв Пауэр, получивший бронзовую медаль.

ПРИЗ

И Ларри прямо говорит об этом. Он признает свои просчеты и признает, что теперь не только в США знают секреты олимпийских успехов. «Мы не ищем обстоятельств, смягчающих нашу вину,— заканчивает он.— Здесь, в Риме, побеждают те, кто сильнее, кто лучше подготовлен. Побеждает лучшая система тренировки». Сидящий напротив меня известный шведский журналист Леннарт Страндберг — в прошлом рекордсмен Европы в беге на 100 метров — протягивает мне свежий номер газеты «Арбетет». Через всю первую полосу огромными буквами заголовок: «Отдайте Томаса русским тренерам — и он прыгнет 2.30».

Затем меня просят ответить на вопросы, которые интересуют всех присутствующих. Стараюсь обстоятельно объяснить им причины успехов наших спортсменов, главные из которых таятся в нашем советском образе жизни, в социалистической системе, открывающей беспредельные возможности физического и духовного совершенствования молодежи.

«Искать причины наших успехов в «секретах» тренировки бесполезно», — заканчиваю я свое выступление.

4

И вот позади еще четыре дня, проведенные на стадионе «Форо Италико» и на древней Аппиевой дороге. Можно подвести итог: результаты легкоатлетических соревнований являются главным сюрпризом олимпиады.

Впервые за 60 лет современных Олимпийских игр по количеству очков команда легкоатлетов США не вышла на первое место.

Легкоатлеты СССР завоевали первенство, опередив на шесть очков команду США.

В Риме было определено действительное соотношение сил. Под натиском спортсменов Советского Союза и других стран некогда непобедимые заокеанские «суператлеты» были вынуждены сложить оружие. И мы стали свидетелями этого знаменательного события в мировом спорте.

...Сухие голени, длинные ноги, отлично развитый плечевой пояс, рост не ниже 180 сантиметров — так выглядят спринтеры США. И все же и в беге на 100 метров и в беге на 200 метров побеждают два европейца — немец Армин Хари и итальянец Ливио Беррути.

После их побед я впервые увидел, как американцы с напряженными и мрачными лицами выходили на старт эстафеты 4 × 100 метров за последним шансом на золотую медаль в спринте.

Я видел, как нервничал на разминке Нортон. Он не случайно перешел зону, за что была дисквалифицирована команда США. Впервые американцы столкнулись с равными себе на беговой дорожке, и это сразу решило исход борьбы. Не выдержали нервы!

Но почему же нет и у нас своих Хари и Беррути? Как преодолеть это отставание? Надо настойчиво искать способную молодежь и успешно работать с ней.

Молодых бегунов надо заботливо взять за руки, привести на стадион и показать, что такое бег — самый древний и самый увлекательный вид спорта. И, поверьте, если это делать умело, они до конца дней своих будут бегунами — закаленными людьми с несгибаемой волей, здоровым сердцем, сильными ногами, неутомимыми в любой работе. И еще, что очень важно: нужно навсегда похоронить легенду о легком пути к высоким результатам в беге, которая все еще имеет хождение среди отдельных спортсменов и тренеров. Такого пути нет. Об этом надо прямо говорить нашей молодежи. Там же, где мы приложили свои усилия, там, где потрудились, не жалея времени, нас ждала победа.

Я видел, как спокойствие и уверенность Василия Руденкова еще до первого броска вывели из равновесия американца Гарольда Коннолли и он не смог показать результата, достойного мирового рекордсмена. Ту же картину мы наблюдали в метании копья, когда после первого отличного броска Виктора Цыбуленко мировой рекордсмен Ал Кантелло (США) вдруг «потерял» свою технику.

С большим преимуществом завершили олимпиаду наши женщины: шесть золотых медалей из десяти, шесть олимпийских рекордов и 74 очка. Немки, занявшие второе место, набрали 40 очков.

Помню, как перед стартом, в последние минуты ожидания в тоннеле перед выходом на большую арену «Форо Италико», я спросил у Ирины Пресс: «Ну, как?» «Все будет в порядке»,— последовал ответ. И все действительно «было в порядке». Почти новичок в международном спорте, Ирина Пресс, не обращая внимания на мировых рекордсменок, стоявших и слева и справа от нее на старте, уверенно выиграла метр у ближайшей из них, а с ним и золотую медаль.

На олимпиаде изменилось не только соотношение сил в первой тройке великих легкоатлетических держав: в Мельбурне это были США — СССР — Австралия; в Риме — СССР — США — Объединенная немецкая команда.

На XVII Олимпийских играх раскрылся спортивный потенциал стран лагеря социализма и тех стран, которые еще вчера были белыми пятнами на спортивной карте мира.

Огромной сенсацией была победа эфиопа Бикила Абебе в марафоне. Он не проявил даже малейшего утомления, закончив дистанцию в 42 километра 195 метров под древней Аркой Константина. Бикила рассказал, что очень жалеет, что один его друг не приехал и не бежал в Риме. Все это произошло потому, что в день отбора ему пришлось «сбегать» к заболевшей матери, которая живет всего лишь в каких-нибудь 35 километрах от Адис-Абебы. «Он намного сильнее меня и наверняка был бы здесь первым»,— сказал Бикила Абебе.

Вторым за эфиопом финишировал марокканец Абдеселем Рхади. По неопытности он решил накануне участвовать в беге на 10 000 метров, где упорно боролся с Болотниковым и показал неплохой результат. Если бы он не сделал этого опрометчивого шага, то мог бы победить на марафонской дистанции.

В беге на 400 метров всех поразил человек с длинной косой, которая во время бега была ленточками укреплена на его голове. Милкха Сингх лишь перед стартом в беге на 400 метров снимал чалму. Индиец пробежал 400 метров за 45,6 секунды.

Никто не знал в прошлом году Энрико Фигуэрола. На Олимпийских играх молодой кубинец занял четвертое место в беге на 100 метров с результатом 10,3 секунды! Лишь неопытность помешала ему добиться призового места.

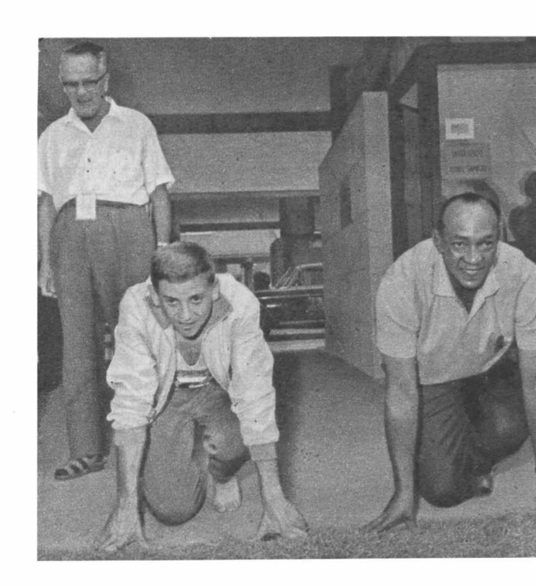
Начисто опроверг глупую расистскую теорию о том, что негры не способны бегать длинные дистанции, Майоро Нандьика из Кении. Он пробежал 5 тысяч метров за 13 минут 52,8 секунды и был на финише шестым.

В беге на 400 метров с барьерами негр из Кении Ротик показал результат 51,2 секунды. Выяснилось, что он в первый раз в жизни бежал эту дистанцию! Скажу, что 51,2 секунды — лучший результат СССР в этом году. Когда на тренировке мы увидели Роберта Котей из Ганы, мы буквально ахнули. Ганец перепрыгнул через планку на высоте 208 сантиметров, как говорят, «солдатиком», не владея современной рациональной техникой прыжка. А команда Нигерии в эстафете 4 × 100 пробежала круг за 40,1 секунды.

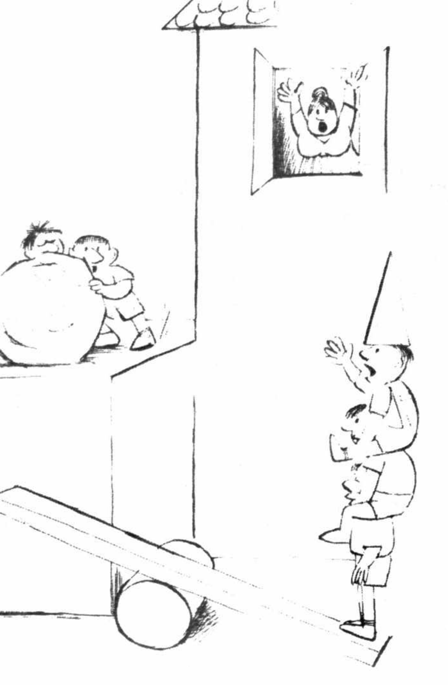
В международную спортивную семью входят новички из Африки, Азии, Латинской Америки. Они пока еще плохо знают современную технику прыжка, не разбираются в тонкостях тактики на беговой дорожке. Но у них есть главное — талант, воля, горячее сердце и неистребимое желание в честной спортивной борьбе прославить свою родину.

Теперь легкая атлетика получила широкое развитие во всем мире.

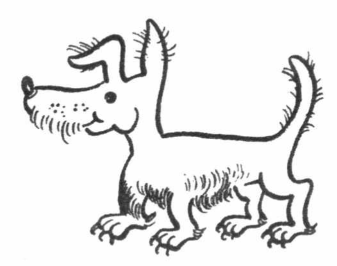
Фото М. Боташева
и Ассошиэйтед Пресс.

Редкий снимок удалось сделать корреспонденту Ассошиэйтед Пресс. На старте два знаменитых спринтера прошлого и настоящего— двадцатитрехлетний Армин Хари и сорокасемилетний Джесси Оуэнс.

Трехступенчатая ракета.
Рисунок Ц. Нервиньского.
Варшава.

Таким был Шарик в жизни...

Таким его вывел в пьесе автор, больше всего страшившийся обвинения в лакировке...

Таким стал Шарик в спектакле после долгой, кропотливой и плодотворной работы театра с драматургом...

Таким стал Шарик после двух рецензий в толстых журналах...

И таким — после долгой, кропотливой и плодотворной переработки с учетом мнений уважаемых рецензентов.
Рисунок Гр. Оганова.

У НАС В ГОСТ

Братушки

Николай ШИРОВ-ГАРАС

В полдень все село с женами и детьми, с цветами и флагами собралось около шоссе встречать братушек. Ждут, ждут! Показался первый советский грузовик. Потом — второй, третий, целая колонна. Радость, объятия — можно ли об этом рассказать? Дед Стоян, ополченец, забыл, бедняга, приготовленную речь! С открытыми объятиями бросился он к братушке-майору. Целовал его, гладил дрожащими руками медали и глухо повторял:

— Пришли, сынок, пришли братья! Дождались мы вас!..

Когда стемнело, каждый повел к себе на ночлег братушек. И представьте себе, Пеню Комита остался без гостей! Остальные взяли двух-трех, а он ведь стеснительный, не умеет устраиваться.

— Дед Стоян,— сказал Пеню,— не считай меня больше жителем села! Беру жену и осла, и больше меня здесь не увидите. Каждый взял себе в дом братушку, некоторые по два и по три, а для меня нет ни одного.

Рядом с дедом Стояном стоял братушка-майор. Майор засмеялся и крикнул:

— Арсеньев!

Выскочил и вытянулся перед ним, как струна, молодой, рослый солдат. Сказал ему что-то майор и указал на Комиту. Солдат улыбнулся, взял под козырек.

— Комита, село наше не лишится тебя! — сказал дед Стоян Пеню.— Майор посылает тебе гостем своего адъютанта!

В воротах их встретила улыбающаяся Пенювица с подносом в руках. А на нем хлеб, соль, бутылка со сливовой ракией и огурчики на закуску. Отломал братушка кусочек хлеба, приложился к бутылочке и вошел во двор. Увидев гостя, одноухий осел во дворе Пеню торжественно заревел. Умылся солдат. Поливал ему Пеню, а Пенювица дала белое с синими полосками полотенце. Сели ужинать.

— Слушай, братушка! Я прозываюсь Пеню, Пеню Комита, значит! Моя хозяйка называется Гена! А как твое имя? — спросил Пеню адъютанта.

— Иван,— ответил адъютант.

— Смотри ты! Так ведь его имя, как наше! — ахнула Пенювица.— Смотри ты... Иван!

— Иван, конечно. Чему ты так удивляешься? — отрубил важно Комита. — Это — славянское имя! Видела ли ты англичанина Ивана или американца? Нет! А болгарин или русский будет Иван! Не Иван, так Николай! Не Николай — Александр будет! Это и есть славянское единство!

Пришло время спать. Отвел Пеню Ивана в комнату.

— Хорошенько выспись.

— Ладно, отец! — ответил ему Иван.

— Как ты сказал? — растревожился Комита и побежал в комнату к Пенювице.

— Гена, холодно нашему Ивану! — сообщил он ей.— Давай покроем его еще одним одеялом!

Вынула Пенювица еще одно одеяло, взял его Пеню, отнес в комнату и покрыл им гостя.

— Сейчас другой разговор, а? — сказал Пеню.

— Ладно, ладно! — повторил Иван.

— Неужели? Вот тебе раз! — растревожился Пеню и опять побежал к Пенювице.

— Опять холодно Ивану! — сказал он.— Очевидно, у этого парня лихорадка, давай перенесем печку в комнату, а его разотрем солью с керосином.

Взяла Пенювица трубу, Пеню взял печку, и отнесли их в комнату к Ивану.

— Ну что такое? — удивился тот и даже приподнялся на кровати.

— Вот, Иванчо, поставим здесь печку и затопим ее. Ведь тебе холодно, б-р-р! — И Пеню показал, что и он дрожит.

Догадался Иван, что его «ладно» поняли как «хладно», и так рассмеялся, что кровать затряслась. Пеню и Пенювица посмотрели на него и ничего не поняли. Тут он им объяснил, что «ладно» значит не «хладно», а «хорошо».

— Так бы и сказал! А мы испугались, что ты простудился, и чуть не натерли тебя керосином с солью! — засмеялся Пеню, а с ним и Пенювица.

Перевел с болгарского Вл. ТРОНКО.

Эпохальное открытие

Арнольд МОСТОВИЧ

Действующие лица:
выдающийся ученый,
журналист.

Действие происходит на **квартире** выдающегося ученого.

Журналист. Добрый день, пан профессор! Я счастлив, что мне удалось опередить моих коллег и явиться к вам за интервью раньше всех...

Выдающийся ученый. Пожалуйста, я готов отвечать на вопросы.

Журналист. Желательно прежде всего, пан профессор, узнать у вас, соответствуют ли правде сообщения, переданные печатью, что вы, работая над различными способами продления жизни, достигли сенсационных результатов?

Ученый (скромно). Да, это правда...

Журналист. Кажется, пан профессор, первые свои опыты вы проводили на мышах?

Ученый. Да, сейчас я работаю над продлением жизни мышей... И могу сказать вам, что тут можно отметить немалые достижения. Да, пожалуй, это серьезный шаг в борьбе со смертью!

Рисунок М. Ушаца.

Журналист (почтительно). Нельзя ли узнать, какие вы нашли средства для продления жизни этих зверьков, пан профессор?

Ученый. Пожалуйста, тут нет никакой тайны. Я предлагаю ликвидацию всех котов и кошек...

Перевел с польского Я. НЕМЧИНСКИЙ.

Влюбленный

Гюнтер ГРЕГОР

Ты холост и влюблен.
Ты где-то бродишь ночью...
Ты одинок, покинут, ты — в тоске.
Любимую ты так увидеть хочешь,
Что жизнь твоя
Висит на волоске!
Потом, за по́лночь,
Средь уснувших зданий
Ты через город тащишься домой
И вслух бранишься:
— Хватит ждать свиданий!
Какой в них смысл?
Не любишь? Черт с тобой!

Но вот она тебя поцеловала...
Ты вновь влюблен!
А дальше... все сначала!

Перевел с немецкого Евгений КОРШУНОВ.

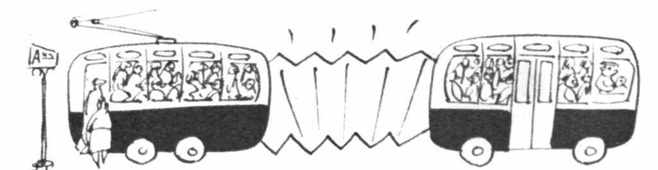

Из охотничьих новелл...
Рисунок Вл. Гальбы.

Без слов.
Рисунок Г. Пирцхалавы. Тбилиси.

Я Х: «ПЕРЕЦЬ» «ШПИЛЬКИ» «СТЫРШЕЛ» «ОЙЛЕНШПИГЕЛЬ»

КАКИЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СНЫ БЫВАЮТ

Александр **КОВИНЬКА**

Рисунок Гр. Оганова.

Удивительный сон на днях мне приснился. Будто я это не я, техник Грицько Кныш, а вроде я — моя жена Палазя.

И приснится же такое чудное: из мужского рода превратился в женский! И юбка, и туфли, и косы на голове заплетены... Словом... Да что говорить, вы сами знаете, что надевает мужчина, а что—женщина!

А где же, думаю, моя Палазя, женушка моя? Вожу глазами и не верю глазам своим. Жена моя Палазя будто не жена моя, а я — Грицько Кныш. Лежит на кровати и храпит на все заставки. Спит!

Думаю, пусть муж, значит, моя Палазя, спит, а я домашним хозяйством займусь.

Оно, известно всем, домашняя работа нетрудная. Веялку не крутить и мешков на себе не носить. Возиться по дому — это же одни пустяки. Разные мелочи. Честное слово, домашняя суетня — сущая ерунда.

Так что вы, товарищи мужья, не очень-то пугайтесь, если и вас во сне превратит, как меня превратило. Начинайте тогда по хате суетиться, как и я суетился.

Пускай муж спит, вы его не тревожьте. Вот и мой, значит, спит, а я тем временем дочку Яринку и шестимесячного сынка Таська выкупал, накормил, постелил, спать уложил.

Вот и вся моя домашняя работа.

Ну, еще там посуду помыл, коврики выбил, сор веничком вымел. Да и все... Разве это много?

Ну, там еще всякие мелочи: носочки поштопать, пуговки пришить, рубашонки деткам подлатать, костюм мужу выгладить, пеленки постирать, так это же совсем несложно!

Сделал это все, сел и сижу. А уже как сел, так тут тебя и мысли разные донимают: чем же утром мужу угодить? Что ему хорошенького на завтрак спечь, сварить?

Решил: вот это сварю, а вот то спеку, да, пожалуй, пора и спать ложиться. Хотел было лечь, да вспомнил: ой, я ведь забыл еще об одной мелочи — галстуки и носовые платочки выгладить! Пускай муж рукавом нос не вытирает.

Выгладил платочки, лег, задремал. Вдруг чувствую, что муж — Палазя — меня под левый бок толк рукой!

— Встань, голубка, погляди. Чего-то Тасько кричит.

Я прошу:

— Может, ты встанешь? Я недавно лег.

— Вот еще выдумал! Ты теперь жена. Ты и вставай!

Встал я, а дите, бедненькое, мокрое-мокренькое. Переменил я постель, высушил пеленки и немножко, с полчаса, сыночка развлекал. Смеялся, смеялся Тасько и уснул.

Прилег и я. Спал не спал, как вдруг Палазя — мой муж — снова толкает меня в правый бок.

— Подними, пожалуйста, голову. Чего-то дочка просит.

Я поднял.

— Чего тебе, Яринка? — спрашиваю.— Пить?

— Да.

— Иди сама.

— Там темно. Я боюсь... Поведи меня.

Пришлось вставать. Глянул на часы — шестой час. Некогда уже и спать. Надо и о завтраке позаботиться: деткам молочка вскипятить и манки наварить.

Умылся, оделся, сбегал в «Гастроном», взял пол-литра томата, поставил борщ: пускай пока кипит, а я пол начал мыть.

Помыл пол, накормил дочку и отправил ее в детсад. Детский сад недалеко — два квартала пройти.

Одной утренней заботой стало меньше. Накормлю еще маленького манкой и, когда пойду на работу, занесу сыночка по дороге в детские ясли. Вот и все дела!

Хлопочу по дому и напеваю. Не печалюсь. Рад: детки маленькие живут в тепле, в добре.

Какая это, думаю, подмога матери! Вот если бы еще, думаю, наши мужья научились пеленки стирать или мусор подметать. Оно ведь, думаю, наука несложная. А математика тут и вовсе простая: раз ты сына накормил манкой, другой раз я.

Или пол. В ту субботу я помыл, а в эту ты.

Сплю я и переживаю: какая несправедливость! Все домашнее на мне и на мне. Деток накорми, пеленки выстирай и сор трижды в день из дома выметай!

Нет, мыслю про себя, негоже это. Неправильно. Думаю, если мне удастся превратиться в мужа, я буду жене очень помогать.

А то и в самом деле, навалили на бедняжку: постель прибери, подушки взбей, да еще перину туда и сюда переверни...

Такие мои мысли прервал Тасько. Громко заплакал, и Палазя, мой муж, говорит:

— На! Возьми ребенка! Накорми.

Вот тут я с перепуга и проснулся. Колени дрожат, тело трясет...

Гляжу, сынок не плачет, а смеется. А моя любимая, дорогая жена из той комнаты кричит:

— Вставай и умывайся! Я уже и натопила, я уже и наварила...

«Боже,— думаю.— Слава тебе, что это только сон!»

— Поленька! — говорю. — Дорогая ты моя! Сегодня пол мою я.

Жена усмехнулась, поцеловала меня и нежно-нежно произнесла:

— Что это ты, Гриць, вздумал? Ну, спасибо тебе на добром слове. Лучше поздно, чем никогда...

Чудесная у меня жена! Должно быть, придется все-таки оседлать эту мудреную науку: пеленки стирать и пол подметать...

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

На XIV шахматной олимпиаде. Филиппинец Ф. Кампоманес преподносит М. Талю вымпел дружбы.

Фото Центральбильд.

Идет финал

Гостиница «Астория» похожа на «олимпийскую деревню». Здесь олимпийцы принимают пищу, готовятся к новым встречам. Поздно ночью во многих номерах горит свет — это значит, что там идет шлифовка отложенных партий. В вестибюле «Астории» теперь уже не так весело, как в дни полуфиналов. Началась серьезная борьба в финале, и надо рано ложиться спать. Даже самый разговорчивый, самый большой «звонарь», шахматный конферансье гроссмейстер Найдорф, озабочен. На турнире идет такая острая спортивная борьба, что Найдорф во время партий снимает пиджак одного из своих многочисленных костюмов.

Все участники, особенно, конечно, финалисты, начали вести строгий турнирный режим а-ля Ботвинник. Ни Таль, ни Петросян больше не развлекают присутствующих пятиминутками. Не видно по вечерам и Бобби Фишера, которого, вероятно, капитан команды США укладывает рано в постель.

Выходной день шахматисты провели с пользой и культурно: посетили Дрезденскую галерею. Таль заявил после посещения: «Любовь к искусству понятна каждому. Эта любовь получила в Дрездене новую пищу». Хорошо сказано!

Вечером олимпийцы посетили новую Лейпцигскую оперу, крупнейшую в Европе.

— Как вам понравилась опера, как вам понравились «Паяцы»? — спросили Бобби Фишера.

— Ничего особенного. Мне понравился только один момент — убийство Недды.

«Высокая оценка» подобного рода вызвала много смеха у участников. В этом высказывании чувствуется плохое влияние приключенческих кинофильмов, демонстрирующихся на Бродвее. А Бобби даже не понял, почему над ним смеются.

Идет финал. На первом этаже играют группы «Б» и «Ц». Там мало зрителей. Туда зрители заглядывают, чтобы посмотреть на экзотические лица шахматистов. Здесь вроде филиала Олимпиады. Но настоящее столпотворение на втором этаже, где зрители следят за двадцатью четырьмя партиями финала. Маленькому корреспонденту «Огонька» не всегда удается видеть весь ход борьбы, и он кое-что вынужден сообщать читателям, руководствуясь слухами. Но если я скажу, что в первом туре наша гроссмейстерская команда показала свою большую ударную силу,— это не слух, а непреложный факт. Болгария была побеждена с сухим счетом — 4 : 0. Однако американцы решили нас преследовать по пятам и победили Румынию 3,5 : 0,5.

На редкость напряженно протекал матч СССР — Югославия. Советский «снайпер» Т. Петросян одержал свою седьмую победу, и сборная СССР захватила лидерство. Но партия Глигорич — Таль была отложена в критической для Таля позиции, и у Югославии имелись все основания надеяться уравнять счет и свести матч к ничьей.

Воскресные газеты сообщили, что чемпион мира на грани поражения. Утреннее доигрывание начинается в 9 часов. В это время колокола приглашали лейпцигцев в церковь, но многие предпочли Мессехаус: ведь не так уж часто можно увидеть Михаила Таля в столь критическом положении! В этот ранний час трудно было добраться до Мессехауса.

Но вот Глигорич и Таль сели доигрывать партию, окруженные массой корреспондентов. Как жаждали многие из них акта капитуляции! Одному зрителю даже показалось, что Таль уже протягивает руку Глигоричу, и он стал аплодировать. Но выражение восторга болельщика югославского гроссмейстера оказалось несколько преждевременным. Таль красиво форсировал ничью и спас партию. Овации Глигоричу не состоялись. Не состоялась и капитуляция Таля. Обошлось без сенсации. Зрители аплодировали, как обычно, Талю. Команда СССР одержала важную победу над шахматистами Югославии.

К третьему туру наплыв зрителей еще больше усилился. В этот день было зарегистрировано рекордное число проданных билетов — 7 867. Надо отметить, что подобные рекорды имеют и свои отрицательные сторочы. Воздух на втором этаже никак не напоминает по своей чистоте гагринский.

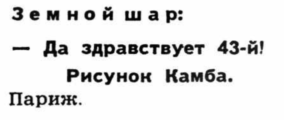
Третий матч наша команда провела не очень экспансивно. Таль рвался в бой с экс-чемпионом мира Эйве, с которым он еще никогда не играл, но капитан нашей команды мастер Л. Абрамов рекомендовал ненасытному чемпиону мира отдохнуть после напряженной партии, ночного анализа и утреннего доигрывания с Глигоричем. Голландии удалось оторвать у нашей команды три половинки. 2,5 : 1,5 не очень хороший результат, если учесть, что в полуфинале мы победили голландцев со счетом 3 : 1.

Проявленная в третьем матче вялость очень помогла команде США. Американцы с крупным счетом — 3,5 : 0,5 победили шахматистов Болгарии и, таким образом, набрав девять очков, сравнялись с шахматистами СССР. Ну что же, тем больший интерес представляет встреча двух сильнейших команд мира.

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька».

Лейпциг.

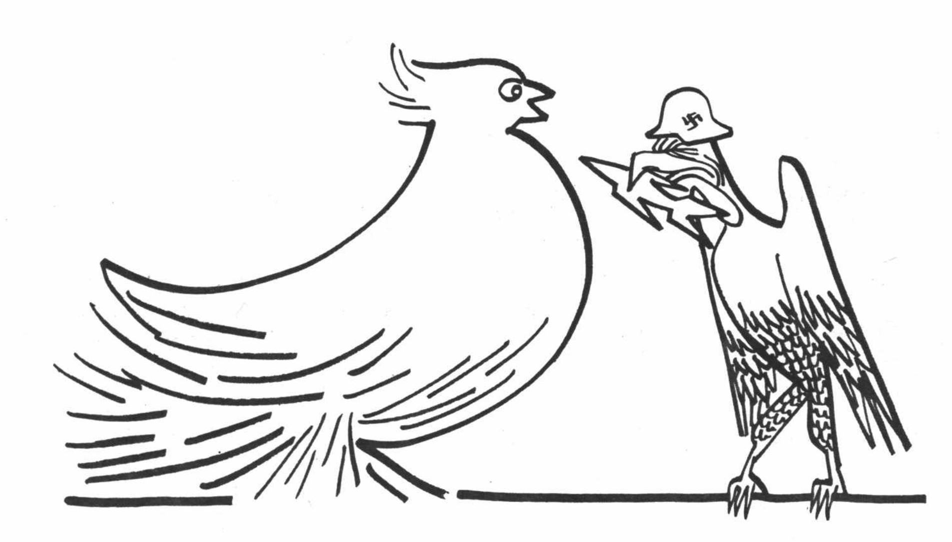

Земной шар:

— Да здравствует 43-й!

Рисунок Камба.

Париж.

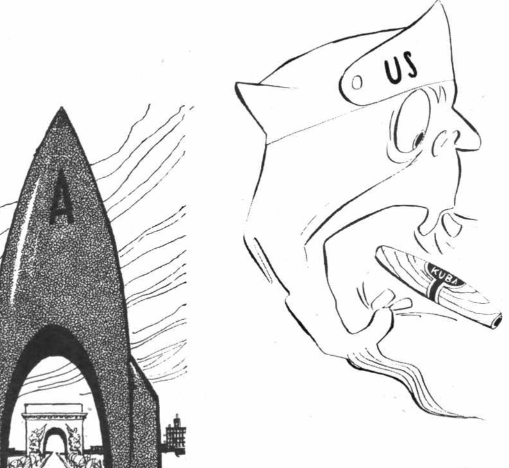

Голубь мира:

— Ты видишь, я с каждым днем становлюсь все сильнее.

Рисунок Г. Кречмара.

Берлин.

Триумфальная арка в представлении боннских генералов.

Рисунок Ю. Черепанова.

Крепкая сигара!

Рисунок Шандора Эрдеи.

Будапешт.

Капиталист:

— Каждый раз весь этот день я чувствую озноб.

Рисунок З. Ленгрена.

Варшава.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Поэма В. Маяковского. 5. Соглашение, договоренность. 7. Город-герой. 8. Восход солнца. 10. Парфюмерное изделие. 11. Пушной зверек. 12. Химический элемент. 13. Вокальная мелодия. 15. Китобойная флотилия. 18. Пьеса А. Корнейчука. 19. Стиль в китайской живописи. 20. Литературно-художественный журнал. 24. Корабль с двумя корпусами. 26. Объявление о спектакле, концерте. 27. Герой грузинской народной поэмы XIX века. 28. Предварительный образец. 30. Сельскохозяйственная машина. 31. Тропический плод. 32. Картина И. И. Шишкина.

По вертикали:

1. Угольный бассейн. 2. Советский писатель. 4. Спутник планеты Уран. 5. Сильный ветер. 6. Река в Сибири. 9. Фруктовое дерево. 10. Документ об окончании высшего учебного заведения. 14. Материк. 15. Музыкальный интервал. 16. Исторический крейсер. 17. Чемпион Олимпийских игр. 21. Периодически организуемый торг. 22. Строительный материал. 23. Скрипач, народный артист СССР. 24. Искусственное русло. 25. Хлопчатобумажная ткань. 28. Гора на Северном Кавказе. 29. Индийский писатель.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали:

4. «Москвич». 5. Стеллит. 8. Твардовский. 13. Рекорд. 14. Рудный. 15. Галактометр. 18. Карпов. 21. Монтан. 23. Кантата. 24. Дефо. 25. Кокс. 26. Аракс. 28. Синус. 29. Лапта. 30. Азербайджан.

По вертикали:

1. Сокол. 2. «Костер». 3. Сириус. 6. Сварка. 7. Пируэт. 9. Джонка. 10. «Восток». 11. «Сережа». 12. Рыжова. 16. Левко. 17. «Ермак». 19. Пшеница. 20. Отважная. 22. Никитин. 26. Астра. 27. Слюда.

Летом нынешнего года редакция журнала «Огонек» учредила приз лучшему вратарю сезона. Приз «Огонька» вручен заслуженному мастеру спорта, вратарю московской команды «Динамо» и сборной команды СССР Льву Яшину.

Фото А. Бочинина.

Обложка работы художника В. КЛИМАШИНА.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06466. Подписано к печати 1/XI 1960 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1.720 000. Изд. 1837. Заказ № 2955.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

АРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Рисунок М. Абрамова.

Рисунок Рауля Вердини.

Рим.

На подхвате около африканского вулкана. Рисунок Е. Ведерникова.

Устами младенцев...
Рисунок Ю. Ганфа.

Цена номера 3 руб.